

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. И. КАНТА»**

На правах рукописи

Попова

ПОПОВА Софья Борисовна

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА УСПЕХА
(на материале русского и польского языков)**

10.02.01 – русский язык

10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент Т.М. Шкапенко

Калининград

2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ	12
§ 1. Понятие детерминанты в лингвистических исследованиях	12
1.1. Внутренняя и внешняя детерминанты в системной типологии Г.П. Мельникова.....	12
1.2. Детерминанта в составе средств общелингвистического инструментария	20
1.3. Экстралингвистические и интралингвистические факторы языковой изменчивости.....	25
§ 2. Концепт/образ успеха как объект лингвистических исследований.....	30
2.1. Соотношение понятий «образ» и «концепт» в лингвистических исследованиях.....	30
2.2. Изучение концепта/образа успеха в лингвистике.....	36
2.3. Изучение национально-культурной специфики языковых единиц в онома- сиологической перспективе	43
§ 3. Системно-структурный и функциональный подход в лингвистических исследованиях.....	49
3.1. Парадигматическая и синтагматическая организация полей	49
3.2. Полевой и гнездовой подходы в лингвистических исследованиях.....	54
3.2.1. Полевой подход к изучению концепта/образа	54
3.2.2. Гнездовой подход к изучению концепта/образа.....	57
3.3. Семантическая деривация как форма детерминированного развития языко- вого знака	63
Выводы	71
ГЛАВА II. ОБРАЗ УСПЕХА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ДИАХРОННО- СИНХРОНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	75
§ 1. Формирование образа успеха в древнерусский период.....	75

§ 2. Образ успеха в период становления и развития национального русского языка до начала XX столетия.....	89
§ 3. Формирование образа успеха в послереволюционный и советский период	97
§ 4. Формирование образа успеха в русском языке в период новейшего времени.....	104
Выводы	114
ГЛАВА III. ОБРАЗ УСПЕХА В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ В ДИАХРОННО-СИНХРОНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ.....	118
§ 1. Формирование образа успеха в польском языке старопольского и новопольского периодов	118
§ 2. Образ успеха в польском языке в период Польской Народной Республики	126
§ 3. Формирование образа успеха в польском языке в период новейшего времени.....	133
3.1. Изменения в семантике слова <i>sukces</i> под воздействием внешней детерминанты	133
3.2. Генитивная конструкция <i>człowiek sukcesu</i> как структурно-семантическая детерминанта формирования образа человека.....	138
3.3. Гендерная асимметрия в формировании образа успеха в современном польском языке	149
Выводы	157
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	161
БИБЛИОГРАФИЯ.....	167
1. Теоретическая литература	167
2. Словари и энциклопедические издания	193
3. Источники	198

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена исследованию особенностей формирования образа успеха в национальном языковом сознании под влиянием экстралингвистических и интралингвистических детерминант. Исследование проводится в синхронно-диахронической перспективе на материале русского языка с привлечением данных польского языка.

Выбор темы обусловлен рядом причин.

Рубеж XX – XXI столетий, который в различных источниках получил названия «новейший», «постсоветский» или «посткоммунистический», ознаменовался радикальными изменениями во всех сферах общественно-политической жизни. Распад СССР и социалистического лагеря в целом вызвал необходимость системной социально-экономической трансформации. Доказавшая свое экономическое превосходство западная, в первую очередь, англо-американская цивилизация была избрана в качестве эталонной системы общественного устройства, предлагающего образцы успешного функционирования социума и индивида. В числе важнейших американских идеологов, быстро освоенных русским и другими европейскими языками, оказались такие регулятивные лингвоконцепты, как *вызовы*, *успех* и *успешный человек*, *креативность* и некоторые другие.

Активное внедрение различными средствами массовой информации в дискурсивную ткань русского языка образа успеха как совокупности индивидуальных достижений человека новой, рыночной эпохи, не осталось незамеченным специалистами различных областей знания: философии, социологии, психологии, педагогики и языкознания. В отечественной лингвистике наиболее изученными на сегодняшний день являются различные структурно-понятийные особенности концепта «успех/success» в языке-доноре, а также в принимающих языках (русский, немецкий, китайский языки), рассматриваемые, в том числе, в сравнительно-сопоставительной перспективе (на материале английского и

немецкого, русского и китайского языков). В фокусе внимания российских исследователей находятся гносеологические, лингвокультурные, структурные, социолингвистические аспекты, лексические средства репрезентации концепта «успех», а также гендерные особенности его реализации в языке и речи [Хомкова 2002; Адонина 2005; Эренбург 2006; Гордиенко 2008; Паршина 2008; Хрынина 2009; Андриенко 2010; Смирнов 2018; Скворцова 2019 и др.].

Осмысление семантических преобразований концепта «успех» в вышеуказанных работах ограничивается относительно незначительной хронологической перспективой «советский период»/«период новейшего времени». Обнаруживаемые в национальной концептосфере изменения чаще всего интерпретируются как результат социально-экономических и идеологических изменений внутри самого российского общества, без учета доминирующего влияния, которое оказывают на ресемантизацию понятия «успех» англо-американские идеологии *success*, *successful man* или *successful person*. Следует также отметить, что в процессе контрастивного анализа концепта/образа успеха никогда ранее не привлекались данные родственных языков, выступающих в качестве реципиентов лингвокультурно значимых заимствований из языка-донора.

Цель данного исследования: выявление интралингвистических и экстралингвистических детерминант, определяющих специфику формирования образа успеха в национальном языковом сознании (на материале русского и польского языков).

Объект изучения: лексические единицы ономаσιологического поля УСПЕХ в синхронно-диахронической перспективе (на материале русского и польского языков).

Предмет исследования: характер взаимодействия внешних и внутренних детерминант, определяющих специфику формирования образа успеха в национальном языковом сознании в различные периоды развития языка и общества (на материале русского и польского языков).

Постановка данной цели предусматривает выполнение следующих **задач**:
– охарактеризовать объем понятия лингвистической детерминанты;

- определить характер соотношения между терминами «образ» и «концепт» в отечественных лингвистических исследованиях;
- выявить наиболее релевантный для изучения образа успеха в синхронно-диахронической перспективе тип структурно-системного объединения номинативных единиц;
- реконструировать первичные акты номинации образа успеха в русском и польском языках;
- проследить эволюцию представлений об успехе в конкретные социо-исторические периоды (на материале русского и польского языков);
- изучить лингвистические техники англосемантизации лексической единицы *успех/sukces*, используемые в современном русском и польском языке;
- определить специфику взаимодействия внутренней и внешней детерминанты в процессе формирования образа успеха (на материале русского и польского языков).

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые проведен анализ эволюции образа успеха в холистической синхронно-диахронической перспективе на материале двух родственных языков, с привлечением данных языка-донора, что позволило установить зависимость происходящих семантических и аксиологических преобразований от экстралингвистических факторов и системных внутриязыковых особенностей. Лингвистические особенности экспликации образа успеха в современном польском языке ранее не подвергались анализу, что также свидетельствует о новизне предпринятого исследования.

Актуальность работы определяется недостаточной разработанностью принципов синхронно-диахронического анализа фрагментов языковой действительности, подвергающихся неосемантизации и реконцептуализации. В условиях англоглобализации актуальной задачей является выявление и дифференциация собственного, национального образа успеха в его соотношении с транслируемой в различные языки мира англо-американской версией. Присущая многим современным исследованиям характеристика

«жажды успеха, который чаще всего понимается как достижения человека, связанные с такими сферами, как деньги, карьера и слава в качестве одного из постулатов жизненной философии во многих культурах» [Смирнов 2018: 1] представляет собой необоснованную универсализацию англо-американского образа успеха, ввиду чего выявление национальной лингвокультурной специфики данного понятия имеет особую актуальность.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней представлен системный взгляд на проблему детерминанты в лингвистических исследованиях, описан характер взаимодействия внешней и внутренней детерминанты в процессе англосемантизации автохтонной славянской лексики. Кроме того, в работе вносятся уточнения в решение вопроса об интралингвистических и экстралингвистических факторах языковой изменчивости; характеризуются особенности изучения семантической деривации в диахронии и синхронии, выявляется роль инновационного контекста как средства семантической деривации, а также описывается объем содержания понятий «англосемантизация» и «англосемантизмы». Теоретически значимым представляется также введение терминологического обозначения «ономасиологическое поле» (далее – ОП) как многомерного объединения, репрезентирующего морфосемантические преобразования в синхронно-диахронической перспективе вместе с актуализирующими их контекстами.

Материалом исследования послужили толковые словари русского и польского языков, словари эпитетов и сочетаемости слов, данные национального корпуса русского языка, национального корпуса польского языка, национального фотокорпуса польского языка, а также электронных ресурсов поисковых систем Google.ru и Google.pl.

Методы исследования. Основным методом исследования является лингвоантропологический анализ одного из фрагментов языковой картины мира, предполагающий последовательный учет взаимодействия широкого круга экстралингвистических и лингвистических факторов в формировании и эволюции образа успеха в двух родственных языках. В работе в тесном

взаимодействии использовались методы ономаσιологического и семасиологического анализа, полевой метод, метод семантической реконструкции, этимологический и дефиниционный анализ, контекстуальный анализ, функционально-семантический, лингвокультурологический и сравнительно-сопоставительный методы исследования.

Теоретико-методологической базой осуществленного анализа послужили работы российских и зарубежных ученых в области лингвокогнитологии (А.П. Бабушкин; Е.С. Кубрякова; З.Д. Попова, И.А. Стернин; Г.Г. Слышкин, Ю. С. Степанов; М.Я. Розенфельд и др.), лингвокультурологии (С.Г. Воркачев; В.И. Карасик; В.В. Воробьев; В.В. Красных и др.), теории номинации (Н.Д. Арутюнова; В.Г. Гак; Г.В. Колшанский; М.Э. Рут; А.А. Уфимцева; В.Н. Телия; Г. А. Заварзина, В.И. Шаховский, В.В. Катермина, Б.А. Серебренников), лингвистической детерминации (Г.П. Мельников; О.И. Валентинова, М.А. Рыбаков; Е.А. Марков, И.Д. Тодорова и др.), теории поля (В. Порциг, Й. Трир, Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, А. И. Кузнецова, Г.С. Щур, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.А. Уфимцева, В. Н Денисенко и др.), семантической деривации (В. Вундт; М.В. Никитин; Г. Пауль; А.А. Потебня; Д.Н. Шмелев; Е.С. Кубрякова, Е.В. Падучева; Г.И. Кустова; И.М. Кобозева, И.А. Стернин, Н.Д. Голев и др.), лексико-семантического синкретизма (М.В. Пименова; О.Н. Трубачев; О.А. Черепанова; Л.Г. Яцкевич и др.), контактной лингвистики (С.В. Гринев; М.А. Брейтер; А.И. Дьяков; Крысин Л.П.; Т.М. Шкапенко), неосемантизации (В.В. Виноградов; В.И. Заботкина; Т.В. Попова; Д. С. Лотте; Д.Н. Шмелев; Т.М. Шкапенко; А. Markowski; А. Witalisz и др.)

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что предложенный и апробированный в нем алгоритм описания лингвистических техник семантической деривации на основе выявления инновационных контекстов может быть использован в различных исследованиях в области неологии и лексической семантики. Собранный в работе языковой материал и сделанные на основании его анализа выводы могут

найти применение в разработке спецкурсов по синхронно-диахронической семантике, неологии, лингвистической детерминалогии, ономазиологии и семасиологии, лингвокультурологии, лингвистике глобализации и сравнительно-сопоставительной лингвистике.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования обсуждались на заседании комиссии экспертов Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, были представлены на научно-практической конференции «Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки» (Новосибирск, 2017), VI Международном конгрессе исследователей русского языка: Русский язык: исторические судьбы и современность (Москва, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019 г.), Всероссийской научной конференции с международным участием «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление» (Воронеж, 2019 г.), III Всероссийской научной конференции «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка» (Воронеж, 2020 г.), конференции «Дни науки 2020» и «Дни науки 2021» (Калининград, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта), а также отражены в восьми публикациях.

В соответствии с поставленной целью в качестве основных **положений**, определяющих научную новизну и теоретическую значимость диссертационной работы, на защиту выносятся следующие:

1. Первичные акты номинации успеха в русском и польском языках характеризуются семантическим синкретизмом образов, отраженных в значении дериватов ономазиологического корня -спех-/-śpiech-. В процессе семантикоморфологической эволюции в русском языке дериваты корня -успех- формируют отдельное субполе. В польском языке корень -śpiech- в значении «успех» вытесняется заимствованной латинской лексемой *sukces*, не имеющей производных на почве принимающего языка.

2. Изменения в системе представлений об успехе обусловлены действием экстралингвистических и внутриязыковых факторов. Основным направлением

преобразований семантики слов *успех/sukces* явилось сужение их значения до «позитивного результата действий» или «исхода событий». До конца XX столетия успех не входил в число культурно значимых лингвоконцептов в русском или польском языковом сознании, не имел корреляций во внеязыковой действительности с материальным богатством, а репрезентирующие его лексические единицы исключали возможность сочетаемости с существительными со значением лица.

3. В результате изменения внешней детерминанты – ориентации общества на лингвокультурные образцы США – происходит англосемантизация и реаксиологизация лексики со значением успеха. Основным средством трансляции новых образов и смыслов является калькирование принимающими языками лингвоспецифичных контекстов употребления слов *success, successful* в языке-доноре.

4. Реконцептуализация слов *успех/sukces* заключается в их антропоморфизации – в смене определяемого объекта с процесса или результата человеческой деятельности на характеристику качества самого человека; в приобретении понятием «успех» внеязыковых корреляций в виде богатства, карьеры и известности, а также в формировании отношения к успеху как к востребованной, конструируемой и социально поощряемой ролевой модели человека.

5. При единстве внешней детерминанты в двух лингвокультурных сообществах алломорфизм внутренней детерминанты (различие морфологических способов объективации успеха) влияет на формирование образа успешного человека в соответствующих языковых картинах мира. Атрибутивное сочетание с прилагательным *успешный* в русском языке обуславливает неограниченный круг определяемых субъектов со значением лица. Заполнение адъективной лакуны в польском языке с помощью именной генитивной конструкции *człowiek sukcesu* (человек успеха) усиливает аксиологическую значимость фразеологизма, но одновременно ограничивает его референционную сочетаемость, выполняя роль структурно-семантического рестриктора в формировании образа успеха в польском языковом сознании.

6. Противоречивый характер взаимодействия внешней и внутренней детерминанты проявляется в существовании в польском языке варианта *kobieta sukcesu* при отсутствии сочетания *mężczyzna sukcesu*. Возникновение специального обозначения для «успешной женщины» является результатом следования Польши мировым трендам феминизма и антисексизма, и в то же время представляет собой языковой факт, в котором проявляется свойственная польскому языку и польской лингвокультуре гендерная асимметрия.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Понятие детерминанты в лингвистических исследованиях

1.1. Внутренняя и внешняя детерминанты в системной типологии Г.П. Мельникова

Термин «детерминанта/детерминант» восходит к латинской лексеме *dētermino, āvī, ātum, āre*, употребляемой в таких значениях, как: «ограничивать, отделять, отмежевывать, определять» [Дворецкий], и имеет в русском языке вариативную морфологическую оформленность: детерминант/детерминанта. Как существительное мужского рода, употребляется в языкознании с целью обозначения детерминирующего члена предложения, свободной словоформы, находящейся обычно в начале предложения и не связанного ни с каким отдельным его членом (см. подробнее: [Шведова 1964, 1968, 1973; Рословец 1976; Золотова 2003] и др.), а также в математике, в значении «определитель, составленное по определенному правилу из n^2 чисел математическое выражение» [СЭС].

В других областях научного знания (психология, экономика, медицина, социология, криминология, культурология и др.) большее распространение получила терминологическая лексема, маркированная флексией женского рода. В отличие от приведенных выше примеров, в которых лексема «детерминант» обладает свойством монореферентности и обозначает определенную синтаксическую или математическую единицу, в иных отраслях науки термин «детерминанта» используется в общем значении, приближенном к понятию причины, каузатора или фактора, оказывающего влияние на некоторый объект и предопределяющего его форму или состояние. Так, в психологических науках детерминанта интерпретируется как «любая причина, неизбежно вызывающая какое-либо следствие» [ПС]. Сходное истолкование находим и в различных социологических исследованиях, рассматривающих термин «детерминанта» как «фактор (или элемент), обуславливающий то или иное явление» [СЭС].

Для педагогического и психологического дискурса характерно параллельное употребление термина как в мужском, так и в женском роде. Предлагаемые дефиниции также универсальны в истолковании смысла и описывают его как «любую причину или предшествующее условие явления, события» [ЭСП]. В экономическом дискурсе «детерминанта» употребляется в общем смысле фактора, обуславливающего состояние экономической ситуации или явления, и уточняется в зависимости от конкретного детерминируемого объекта (детерминанта спроса, предложения, цены и т.п.) [ЭС].

Столь активное междисциплинарное употребление термина мы связываем с отраженным в нем причинно-следственным значением, высоко востребованным современной научно-исследовательской парадигмой, со свойственным ей экспланаторным (объяснительным) подходом. Как указывала Е.С. Кубрякова, современной лингвистике «свойственно следование определенной системе общих установок. Таких принципиальных установок мы выделяем четыре, это: экспансионизм, антропоцентризм, функционализм, или, скорее, неофункционализм, и, наконец, экспланаторность» [Кубрякова 1995: 207].

В работах различных лингвистов детерминанта, как инструмент экспланаторного подхода, используется не только в общем смысле как гиперонимическое обозначение языковых или внеязыковых факторов, предопределяющих состояние языкового объекта, но и в узкоспециальном, авторском смысле, восходящем к работам российского ученого Г.П. Мельникова, автора фундаментального труда об основах системной языковой типологии [Мельников 2003].

Идея о необходимости изучения языка как системы восходит еще к И.А. Бодуэну де Куртенэ и Ф. де Соссюру, по утверждению которого «язык есть система, все элементы которой образуют целое, а значимость одного элемента проистекает только от одновременного наличия прочих» [Соссюр 1977: 147]. Создавая свою собственную, авторскую концепцию системной языковой типологии, Г.П. Мельников, однако, указывает, что для основоположников структурализма и всех его последователей характерным являлось отождествление системы со структурой, что не соответствует онтологической сущности данных

понятий. По утверждению ученого, система должна быть описана как «любое сложное единство, в котором могут быть выделены составные части — элементы, а также схема связей или отношений между элементами — структура» [Мельников 1969: 35]. Согласно данной интерпретации структура представляет собой одну из важнейших характеристик системы, однако не является тождественной самой системе. Другой важнейшей характеристикой любой системы, в том числе и языка, является тип субстанции, в которую данная система воплощена. В своих изысканиях Г.П. Мельников по-своему решил поставленную еще И.А. Бодуэном де Куртенэ задачу научной характеристики и классификации языков: обнаружить такие характерные признаки, которые, обособляя один язык от другого, обладают общей значимостью и характеризуют его фонетический и морфологический строй в целом, а, следовательно, способны вскрыть общий механизм и своеобразие развития данного языка [Бодуэн де Куртенэ 1963: 115 – 116].

Согласно концепции Г.П. Мельникова, язык относится к адаптивным, или самонастраивающимся системам. Самонастраивание языка происходит, по убеждению ученого, «стихийно, в процессе «естественного отбора» — неосознанного предпочтения говорящими одних языковых средств другим» [Мельников 1969: 36] Отметим, что при таком подходе в качестве субъекта адаптации языковой системы выступает сам человек, изменяющий систему в соответствии с меняющейся внешней средой своего существования.

Описывая причинно-следственные отношения в рамках изменяющейся языковой системы, Мельников вводит понятие «главный способ функционирования языка», «старшее поддерживающее свойство языковой системы», давая ему различные определения: «оптимизирующий параметр» системы; главная, доминирующая характеристика, «доминанта» системы и, наконец, «детерминанта». Обосновывая наибольшее соответствие последнего термина целям системного описания языка, ученый подчеркивает, что «детерминанта — это и важная, определяющая характеристика системы, и показатель того, что все

в системе не случайно, предопределено, взаимно согласовано, системно взаимосвязано» [Там же: 37]. То есть, с одной стороны, ученый указывает на стихийность, неосознанность речезыковых предпочтений человеком, с другой стороны, постулирует ограниченность «естественного языкового отбора» детерминантой, действующей в каждом языке. Вводимое лингвистом понятие в определенном смысле соотносится с гумбольдтианским «духом языка», с идеей лингвистической относительности Э. Сепира – Б. Уорфа, и в еще большей степени с мыслями Ф. де Соссюра о том, что одни языки развиваются в направлении лексикализации, другие — в направлении максимальной грамматикализации и т.п. Обнаруживаемые в языке детерминантные системные свойства рассматриваются автором в качестве консервирующего фактора, противодействующего в течение сотен и тысяч лет существенным перестройкам структуры и субстанции языка.

Таким образом, для теории лингвистического детерминизма Г.П. Мельникова характерен системный подход к описанию строя языков, вполне оправданный с точки зрения холистической стабильности языковых систем. Устойчивость образующих их субстанций и характера взаимосвязей между ними подтверждается также в выявленной В.М. Солнцевым закономерности: генетически родственные языки в течение длительного времени остаются и типологически родственными [Солнцев 2004: 8]. Комментируя данную закономерность, Г.П. Мельников разъясняет, что при наличии сходства исходной структуры, субстанции и детерминанты генетически родственных языков, даже «при вероятности последующего расхождения их детерминант исходные субстантные возможности накладывают ограничения на допустимые структурные перестройки, и типологические расхождения накапливаются чрезвычайно медленно» [Мельников 1972:188].

Значительный вклад в интерпретацию системной типологии Г.П. Мельникова и основополагающей для ее категориально-понятийного аппарата терминологической единицы «детерминанта» внесли исследователи О.И. Валентинова и М.А. Рыбаков. Ученые конкретизируют и разъясняют объем понятия

внутренней и внешней детерминанты, основываясь не только на всем корпусе тестов, написанных Г.П. Мельниковым, но и на не опубликованных конспектах лекций. Такой всеобъемлющий подход позволяет исследователям дать целостное представление о детерминанте, как важнейшей синтетической характеристике системы, которая позволяет «через иерархически главный единственный признак <...> выразить природу рассматриваемой системы» [Мельников 2003: 73].

Данное родовое понятие подразделяется ученым на внутреннюю и внешнюю детерминанту. К первой ученый относит наиболее устойчивую в диахронии отличительную черту грамматического строя языка [Мельников 2000: 30], которая в синхроническом состоянии детерминирует специфическую внутреннюю форму языкового строя [Мельников 2000: 45]. Понятие внутренней детерминанты языка позволяет трактовать традиционную морфологическую классификацию языков как систему типов, противопоставленных по своему основному типологическому свойству, исторически сложившемуся в специфических коммуникативных условиях, выступающих в роли внешней детерминанты языков [Валентинова, Рыбаков 2017: 69].

Практическое применение положения о внутренней детерминанте находит свое выражение в выделении ученым четырех видов внутренних детерминант для четырех морфологических типов языков: обстановочная внутренняя детерминанта для инкорпорирующих языков; признаковая внутренняя детерминанта для агглютинирующих языков; событийная внутренняя детерминанта для флективных языков и окказиональная внутренняя детерминанта для корнеизолирующих языков.

Г.П. Мельников также постулирует зависимость внутренней детерминанты от внешней, то есть от своеобразия «тех типичных условий функционирования языка, при которых наличие именно данного внутреннего детерминирующего свойства делает языковую систему совершенным орудием социальной коммуникации» [Мельников 2003: 358]. Описывая процесс изменений языка, или его адаптации, ученый указывает, что самонастраивание языка начинается

с исходной внешней детерминанты, изменение которой задает потребность в адаптации языковой системы к новым условиям жизни языкового коллектива, и заканчивается предельной внутренней детерминантой, которая фиксирует результаты преобразования языковой структуры с учетом изменившихся условий функционирования.

Подвергая анализу комплекс трудов Мельникова, О.И. Валентинова, М.А. Рыбаков приходят к обоснованному выводу о том, что предложенная ученым концепция детерминированной адаптации системы к изменяющимся условиям внешней среды позволяет устранить противоречие между синхроническим и диахроническим подходами к исследованию языка.

Следует признать, что теория детерминантного состояния и развития языковых систем Г.П. Мельникова не нашла широкого признания, и на сегодняшний момент в предложенном системно-типологическом русле работают только отдельные отечественные лингвисты (Г.А. Климов, Э.Н. Мишкурин, В.Н. Ярцева, В.М. Солнцев, М.М. Гухман, А.Б. Чернышев, А.В. Загуменнов, И.Д. Тодорова и др.) Однако, как пишет Л.Г.Зубкова в предисловии к изданию главного труда Мельникова, «опора на противопоставление внешней и внутренней детерминанты содействует превращению типологии из дисциплины констатирующей в дисциплину объяснительную и прогнозирующую» [Зубкова 2003: 16], что представляет особую теоретико-методологическую ценность в период активных изменений, происходящих в различных языковых системах под влиянием английского языка как донора глобализации.

Значительный интерес для исследования глобализационных процессов и причин обретения английским языком функций лингва франка представляет собой применение основ детерминантного анализа Е.А. Марковым и И.Д.Тодоровой. Авторы демонстрируют, что системный подход Г.П. Мельникова обладает большой объяснительной силой в выявлении степени витальности русского языка как системы с событийной детерминантой и английского как системы с окказиональной детерминантой. В ходе детерминантного анализа языковых ситуаций авторы опираются на понятие «внутренней детерминанты как особого

свойства системы, развивающейся в направлении оптимальной адаптации к выполнению функционального запроса надсистемы, и внешней детерминанты, обуславливающей функциональные запросы надсистемы» [Маркова, Тодорова 2017: 1207]. При этом ученые обосновывают, каким образом окказиональная внутренняя детерминанта близкого к корнеизолирующим английского языка обеспечивает его общепланетарное распространение в виде многочисленных вариантов. «Увеличение роли позиционно-контекстного внешнего выражения связи между элементами содержания, <...> простота грамматики за счет предельного использования возможностей полифункциональности знаков» [Там же: 1213], составляющие существо окказиональной внутренней детерминанты, создают оптимальные условия для становления и функционирования так называемой парадигмы World Englishes [Abbott G. 1981; Kachru B. 1992]. Отсутствие необходимости строго следовать сложным нормам, закрепленных в языке исконных носителей языка, обуславливает вариативность английского языка в его использовании в различных регионах мира.

Е.Ф. Киров, изучая внешние и внутренние детерминанты изменений в языке, причисляет их к самым весомым открытиям Г.П. Мельникова, отражающих, по его мнению, «определенные черты общества» и перефразирующего старую максиму: «скажи, какие детерминанты в языке, и я скажу, какое общество говорит на этом языке» [Киров 2019: 85]. Ученому удается аргументированным образом представить методологическую продуктивность детерминантного анализа для объяснения социофонетической и иконической фоносимволической сущности таких явлений, как сингармонизм, оканье и аканье.

Интересной представляется предпринятая О.И. Валентиновой и М.А. Рыбаковым попытка описать с точки зрения детерминантного анализа активные процессы, происходящие под влиянием культурно-языковой глобализации в современном русском языке [Валентинова, Рыбаков 2019]. Бессознательные речевые предпочтения носителей современного русского языка, которые обычно описываются с ортологической точки зрения (нарушение падежного согласова-

ния, семантически необоснованное появление множественного числа у абстрактных существительных, неразличение залогов и т.п.), характеризуются как все более «уверенно закрепляющаяся в современной русской речи тенденция к разрушению флективных связей между словами на формальном и содержательном уровнях, к росту аналитических способов построения высказывания, к развитию изоляции» [Там же: 63]. Если на протяжении многих столетий славянские языки отличались высокой типологической устойчивостью, то сильное влияние аналитического английского языка, перенос коммуникации в сферу интернета с характерным для него доминированием английского языка, постепенно приводит к эрозии «детерминанты, определяющей именно флективный грамматический тип» [Там же]. Ученые утверждают, что утрата флективности может описываться как результат ускорения темпа жизни и увеличения потока информации, однако пренебрежение флективностью грозит обернуться цивилизационной катастрофой: в результате усиливающегося расхождения речевых практик с внутренней детерминантой, «язык сможет передавать простейшие текущие смыслы, но станет малопригодным средством трансляции культурного опыта» [Там же: 70]. Небезынтересными представляются мысли ученых о том, что адаптивными можно признать только те изменения языковой системы, которые укрепляют функциональность языковых подсистем и тем самым поддерживают детерминанту языка [Там же: 64]. В этом случае адаптивность рассматривается как консервация системных свойств языка в противовес требованиям внешней детерминанты.

На эту особенность отношения к понятию адаптивности языковой системы указывает И.В. Арнольд, подчеркивая, что теория Г.П. Мельникова в большей степени нацелена на выявление доминантных свойств языка, определяющих стабилизацию его свойств вследствие присущей системе «детерминанте», и в меньшей степени фокусируется на факторах, обуславливающих развитие и самоадаптацию системы [Арнольд 1991: 25].

Однако следует признать и тот факт, что детерминантный анализ способен выявить актуальное состояние внутренней детерминанты языка. В случае

стремительного роста языковых явлений, расходящихся с внутренней детерминантой языка, можно констатировать ее неустойчивое состояние, возникающее под давлением экстралингвистических обстоятельств. Чужой коммуникативный ракурс в этом случае представляется носителям языка более адекватным и подходящим для изменившегося социального контекста, и адаптация речезыковых навыков происходит в направлении внутренней детерминанты языка-донора, экспортирующего зачастую типологически чуждые языковые образцы и коммуникативные модели.

1.2. Детерминанта в составе средств общелингвистического инструментария

Кроме авторского истолкования термина «детерминанта» в рамках системной типологии Г.П. Мельникова, в различных лингвистических трудах можно довольно часто встретить употребление данной терминологемы в общем значении фактора или причины, предопределяющих изменения состояния различных языковых феноменов. Следует отметить, что при этом авторы работ, использующих данный термин, чаще всего не приводят его определения или разъяснения, полагая, вероятно, что его значение является самоочевидным.

Термины «детерминанта», «детерминация» и даже «детерминема» чрезвычайно активно использует в своих многочисленных трудах профессор Н.Д. Голев. При этом анализ употребления ученым термина «детерминанта» не дает нам однозначного представления об объеме предцируемого ему понятия. Так, в работе «Антропологическая и собственно лингвистическая детерминанты речезыковой динамики» Н.Д. Голев пишет: «Антропологическая (АЛ) опирается на положение о том, что всякий процесс в языковой системе «восходит» к речи, в которой он является следствием активности субъекта речевого акта, выступающего в АЛ-моделях главной детерминантой языковой динамики» [Голев 1995: 7]. Как видим, сам субъект активной речевой деятельности интерпретируется ученым в терминах детерминанты. С одной стороны, такое представление

созвучно мыслям Г.П. Мельникова о том, что самонастраивание языка осуществляется «стихийно, в процессе «естественного отбора» — неосознанного предпочтения говорящими одних языковых средств другим» [Мельников 1969: 36]. С другой стороны, детерминанта у Г.П. Мельникова является внутренним, регулирующим свойством языка, в определенной мере сдерживающим речевую активность человека, в то время как Н.Д. Голев наделяет ролью детерминанты самого говорящего человека. Реализация АЛ-модели развития языка, согласно Н.Д. Голеву, происходит в рамках противодействия самой языковой системы, которая в лингвоцентрической модели описывает сам язык как «самодетерминируемую и самоорганизующуюся материю» [Голев 1995: 7]. Основное направление детерминации в собственно лингвистических, или лингвоцентрических моделях – от языковой системы к речи; воздействие внешних факторов при таком подходе рассматривается как сигнал для включения механизма реализации потенций, а сам говорящий субъект – лишь как его «включатель» [Там же].

То есть, по мнению ученого, реальная детерминанта определяется в зависимости от исповедуемого взгляда на динамическую модель языкового развития и предстает в двух ипостасях: самого говорящего человека и самой языковой системы. На наш взгляд, такой подход видоизменяет привычное семантическое наполнение термина «детерминанта», оставляя в стороне главные причины изменений в языке, и подменяя их субъектом (человек) и объектом (язык) речемыслительной деятельности.

Следует заметить, что в других трудах, связанных с детерминологической интерпретацией языка, Н.Д. Голев употребляет термины «детерминанта» и «детерминация» именно в значении причинности. Так, в работе «Антиномии русской орфографии» ученый указывает, что ответы на «детерминологически глубоко поставленные вопросы <...> заключаются не в объяснении по заданной схеме того, как нужно писать то или иное слово, словоформу, морфему, а в объяснении принципов устройства самой этой схемы» [Голев 2004: 5]. То есть, детерминологический подход есть подход экспланаторный, отвечающий на во-

прос: почему, а не на вопрос: кто, что или как. Рассуждая о селективности применения некоторых орфографических норм, ученый пишет: «Если детерминанты действуют избирательно, то тогда возникает вопрос о закономерностях распределения их действия» [Там же]. В другой работе ученый отмечает: «Содержательные признаки явлений внеязыкового мира, преломленные через языковое сознание носителей языка, адаптируются в его лексико-семантической системе и начинают функционировать в ней, подчиняясь не только внешним, но и внутренним детерминантам» [Голев 2012: 278]. Данное употребление явно подразумевает соответствие внешним и внутренним факторам, детерминирующим изменения внутри лексико-семантической системы. Как видим, в этих и многих других случаях термин «детерминанта» употребляется автором в значении причины или фактора, которые определяют состояние фрагментов языковой системы.

Н.Д. Голев и его последователи вводят также терминологические дериваты «лингвистическая детерминология» и «детерминема». При этом, в предисловии к коллективной монографии «Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка» ученый специальным образом оговаривает, что эти термины не следует истолковывать в традиционном смысле как «причинно-следственные отношения», «факторы» или «детерминанты» [Там же]. Коренное отличие деривативно-детерминологической концепции Н.Д. Голева и его последователей состоит в признании «общедетерминационного принципа языка: генетическая детерминация «застывает» именно в материальной части знака, <...>, в результате «тело знака выступает лишь субстратом его синхронно-функционального существования» [Там же: 278].

Отметим, что данный принцип полностью эквивалентен закону С.О. Карцевского об асимметричном дуализме языкового знака [Карцевский 1965] и отличается от него акцентуацией принципа предопределенности языковых изменений: план содержания языкового знака может изменяться, однако лишь в соответствии с действующим в языке принципом детерминизма. Характеризуя

направление «лингвистической детерминологии», ученый указывает на его концептуальную близость к изучению проблем мотивации и деривации, то есть, к поиску причин эволюции языковой системы.

Лингвисты, работающие вне детерминологической школы Н.Д. Голева, употребляют термин «детерминанта» в качестве терминологического эквивалента слова «причина», или в качестве синонима к слову «фактор», в том случае, если этот фактор предопределяет некоторые изменения в состоянии языкового объекта. Так, Н.В. Сайкова в статье «Лингвистические и экстралингвистические детерминанты кодификации норм русского языка в его естественном и юридическом функционировании» [Сайкова 2004] выносит термин в название работы, однако не только не предлагает его эксплицитной дефиниции, но и внутри статьи использует вместо термина детерминанта слова «фактор» или «причина». Например, «в ортологическом аспекте оно (развитие) определяется рядом факторов как лингвистического (внутренние тенденции развития системы в синхронии и диахронии, тенденции к аналитизму, экономии речевых средств, действие закона аналогии), так и экстралингвистического порядка (например, причинами социально-политического, идеологического характера)» [Сайкова 2004: 69]. «Причинами экстралингвистического характера определяется несогласование названия государства, которое остается в неизменной форме, в документах на русском языке: договор между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Германия» [Там же: 73].

Н.С. Найденова, изучая лингвистические детерминанты постколониального художественного дискурса тропической Африки, предлагает понимать под данным термином «экстра- и интралингвистические параметры, которые играют ведущую роль в создании этноспецифического художественного дискурса Тропической Африки на французском и испанском языках» [Найденова 2014: 4].

Ж.А. Сержанова, исследуя детерминанты речевого поведения этнических немцев в ситуации иноязычного окружения, использует попеременно термин

детерминанты и его синтаксическую транспозицию «детерминирующие факторы» [Сержанова 2007].

Ю.В. Кобенко и В.В. Воробьёва, выявляя специфику изучения языковых ситуаций в историческом развитии немецкого литературного языка, употребляют термины «интра- и экстралингвистические детерминанты», под которыми понимаются те внутренние и внешние языковые факторы, которые определяют конкретные направления изменений в рамках литературного языка [Кобенко, Воробьёва 2013].

О.А. Крапивкина, изучая экстралингвистические детерминанты способа репрезентации субъекта дискурса на материале англо-американских и русскоязычных законодательных текстов, приравнивает детерминанты к экстралингвистическим факторам, в качестве которых по отношению к текстам юридического дискурса относит «типы политических систем, которые сменяли друг друга на протяжении истории» [Крапивкина 2016: 29].

Исследуя поликультурный аспект социолекта молодежи Германии, И.В. Черныш выделяет в рамках причин становления англоязычного социолекта лингвистические детерминанты и экстралингвистические факторы, при этом автор утверждает, что «изменения в языке есть результат воздействия на него конкретных экстралингвистических факторов» [Черныш 2018: 115].

Как полноценный эквивалент понятия «экстралингвистические факторы» рассматривают термин «экстралингвистические детерминанты» также Е.С. Городова [Городова 2016], Ю. Е. Костерина [Костерина 2017], Ю.В. Кобенко [Кобенко 2016] и другие исследователи, занимающиеся поиском тех причин или факторов, которые оказывают решающее воздействие на активные процессы, происходящие в современной языковой ситуации. Анализ употребления термина «детерминанта» в вышеуказанных лингвистических работах приводит к выводу о том, что он употребляется как синонимическое обозначение экстралингвистических и интралингвистических факторов, обуславливающих изменения в состоянии определенных фрагментов языковой действительности.

1.3. Экстралингвистические и интралингвистические факторы языковой изменчивости

В настоящее время тезис об изменчивости языка как его важнейшем онтологическом свойстве представляет собой одну из бесспорных лингвистических аксиом. Однако понимание того, что язык характеризуется диалектическим единством устойчивости и изменчивости пришло к филологам только в XIX веке, после того как были сопоставлены индоевропейские языки. З.Д. Попова и И.А. Стернин указывают, что «человеку всегда кажется, что язык, на котором он говорит в течение всей своей жизни, остается одним и тем же» [Попова, Стернин 2007: 94]. Действительно, рядовой носитель языка не ощущает происходящих в нем изменений, поскольку новые явления усваиваются им постепенно, на фоне сохраняющегося инварианта лексико-грамматической системы.

Одним из наиболее легко «распознаваемых» видов языковых изменений являются заимствования, особенно в том случае, если они носят масштабный характер. Неслучайно проблема установления конкретных факторов, детерминирующих динамические изменения языковой системы, является наиболее разработанной в рамках теории заимствований, или контактной лингвистики [Гринев 1982; Брейтер 1997; Дьяков 2003; Крысин 2004; Мангушев, Павлова 2004; Багана, Бондаренко 2012; Богданова 2015; Naugen 1973 и др]. Основной вектор исследований в вышеуказанных работах характеризуется направленностью на дифференциацию внеязыковых или внутриязыковых факторов¹. Их разграничение, однако, не означает отдельного, автономного воздействия каждой из групп на динамику языковых процессов. По справедливому утверждению С.В. Мангушева и А.В. Павловой, «экстралингвистические причины являются своего

¹ Термины экстра- и интралингвистические факторы используются в работе в качестве эквивалентных обозначениям «внутренние и внешние» факторы, или «внутриязыковые и внеязыковые» факторы.

рода стимулами для появления заимствований из одного языка в другом. Однако сам процесс перехода иноязычной лексической единицы в речь, а в дальнейшем в вокабуляр языка-акцептора обуславливается целым рядом внутрилингвистических факторов, которые теснейшим образом связаны с внутренними тенденциями языкового развития» [Мангушев, Павлова 2004: 158].

В наиболее общем смысле под экстралингвистическими факторами понимаются «параметры социальной действительности, обуславливающие изменения в языке как глобального, так и более частного характера» [ССТ]. Е.Г. Кошкина характеризует данную группу факторов как «совокупность необычайно разнообразных импульсов, идущих из окружающей язык среды и связанных, прежде всего, с особенностями исторического развития общества, переселениями и миграциями, объединением и распадом речевых коллективов, изменением форм общения, прогрессом культуры и техники» [Кошкина 2010: 19].

Н.Б. Мечковская предлагает относить к внеязыковым факторам «геополитические отношения между народами; развитие средств и каналов передачи информации; фактор «экономии усилий», а также фактор сознательного воздействия общества на язык [Мечковская 2009: 98]. Л.П. Крысин причисляет к внеязыковым причинам заимствования наличие более или менее тесных культурных, политических и экономических связей между носителями языка [Крысин 2004: 21 – 22]. Его мнение разделяют С.В. Мангушев и А.В. Павлова, относящие к внешним факторам экономическую, социальную и политическую интеграцию стран [Мангушев, Павлова 2004: 158]. Л.И. Богданова описывает процесс пополнения лексической системы заимствованиями как «реакцию языка на воздействие других языков и культур, на перемены общественно-политической и экономической жизни общества, обусловленные временем» [Богданова 2015: 42].

Характеризуя внешние факторы заимствований в непосредственном соотношении с современной эпохой глобального влияния американского варианта английского языка, Е.И. Коряковцева относит к ним изменение общественного строя в бывших социалистических странах, глобализацию и ее последствия,

«внедрение американской культуры и образа жизни; превращение СМИ в одно из основных орудий управления обществом» [Коряковцева 2016: 72]. Л.М. Букина предлагает дополнить этот список активизировавшимися контактами народов, созданием международных корпораций, организаций, активизировавшейся миграцией народов, а также высоким престижем языка на международной арене [Букина 2016: 92].

Следует отметить, что некоторые из вышеперечисленных факторов рассматриваются отдельными лингвистами как условия, необходимые для появления заимствований. Чаще всего к ним относят географическую близость, наличие контактов между носителями языков, двуязычие или билингвизм [Маринова 2013; Бойко 2019; Кирилина 2013; Poplack 2018].

В классификации С.В. Гринева к внутрилингвистическим причинам относятся: отсутствие в родном языке эквивалентного слова или понятия; тенденция использования одного заимствованного слова вместо описательного оборота; стремление к повышению и сохранению коммуникативной четкости лексических единиц, которое выражается в устранении полисемии или омонимии в заимствующем языке; потребность в детализации соответствующего значения, разграничении некоторых его смысловых оттенков путем прикрепления их к разным словам; тенденция к экспрессивности, ведущую к появлению иноязычных стилистических синонимов; отсутствие в родном языке возможности образования производных от имеющегося в данном языке исходного слова; накопление в заимствующем языке однотипных слов, у которых намечается вычленение одного из подобных элементов, таким образом, заимствуются морфемы и словообразовательные элементы [Гринева 1982: 112].

Л.П. Крысин также предлагает детализированный перечень внутренних факторов заимствований: устранение полисемии исконного слова и упрощение его смысловой структуры; потребность уточнения соответствующего понятия или разграничения смысловых оттенков посредством их привязки к разным словам; наличие в заимствующем языке тенденции к образованию структурно аналогичных слов; наличие в языке-приемнике определенного лексического ряда

заимствований с общим значением и повторяемостью какого-либо одного структурного элемента; тенденция к корреляции нерасчлененности обозначаемого понятия и нерасчлененности обозначающего, т.е. тенденция языка к экономии [Крысин 2004: 23 – 29].

М.А. Брейтер к внутрилингвистическим факторам относит: отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора; отсутствие соответствующего или более точного наименования, или его «проигрыш» в конкуренции с заимствованием в языке-рецепторе; обеспечение эмфатического эффекта; выражение позитивных или негативных коннотаций, которыми не обладает эквивалентная единица в языке-рецепторе [Брейтер 1997: 34 – 35].

Некоторые авторы предлагают выделять в отдельную группу психологические факторы, мотивируя это тем, что «механизмы владения языком управляются психикой и не могут рассматриваться как сугубо лингвистические. По этой же причине — диалектическая связь языка и мышления — они не могут рассматриваться и как исключительно экстралингвистические» [Букина 2016: 90 – 91]. К причинам психологического характера, в первую очередь, относят использование иностранных слов как «более престижных» с целью демонстрации образованности и эрудиции говорящего, повышения его социального статуса. Этот эффект С.В. Гринев мотивирует авторитетностью языка-источника и исторически обусловленным увлечением определенных социальных слоев культурой чужой страны [Гринев 1982: 112].

Несмотря на, казалось бы, столь детальную разработку проблемы собственно языковых и внеязыковых факторов, детерминирующих процесс заимствования, в их описании остается достаточно много неясностей. Обращает на себя внимание то, что человек практически полностью исключается из всех существующих классификаций. Его участие в процессе изменения языка можно обнаружить только в опосредованных речевых формах, таких как упомянутое выше «увлечение определенных социальных слоев культурой чужой страны», «экономия усилий», психологические факторы [Букина 2016: 90 – 91], а также

«фактор сознательного воздействия общества на язык [Мечковская 2009: 98 – 120].

С большой долей вероятности можно утверждать, что подобная ситуация связана со сложившейся в лингвистическом дискурсе практикой присвоения самому языку роли логико-синтаксического субъекта. Это находит свое отражение и в устоявшемся способе терминологизации: «заимствующий язык» и «принимающий язык», и в огромном количестве суждений, антропоморфизирующих язык: «реакция языка, язык заимствует, адаптирует, ассимилирует» и т.п. Синтаксической агентивизации подвергаются и сами заимствуемые человеком элементы, которые «проникают» или «переходят» из одного языка в другой. Примечательно, что С.С. Ваулина указывает, что именно «человеческий фактор является важным экстралингвистическим компонентом языковых и речевых преобразований» [Ваулина 2013: 8].

Не затрагивая в данной работе «вечного» вопроса о соотношении языка и человека, или языка и мышления, заметим, что опосредованное включение человека в контактную лингвистику только в виде виртуального носителя психологических факторов не позволяет увидеть процесс изменений в языке в полном объеме. Принимая во внимание то, что языковая система не способна измениться без активной роли человека, включающего в речь новые элементы, процесс инноваций должен быть описан не только с точки зрения факторов, но и актора – человека, который под их влиянием приводит языковую систему в соответствие с изменившимися условиями жизнедеятельности. Массовые заимствования имеют место в том случае, когда кардинальным образом меняются внешние условия жизнедеятельности социума. Языковая система перестает удовлетворять потребности человека, соответствовать его новым ценностным установкам и жизненным ориентирам. Потребность в появлении новых языковых знаков может обеспечиваться за счет ресурсов национального языка, если социальные изменения спровоцированы внутренней коллективной рефлексией, как это имело место в 1917 году. В том случае, если общество признает свою идеологическую несостоятельность и отказывается от предыдущей системы

ценностей, источником удовлетворения обновленных лингвокультурных потребностей становится иностранный язык, выступающий в качестве языка-донора новых ценностных координат.

При этом язык, с одной стороны, проявляет гибкость и эластичность к тем изменениям, которые привносит в него человек заимствующий, с другой стороны, характерный для каждого языка строй детерминирует ту фонологическую, орфографическую, морфологическую и синтаксическую форму, в которой данное новшество будет освоено языком и войдет на системный уровень.

§ 2. Концепт/образ успеха как объект лингвистических исследований

2.1. Соотношение понятий «образ» и «концепт»

в лингвистических исследованиях

Понятия «образ» и «концепт» относятся к числу базовых единиц понятийно-категориального аппарата таких направлений языкознания, как семасиология и ономасиология, лингвоконцептология, лингвокультурология и теория метафоры. Если «концепт» обладает неоспоримым терминологическим статусом, то номен «образ» имеет двойственную природу: с одной стороны, это номинативная единица, не всегда имеющая отнесенность к терминологии, с другой стороны, она используется в вышеуказанных дискурсивных областях языкознания в качестве терминологической единицы. Выяснение соотношения между данными понятиями имеет как общетеоретическую значимость, так и частное прикладное значение в рамках настоящего исследования, позволяющего нам обосновать выбор «образа» в качестве основного предмета изучения.

М.В. Ильин, анализируя смысл слова «образ», обращается к его внутренней форме. Представленная этимологией **obrazь*, она послужила обобщающим прототипом таких омонимов, как образ (картина), образ (икона), образ (способ) и пр., а также дериватов *образец, образчик, образование, образовывать* и др.

Данный этимон, соединяющий корни -ob- (вокруг) и -газь- (резание, удар), подразумевает нечто вырезанное, полученное под воздействием отсекающим ударом, ставшее самостоятельной фигурой и получившее имя образ [Ильин 2018: 7 – 8].

Рациональность такого объяснения подтверждается дефинициями словарей, объясняющих значение слова как отраженную форму различных объектов. Следует отметить, что толкование значения слова «образ» отсутствуют в лингвистических словарях, что является косвенным подтверждением относительной терминологичности данной лексемы.

В Российской социологической энциклопедии образ определяется как «1. Мысленный или вещественный конструкт, представляющий к.-л. объект. 2. Целостное, но неполное представление о к.-л. объекте или классе объектов. 3. В психологии — идеальный продукт псих. деятельности, к-рый конкретизируется в той или иной форме психич. отражения (ощущения, восприятия и т. д.). 4. Совокупность типичных видов (способов) жизнедеятельности индивида, соц. группы и т. д. (О. жизни)» [РСЭ].

В Большом толковом словаре русского языка образ трактуется как «1. Внешний вид, облик; наружность, внешность. 2. Живое, наглядное представление о ком-, чем-л., возникающее в воображении, мыслях кого-л. 3. Филос. Форма восприятия сознанием явлений объективной действительности; отпечаток, воспроизведение сознанием предметов и явлений внешнего мира. 4. Обобщенное художественное восприятие действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления || Тип, характер, созданный писателем, художником, артистом» [Кузнецов].

В толковом словаре русского языка «Образ — 1. В философии: результат и идеальная форма отражения предметов и явлений предметов материального мира в сознании человека. 2. Вид, облик. 3. Живое, наглядное представление о ком-чем-н. 4. В искусстве: обобщенное художественное отражение действи-

тельности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления. 5. В художественном произведении: тип, характер. 6. чего. Порядок, направление чего-н., способ» [Ожегов, Шведова 2006].

Все приведенные определения сходятся в объяснении значения слова «образ» через его соположение с формой, обликом, отражением внешнего мира в сознании человека. Переход слова в область терминологии происходит в том случае, когда осуществляется обратный/вторичный трансфер образов из сознания во внешнее дискурсивное пространство, в котором «образ» приобретает статус анализируемого научного объекта.

Первоначально образ как «эмпирический компонент значения знака», или «закреплённый за ним обобщённый чувственно-наглядный образ обозначаемого предмета или явления» [Стернин 1979: 129] изучался в его непосредственной соотнесенности с лексическим значением слова. Дискуссионный характер в рамках данной проблематики приобрел вопрос о принадлежности образной составляющей к системному значению слова. Изучая степень образности различных семантических классов русского существительного, Е.И. Бебчук пришла к выводу о наличии образного компонента как в конкретных, так и в абстрактных существительных. По мнению исследователя, некоторые слова содержат образ в своей семантической структуре, в то время как другие существительные способны взывать его лишь в сознании носителей языка. В последнем случае лингвист предлагает не расценивать образные ассоциации слова как компонент его системного значения [Бебчук 1991].

Другие исследователи, однако, утверждают, что чувственный образ является обязательным компонентом структуры системного значения всех слов (И.А. Стернин 1979, Е.Н Колодкина 1986, А.А. Залевская 1990, Е.В. Карасева 2007). И. А. Стернин подчеркивает, что лежащее в основе значения слова представление «не только включает в себе более или менее обобщённый, детальный образ предмета, но и – будучи субъективным – неизбежно содержит отношение к предмету. Это отношение и формирует тесную связь слова с говорящим и познающим субъектом, которая заложена в значении слова» [Стернин 2008: 16].

Разделяя позицию И.А. Стернина и указанных выше исследователей, отметим, однако, что утверждения Е.И. Бебчук о системной/внесистемной образности слова могут быть связаны с наличием и сохранностью образа во внутренней форме слова и его прозрачностью для современных носителей языка. Деэтимологизированная лексика хранит образный компонент имплицитно и обнаруживает его только при реконструкции первичных актов номинации. В то же время различные ассоциативные эксперименты, проводимые лингвистами, показывают, что актуальное языковое сознание также способно в той или иной степени сохранять и вычленять те первоначальные перцептивные признаки, которые были присущи первичным процессам ословливания фрагментов внеязыковой действительности [Попова 2020].

С развитием лингвоконцептологии и лингвокультурологии образ стал предметом изучения в его соотношении с концептом как базовой единицей изучения в рамках данных областей знания. Сложность основного понятия отечественных когнитивных исследований подтверждается наличием значительного числа его дефиниций. Приведем некоторые из наиболее распространенных определений концепта, сформулированных российскими лингвистами.

По мнению Е.С. Кубряковой, «концепт (concept; Konzept) - термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1997: 89 – 90].

Концепты – ментальные образования, составляющие концептосферу языковой личности [Карасик 2002: 31]; «Культурные концепты – кванты переживаемого знания, совокупность которых является концентрированным опытом человечества, этноса, социальной группы и личности» [Карасик 2002: 31].

«Концепт – это единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [Воркачев 2004: 40].

Концепт – «дискретное ментальное образование, являющееся функциональной единицей мыслительного кода человека (универсального предметного кода), обладающее упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Стернин, Розенфельд 2008: 145].

Многомерность структуры концепта была отмечена уже основоположником российской лингвоконцептологии, Ю.С. Степановым, выделявшим в его структуре понятийное, культурное, языковое (внутренняя форма) содержание, а также пассивный (исторический) и активный (актуальный) слои [Степанов 1997: 41– 53]. С.Г. Воркачев в составе концепта также выделял понятийный компонент (признаковую и дефиниционную структуру), образный компонент (когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в сознании) и значимостный компонент (этимологические, ассоциативные характеристики, определяющие место концепта в лексикограмматической языковой системе [Воркачев 2004: 7]. Этот же ученый характеризует концепт как «сложное (многомерное и многопризнаковое) ментальное образование (смысл), отмеченное культурной спецификой и имеющее имя (выражение в языке)» [Воркачев 2010: 27]. В.И. Карасик характеризует концепт как совокупность образно-перцептивного компонента, понятийного (информационно-фактуального) компонента и ценностной составляющей (оценки и поведенческих норм) [Карасик 2004: 118]. М.В. Никитин предлагает различать в концепте образ, понятие, когнитивный импликационал и прагматический импликационал [Никитин 2004: 59 – 60].

Таким образом, многоуровневость концепта признается всеми учеными. Понятийная составляющая концепта включает в себя всё то, что в логике называют содержанием понятия: его «энциклопедическое поле» [Стернин 2008: 173], совокупность общих и существенных признаков класса объектов [Степанов 1997: 41; Карасик 2004: 128 – 129]. Образная составляющая представляет

собой своего рода средство выражения понятийного содержания и в зависимости от характера концепта может быть описана как «перцептивная» [Стернин 2008: 173] или «предметно-образная» [Карасик 2004: 127].

Анализ приведенных выше определений концепта, а также описание его структуры позволяет нам прийти к выводу о том, что образ представляет собой один из уровней концепта, и в этом смысле понятия «образ» и «концепт» находятся в гипо-гиперонимических отношениях. В то же время образ представляет собой самостоятельную единицу лингвистического исследования, в первую очередь, в ономазиологии, изучающей механизмы языковой номинации, а также семасиологии, рассматривающей процессы семантической деривации, или метафоры как ее разновидности.

Говоря о соотношении двух понятий, И.А. Стернин и М.Я. Розенфельд разделяют образ в языковом сознании его актуального носителя и в процессе его возникновения в сознании его первого коллективного номинатора. С синхронической перспективы образ «не обязательно входит в ядро концепта как структуры, хотя в индивидуальном сознании конкретный образ, очевидно, таковым является, поскольку кодирует концепт для данного носителя языка [Стернин, Розенфельд 2008: 166]. С диахронической точки зрения, образный слой является первичным в филогенезе, причем как «в фило-, так и в онтогенезе образный слой сознания может существовать самостоятельно, рефлексивный — нет» [Там же: 185]. Принципиально важными для нашего исследования являются положения И.А. Стернина о том, что концепт является общей для двух уровней сознания единицей мышления, «он формируется у человека как образная единица, а потом к образу в процессе предметной и когнитивной деятельности человека постепенно добавляются рефлексивные энциклопедические и интерпретационные признаки. Образное содержание концепта в процессах мышления выступает как его функциональная база – концепт может существовать и функционировать как единица мышления, только будучи образным или будучи «прикреплен» своими рефлексивными признаками, рефлексивным содержанием к чувственному образу» [Там же: 185].

2.2. Изучение концепта/образа успеха в лингвистике

С начала 90-х годов XXI столетия специфика социокультурного феномена «успех», различные аспекты его формирования и функционирования в российском медиадискурсе и соответственно в общественном сознании россиян регулярно оказываются в фокусе внимания междисциплинарных гуманитарных исследований. С 1993 года и по настоящий момент времени изучению данного объекта посвящены диссертационные работы в области философии [Канарский 2000; Ключников 2003; Караханян 2009 и др.], психологии [Лейфрид 2006, Атюнина 2007 и др.], культурологии и искусствоведения [Мерзлякова 2012, Букина 2005 и др.], социологии и педагогики [Галюк 2004, Александрова 2007 Кондракова 2008 и др.]. Не меньший интерес вызывает рассмотрение концепта/образа успеха в языковедческих диссертационных работах (см., например: [Розенберг 2001, Адонина 2005, Паршина 2007, Гордиенко 2008, Ноженко 2008, Зуев 2009, Машкова 2010, Скворцова 2019] и др.).

Столь высокий интерес и частота обращения к вышеуказанному объекту объясняются, прежде всего, «возросшей популярностью понятия успех для сознания современных носителей языка» [Эренбург 2006: 4]. Рост популярности связан, безусловно, с переходом России после распада СССР к конкурентному, рыночному обществу, «где человек может и вынужден сам строить собственную судьбу, к обществу «достигающего» типа [Ефремова 1993: 4]. Отказ от идеи коллективного социалистического строительства и кардинальная смена жизненных ориентиров привели к ориентации на систему ценностей, характерных для западного общества, в первую очередь, для США, с характерным для американского социума культом личного успеха.

Неслучайно понятие «успех» до конца минувшего столетия относилось к числу малоисследованных в отечественных гуманитарных науках. Как справедливо замечает О.И. Ефремова, «в отечественной справочно-философской литературе даже отсутствует определение самого понятия «успех» [Там же]. Нераз-

работанность проблемы успеха как философского, социокультурного и культурно-языкового феномена в русском языковом сознании предыдущих исторических периодов вызвала стремительный рост интереса представителей гуманитарных наук к активно внедряемому в систему всеобщих ценностей англо-американскому лингвоконцепту.

Антропоцентрическая парадигма данных работ определяет рассмотрение понятия в атрибутивной связке с триадой «человек-язык-культура», где успех представляется либо как универсальная межкультурная категория, либо как характеристика отдельно взятого, «идеального» индивида. Как следствие, в качестве объекта анализа избирается либо концептуальное образование «успех» и составляющие его уровни, либо его носитель, также получающий в последние десятилетия имя регулятивного концепта «успешный человек». Логически обоснованным в связи с этим представляется проведение большинства исследований в русле лингвокогнитивной и лингвокультурологической парадигм. Многоплановость феномена «успех» обуславливает также наличие работ междисциплинарного характера, в которых собственно лингвистический подход соседствует с социологическим, философским или психологическим [Сяосюэ 2013; Смирнов 2018; Бельцова 2014].

В диссертационных исследованиях российских лингвистов изучение концепта/образа «успех», «успешный человек» проводятся на материале различных языков. Большинство из выполненных работ базируется на изучении концепта или образа успеха только в одном языке или в одной лингвокультуре. Чаще всего это английский язык, что вполне объяснимо с точки зрения его роли языка-донора, формирующего новое представление об успехе как важнейшей социокультурной составляющей современного социума. Выполненные в начале 2000-х годов работы подчеркивают принадлежность регулятивных концептов «*success, successful man (person)*» американской культуре и американской системе ценностей. Так, И.В. Адонина исследует способы лексической репрезентации концепта «успех» в современной американской речевой культуре, выявляя закодированные в них ценностные, понятийные, образные и ассоциативные

характеристики,. Результаты анализа позволяют автору сделать выводы о различиях в языковых стереотипах образа успеха в британской и американской лингвокультурах [Адолина 2005: 16]. О.В. Рябуха описывает содержание/объем концепта «успех» (success) и способы его репрезентации в англоязычной публицистической прозе [Рябуха 2009]. Е.В. Машкова выявляет особенности формирования фрейма «достижение успеха» на материале глагольных лексем современного английского языка [Машкова 2010]. Н.С. Скворцова изучает взаимодействие глубинных когнитивных механизмов и образов, лежащих в основе формирования значений фразеологических единиц, репрезентирующих антонимические концепты «success/failure» (успех/неудача) [Скворцова 2019].

Следует заметить, что заявленное исследователями фокусирование на одном конкретном языке, как правило, не исключает сопоставления с иными лингвокультурными традициями. К примеру, Л.Р. Хомкова, анализируя концептуальные основания, на которых базируется представление об успехе у носителей немецкого языка через призму религиозной и трудовой этики, приходит к выводу, что приоритет личности и индивидуальной самореализации связан со спецификой западнопротестантского понимания нравственности, указывая при этом на отсутствие схожего представления в русской культурно-этической традиции [Хомкова 2002: 18].

Непосредственно в компаративном русле выполнены исследования на материале английского и русского языков, русского и немецкого [Хрынина 2009], русского и китайского языков [Сяосюэ 2013]. Отметим, что в отдельных, указанных выше работах, анализ проводится без привлечения данных языка-донора, в результате чего импортированное из англо-американской системы ценностей понимание концепта описывается как присущее собственной системе ценностей анализируемых лингвокультур. Работы, нацеленные на выявление различий концептов «успех»/«success» в языковых картинах мира русского и английского языков, достаточно часто строят свой анализ, основываясь на компонентном анализе соответствующих слов (имен концепта) в словарях русского и английского языков.

Так, А.А. Каслова и Н.А. Чернова сопоставляют семы, присутствующие в словарных дефинициях «успех» / «success», после чего обращаются к изучению их сочетаемости с признаковой лексикой. В результате выполненного анализа лингвисты делают выводы о лингвокультурной специфике концепта в двух языках. В качестве общих фреймов выделяются: «успех – движение» / «success – movement», «успех – достижение» / «success – achievement», «успех – богатство» / «success – wealth», «успех – удача» / «success – luck», в качестве специфических только для русской картины мира указывается фрейм «успех – время», для англоязычной картины – фрейм «success – strength (сила)». К сожалению, авторы не оговаривают хронологические границы исследования, в связи с чем сделанные выводы экстраполируются на систему мировидения в целом, без учета конкретных социо-исторических периодов. В частности, можно предположить, что свойственный ранее только английской и, в первую очередь, американской лингвокультуре «силовой» образ успеха уже вошел в систему представлений об успехе у носителей современного русского языка.

К лингвистическим методам исследования феномена успеха прибегают и философы, справедливым образом указывая, что «фундаментом для междисциплинарного исследования данного понятия является его лингвистический анализ, поскольку любое понятие интерпретируется с помощью средств языка, а язык, как утверждает философия, – «дом бытия» [Гельфонд, Мищук, Мирошина 2019: 161].

На основании результатов анализа различных лексикографических источников авторы выделяют ядро и периферию концепта. К ядру концепта «успех» в русском языке исследователи относят: достижение цели; общественное одобрение, признание, репутацию; удачу. В периферию включают: положительные результаты; успевание к определенному сроку; успехи в учебе; прогресс; процветание; совершенствование; счастье; победа [Там же: 162].

Для нашего исследования представляется важным, что в качестве языкового материала авторы привлекают также различные контексты употребления

слова, анализ которых «позволяет выделить ряд образов, связанных с категориями пространства и движения: путь к успеху, дорога к успеху, шаги к успеху, вершина успеха» [Там же]. Отдельно отмечаются также случаи реификации (опредмечивания), которые объективируются в метафорических сочетаниях *ключ к успеху, цена успеха, рецепт успеха, искусство успеха*, чье использование, отметим, связано с калькированием американских коллокаций в период новейшего времени. Авторы исследования отмечают, что концепт «успех» прошел определенное количество стадий лингвокультурологической и исторической эволюции, а его история включает в себя не только фрагменты национального языкового сознания, но и его поэтапное философское осмысление.

Оригинальный, синтагматический подход к сопоставлению концептов «успех/ success» используется в работе А.А. Андриенко, избирающей в качестве материала исследования вербализованные оценки успеха в двух языках. Пользуясь данными «Словаря русской идиоматики» [СлРИ], автор выявляет следующие группы атрибутивных словосочетаний с лексемой *успех* в русском языке: – описывающие размеры успеха; указывающие на неповторимость и уникальность успеха; описывающие степень эмоционального воздействия на наблюдателя; описывающие статус успеха как общественной ценности; несущие ярко выраженные метафорические оттенки; описывающие успех как нечто из ряда вон выходящее. С одной стороны, по мнению лингвиста, «в самом прототипическом понятии об успехе содержится элемент позитивной оценки, так как успех в русском языке – это положительный результат, благоприятный исход, удачное завершение чего-либо (победа в поединке, хорошие результаты в школе) [Андриенко 2016]. С другой стороны, А.А. Андриенко говорит о наличии полярности в системе оценок успеха в русской языковой картине мира (*незаслуженный, пустой, незначительный* и т.п. *успех*). Объяснения данному факту лингвист предлагает усматривать «в исторически сложившемся скорее отрицательном отношении к исследуемому концепту в русской культуре. Русская философия никогда напрямую не касалась проблематики успеха и не про-

поведовала культ личного успеха как самоцель <...> в русской культурно-исторической традиции ... успех ценен не в личностном, а в общенациональном смысле; успех связан с религиозными этическими представлениями; отрицание успеха в мирском смысле; русский человек верит в зависимость успеха от удачного стечения обстоятельств (что проявляется в образах народных сказок); успех связан со славой и служением отечеству» [Андриенко 2016: 71].

Не все авторы, однако, осознают импортированный характер представлений об успехе как концепте, занимающем важнейшее место в иерархии англо-американских ценностей. Так, Т.Г. Нестерова, В.Ф. Ремизова, Г.А. Маркова пишут: «Модель мира языковой личности включает ряд базовых, универсальных концептов, среди которых концепт «успех» занимает особое место, поскольку включен во многие аспекты человеческого бытия от дифференциации социальной иерархии общества до выработки системы ценностей индивида [Нестерова, Ремизова, Маркова 2019: 1]. Е.Н. Гончарова также указывает: «Феномен успеха является одним из важнейших в концептуальной картине мира русской и американской лингвокультур. Концепт успех/success занимает особое положение в русской и американской лингвокультурах. Окруженный понятиями «слава», «деньги», «статус», «популярность» и «власть», он используется и поощряется в кино, в сети, в популярных журналах и на телевидении» [Гончарова 2016: 50].

Вполне очевидно, что утверждения подобного типа претендуют на универсальный панхронический характер и возникают в результате экстраполяции сегодняшних условий «продвижения» американского видения концепта на языковое сознание принимающей среды, никогда ранее не придававшей особой значимости успеху и не возводившему его в ранг концепта. Отсутствие хронологически дифференцированного подхода к зафиксированным словарями значениям способствует причислению к области универсальных русских и американских признаков концепта «успех» следующих параметров: «достижение материального успеха, известности, власти, признание заслуг и карьерного роста социумом, самореализация и внутреннее удовлетворение» [Там же: 51]. Одно-

временно лингвист отмечает в качестве особенных черт русского концепта «нематериальный характер успеха, его связь с победой в бою, с достижениями в познаниях и завоеванием симпатий» [Там же].

Изучение концепта/образа успеха, ограниченные только периодом новейшего времени, также не позволяют четко разграничить «свое» от «чужого», зачастую приписывая «русскому» успеху те когнитивные признаки, которые инкорпорируются в русскую лингвокультуру в течение двух последних десятилетий из западной, в первую очередь, англо-американской лингвоконцептологической системы. Так, А.А. Андриенко в качестве языкового материала исследования избирает популярно-деловой дискурс, главным образом представленный жанром бизнес-бестселлеров [Андриенко 2010]. Однако, вполне очевидно, что русскоязычная версия бестселлеров в значительной мере представляет собой переводную структурно-семантическую кальку с английского языка.

Особый интерес представляют для нас исследования образа успеха. Хотя их соотношение с диссертациями, посвященными изучению концепта «успех», выглядит явно в пользу последнего [Атюнина 2007, Смирнов 2019], следует заметить, что гиперо-гипонимическое пересечение данных понятий обуславливает включение образной составляющей в предмет изучения отдельных лингвоконцептологических и лингвокультурологических работ. Так, А.А. Андриенко, изучая образно-метафорическую составляющую концепта «успех» в американском и русском популярно-деловом дискурсе, приходит к выводу о том, что в образно-метафорическом плане языковые реализации исследуемого концепта в двух языках имеют много общего. В русской лингвистической картине мира автор выделяет следующие тематические сегменты, сгруппированные по частоте реализации в популярно-деловых текстах: успех как движение – 22 %; странственные образы – 16 %; успех как неживой предмет – 15 %; антропоморфные образы – 12 %; темпоральные образы – 11 %; параметрические характеристики – 9 %, мистические образы и символы – 9 % и дополнительные образные характеристики – 6 %. В американском популярно-деловом дискурсе контексты

употребления слова *success* дают основание для выведения следующей структуры образно-метафорических сегментов: успех как движение – 20 %; материально-вещественные образы – 15 %; научные образы – 12 %; пространственные – 12 %; темпоральные – 10 %; параметрические характеристики – 9 %; персонификация – 8 %; военные образы – 7 %; дополнительные образные признаки – 7 % [Андриенко 2010: 16].

Сопоставляя результаты исследования концепта/образа успеха в различных диссертационных работах, следует отметить, что образы, или образные характеристики концептов описываются в других работах в терминах когнитивных признаков.

2.3. Изучение национально-культурной специфики языковых единиц в ономаσιологической перспективе

В современной лингвистике, в зависимости от целей анализа фрагмента языкового пространства и входящих в его состав номинативных единиц, выделяются противостоящие друг другу ономаσιологический и семасиологический подходы. Первый подход подразумевает направление исследования от вычленения фрагмента действительности к присвоению ему определенного имени, второй изучает лексические единицы в противоположном направлении – от имени языкового знака к его значению. Согласно В.П. Даниленко, «ономаσιологический способ рассмотрения языковых явлений предполагает, что говорящий исходит в своей деятельности из некоторого внеязыкового содержания и переводит это содержание в языковую форму. При этом та или иная языковая форма выбирается говорящим из находящейся в его распоряжении языковой системы и преобразуется им из системно-языкового состояния в речевое (формула: "внеязыковое содержание – языковая форма/языковая система - речь"). Семасиологический подход выдвигает на первый план речевую деятельность слушающего и, следовательно, учитывает обратные переходы: "речь – языковая система/языковая форма – внеязыковое содержание" [Даниленко 1988: 108].

Поскольку в нашей работе мы нацелены как на выявление тех образов, которые были присущи процессам первичной номинации успеха в русском языке, так и дальнейшим семантическим преобразованиям в различные исторические подходы, для нас представляют важность как первый, так и второй подход. Процесс изобретения человеком номинативных единиц является той плоскостью, в которой происходит пересечение языковых представлений с неязыковыми, где осуществляется оязыковление образов и иных ментальных образований. Процесс изучения первичных номинативных актов, следовательно, дает возможность реконструкции конкретно-чувственных представлений номинирующего субъекта о мире, тем самым позволяет увидеть особенности его образного мышления. Неслучайно теория номинации, составляющая ядро ономасиологической дисциплины, тесно связана с лингвоконцептологией, являющейся интеграцией двух научных направлений, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. В область задач данной дисциплины «входит изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета, она представляет лингвокультуру как линзу, через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса» [Воркачев 2002: 79].

Ономасиология представляет собой раздел языкознания, который определяется как наука об «именах, классификации имен, средствах и способах их создания, а также как наука о номинативной функции языка во всех ее аспектах и проявлениях и даже шире – как наука, создающую теоретические основы для изучения всей номинативной деятельности человека и ее роли в речевой деятельности и системе языка в целом» [Кубрякова 1981: 127 – 128]. Теоретическую базу современного ономасиологического знания составили труды таких ученых, как А.А. Уфимцева, Е.С. Кубрякова, Э.С. Азнаурова, Н.Д. Арутюнова, Л.С. Ковтун, Г.В. Колшанский, Б.А. Серебренников, В.Г. Гак, В. Матезиус, В.Н. Телия и других. Ономасиология в качестве предмета изучения рассматривает определение и анализ закономерностей образования номинативных единиц, «изучение взаимосвязи между понятийными формами мышления, а также то,

каким образом создаются, закрепляются и распределяются наименования за разными фрагментами объективной реальности, так называемую языковую технику номинации: её акты, средства и способы» [Названова, Лозовой 2013: 26].

В современных лингвистических исследованиях отмечается, что в основе номинативного процесса лежит взаимодействие трех разноплановых сущностей. Первая из них – сфера денотата, элемента действительности, которому присваивается имя. Вторая – образ денотата, в котором отражается квалификационно-оценочное видение мира человеком (сфера сигнификации). Третья – имя, будучи средством языкового выражения сигнификативного содержания, соотносящееся с денотатом и являющееся его знаковым заместителем [Колшанский 1977: 104].

Если первые работы по теории номинации в большей степени относились к изучению слов, обозначающих конкретные денотативные единицы, а не имена абстрактных понятий, то в современной ономазиологии преобладает широкое понимание номинации, как обозначение всего отражаемого и познаваемого человеческим сознанием. Опосредованность процесса номинации человеческим мышлением, характером его практико- познавательной деятельности или присущей ему степени образности, обуславливает национально-культурную специфичность номинативных единиц.

Рассматривая вопрос об идентификации и локализации национально-культурного компонента, языковеды подчеркивают возможность проследить его на структурном уровне значения. Так, В.Н. Телия отмечает, что «если единицы языка обладают культурно-национальной спецификой, то последняя должна иметь свои способы ее отображения и средства соотнесения с ней» [Телия 1996: 215]. Традиционно выделяя три основные композиционные сферы номинативного значения, а именно денотативную, сигнификативную и коннотативную, большинство исследователей соотносит именно последнюю с национально-культурной спецификой слова [Апресян 1995, Верещагин, Костомаров 1980, Катермина 2016 и др.].

В.В. Катермина отмечает, что «в коннотации реализуются потенциальные ресурсы номинативной системы языка, ибо коннотативное слово обладает способностью не только создавать, но и удерживать глубинный смысл, находящийся в сложных отношениях с семантикой слова, закреплять его в языке, создавая тем самым национально-культурную картину мира [Катермина 2016: 18]. Исследователь, дифференцируя такие структурные компоненты коннотации? как оценочный (одобрительная / неодобрительная оценка), эмоциональный (выражение в значении чувств и эмоций), экспрессивный (как степень интенсивности выражения эмоционально-оценочного элемента), функционально-стилистический, национально-культурный, приходит к выводу, что существует возможность говорить о культурной коннотации, отражающей, элементы духовной культуры народов, их идеалы и ценностные ориентиры [Там же: 17]. По утверждению А.М. Кузнецова, национально-культурный феномен номинации обнаруживается как на уровне отдельного значения, так и в смысловых расхождениях переносных значений при совпадении прямых значений соответствующих многозначных единиц двух или нескольких языков [Кузнецов 1987: 150].

В диахронической перспективе изучение актов номинации, выявление ведущих ономаσιологических признаков, заложенных в основу наименования, предоставляет огромные возможности для описания системы образов, свойственных номинатору в ранние периоды становления языковой системы. Как указывает М.Э. Рут, «результаты образной номинации всегда несут в себе информацию о межпредметных связях и чувственно-наглядном видении действительности периода возникновения номинативной единицы. Выявление конкретных моделей образной номинации становится средством реконструкции общей модели мировидения определенного языкового коллектива, т.с. народной картины мира» [Рут 1992: 27 – 28].

Кроме собственно образных слоев, в процессе изучения первичных актов номинации, выявляются и особенности познавательной системы человека. Представляя собой первичную функцию языкового обозначения, номинация предполагает закрепление в языке понятийных признаков, которые отображают

свойства предметов [Колшанский 1976: 19]. Прогресс коммуникативной и познавательной деятельности человека, определяющий постоянное появление новых реалий, предметов материальной и духовной культуры обуславливает одну из базовых задач языка – «обозначение всего отражаемого и познаваемого человеческим сознанием, всего сущего или мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, отношений и событий» [Уфимцева 1977: 234], «обеспечение всех сфер жизнедеятельности человека новыми именованиями» [Уфимцева 2010: 5].

Термин «номинация» (лат. *nominatio* – наименование, называние) не находит в теоретической базе лингвистики единого толкования. Как отмечает Б.А. Серебренников в предисловии к монографии «Языковая номинация», с одной стороны, данный термин можно было бы просто определить как создание значимых языковых единиц, таких как слова, формы, предложения. С другой стороны, номинация представляет собой явление исключительной сложности [Серебренников 1977: 3], что отражается в метонимической природе использования соответствующего термина. Употребляя его, исследователи подразумевают связь «действия, состоящего в наименовании, с инструментом и одновременно результатом действия – наименовывающим словом, а также с функцией слова» [Сметанина 2002: 9]. Рассматривая содержательный аспект номинации, В.Г. Гак отмечает возможность определения данным термином как обозначение предметов, так и выражение их качеств, отношений, действий, состояний, то есть он приравнивает «номинацию» к лингвистическому средству обозначения [Гак 1977: 223 – 234].

Б.А. Серебренников, выделяя номинативно-дифференцирующую функцию слова, определяет номинацию как произнесение определенного звукового комплекса, цель которого заключается в том, чтобы слушающий опознал обозначаемый данным комплексом предмет или его признак (качественный или процессуальный) [Серебренников 1972: 50]. В.В. Катермина понимает под номинацией репрезентированную языковым знаком некую абстракцию, представляющую «результат познавательной деятельности человека, отображающую

диалектическое противоречие единичного и общего в реальных предметах и явлениях» [Катермина 2016: 7].

Под НЕ современное языкознание понимает языковые единицы любой структурной простоты или сложности, любого генезиса, любой протяженности: отдельные слова, словосочетания, фразеологизмы и предложения [Кубрякова 1986: 38]. Помимо обозначающей, любая единица выполняет такие функции, как сигнификативную (обобщающую), коммуникативную, прагматическую (экспрессивно-эмоционального воздействия) [Косых 2016: 30].

Наиболее детально типология языковых номинаций представлена в трудах В.Г. Гака, систематизирующего типы номинаций на основании следующих критериев:

- по критерию иерархии: первичные (исходные, прямые) и вторичные (производные, косвенные);

- по функции номинаций: языковые и речевые номинации.

- по именуемому объекту (номинату): элементные событийные (ситуативные)

- по структуре (внешней форме) наименований: конденсированные и развернутые.

- по способу наименования: 1) по связанности/обособленности обозначения: расчлененные и нерасчлененные, самостоятельные и несамостоятельные, непосредственные и опосредованные; 2) по внутренней форме: обобщенные и индивидуализированные, кваликативные (по собственному признаку) и релятивные (по относительному признаку); в) по связи структуры номинации с обозначаемым номинатом: немотивированные и мотивированные, а также сильно или слабо 'информативно мотивированные).

- по субъекту речи и адресату: а) социальный аспект: общеупотребительная и социально отмеченная номинации; б) информативный аспект: номинация «от себя» и номинация с точки зрения собеседника или других лиц;

- по субъективному отношению субъекта к объекту: объективные и оценочные (в том числе рационально-оценочные и эмоционально-оценочные).

- по соотношению номинации с другими в парадигматическом аспекте: а) на уровне сигнификатов: равнообъемные, разнообъемные, соподчиненные, антонимические и переносные; б) на уровне денотатов: разноаспектные квалификативные и разноаспектные релятивные.

- по соотношению номинации с другими в синтагматическом аспекте: автономные и неавтономные. Неавтономные в свою очередь делятся на повторные (идентичные и вариативные, однофокусные и разнофокусные, дистантные и сопряженные и пр.) и синтагматически обусловленные номинации [Гак 1977: 242 – 292].

Уже само представленное выше разнообразие критериев номинации свидетельствует о том, что ономасиологический подход включает в себе потенциал решения целого комплекса проблем. Теоретическая и методологическая база ономасиологии предполагает возможность учитывать такие важнейшие номинативные лингвистические и экстралингвистические факторы, как взаимоотношение языка, мышления и окружающей действительности, особенности языкового строя и лингвистической техники номинации, человеческий опыт и психологию личности, роль как отдельного человека, так и всего общества и нации. Номинативные единицы в их становлении выступают в качестве единиц языка культуры, их изучение в системе национально-культурных координат позволяет идентифицировать средства и способы фиксации в языке составляющих ценностных систем народа.

§ 3. Системно-структурный и функциональный подход в лингвистических исследованиях

3.1. Парадигматическая и синтагматическая организация полей

В рамках теории поля, складывающейся в языкознании на протяжении длительного периода времени, возникли различные подходы к пониманию, теоретическому описанию, принципам построения, а также способам

использования поля в качестве метода лингвистического анализа. Исторически первичным типом поля следует признать семантическое поле, под которым Л.А. Новиков предлагает понимать «иерархическую структуру множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу» [Новиков 1997: 458]. Кроме семантического поля, в лингвистических работах выделяются и изучаются лексические, семантические, лексико-семантические, функционально-семантические, семантико-синтаксические, этимолого-семантические, ассоциативные, словообразовательные, фразеосемантические, паремиологические, словообразовательные, мотивационные и номинативные поля.

История возникновения и развития понятия поля и полевых методов организации исследований наиболее полно представлена в работах А. И. Кузнецовой [Кузнецова 1963], Г.С. Щура [Щур 1976], Ю.Н. Караулова [Караулов 1976]. К теории поля обращались в своих исследованиях такие российские ученые, как Ю.Д. Апресян, И.В. Арнольд, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, С.В. Гринев-Гриневиц, Караулов, И.М. Кобозева, Э.М. Кузнецова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.А. Уфимцева и др.

Развитие теории поля берет свое начало в трудах В. Гумбольдта, Ф. де Соссюра, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, О. Есперсена и других ученых, рассматривающих язык как функциональную систему средств выражения. Взгляд на язык как систему был свойственен концепциям многих ведущих лингвистов XIX века, однако формирование понятия поля как онтологически и лингвистически обусловленного способа организации языкового материала начинается с первой половины XX столетия, с работы Й. Трира «Немецкая лексика в смысле разума. История лингвистической области» [Trier 1931]. Несмотря на то, что немецкий филолог не использовал в своих трудах термин «поле» с целью наименования семантически связанных фрагментов языковой действительности, а использовал слово «система»,

именно его труды положили начало систематическому изучению способов полевой организации языкового материала.

Для подхода Й. Трира к построению поля характерна ориентация на понятийную, или тематическую сферу, что ставит концепцию ученого в ряд экстралингвистических теорий поля. Трир предложил разделение полей на понятийные и лексические, считая, что лексические поля покрывают соответствующие пространства понятийных полей. Ведущим способом построения поля, согласно Й. Триру, является логический критерий отбора лексических единиц. Ученый говорил об однозначной детерминации между понятием и лексемой и о наличии жесткой корреляции между логическими компонентами и полевыми структурами. Принципиально важными для нашего исследования представляются идеи немецкого филолога о том, что понятийное, или парадигматическое поле представляет собой способ лучше понять структуру языка. По его мнению, поле способно помочь изучить трансформацию языкового содержания, поскольку изменение значения часто влечет за собой изменения в структуре поля. «Исследовать членение поля – это значит исследовать в определенных границах кусочек внутренней формы языка и тем самым обнаружить внутреннюю форму языка в известный период» [цит. по: Денисенко 2002: 49].

Утверждения Й. Трира о зависимости структуры поля от изменений входящих в его состав лексических единиц не вызвали споров и разногласий среди ученых. Критические замечания многих лингвистов вызвало, однако, характерное для концепции Й. Трира отсутствие в составе поля вторичных, переносных значений, что не давало полного представления о деривативном потенциале лексических единиц – членов поля. Идея о необходимости включения в полевою структуру номинаций с переносными значениями поддерживалась многими исследователями, продолжающими и развивающими концепцию Й. Трира (Л. Вайсгербер, К. Ройнинг, Б. Потье, О. Духачек, Г. Маторе и др.). Более того, учет не только прямых, но и переносных значений

слов лег в основу построения идеографических словарей, в том числе «Русского семантического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой [РСС].

Принципиально иной подход к теории поля и способу его организации характерен для так называемых лингвистических концепций поля. Представителей данного направления объединяет то, что все они изучают не понятия или логические компоненты, а собственно лексические единицы (слова или словосочетания) и типы их семантических связей внутри поля. Одним из самых ярких представителей лингвистического подхода является другой немецкий филолог, В. Порциг. В отличие от Трира, при построении семантического поля В. Порциг ориентировался не на парадигматические, а на синтагматические связи слова. Так, он указывал, что слово *лаять* обязательно предполагает наличие субъекта в виде *собаки*, слово *схватить* связывается со словом *рука* и т.п. На этой основе филолог предполагал наличие в языке «элементарных семантических полей», ядром которых является глагол или прилагательное, то есть признаковая лексика, связанная с другими лексическими единицами. Его полевая методика основана на типичных коллокациях, рассматриваемых на примере глаголов и прилагательных, например, *horen - Ohr* «слышать – ухо», *lecken - Zunge* «лизать – язык», *gehen - Füße* «идти – ноги» и т.п. [Porzig 1950]. Такой подход к построению поля стал основанием для присвоения ему В. Порцигом определения «синтаксическое поле».

Сопоставляя систему взглядов В. Порцига и Й. Трира, В.Н. Денисенко обращает внимание на различия в логике конструирования полей. Лингвист характеризует семантическое поле Й. Трира как парадигматическое, в то время как поле В. Порцига описывает как синтагматическое. При этом лингвист подчеркивает, что «мыслить поле только как парадигму - значит оставлять в стороне употребление его единиц. Поэтому парадигматическое поле должно рассматриваться в единстве с синтагматическим» [Денисенко 2002: 50]. В.П. Абрамов также постулирует необходимость объединения двух подходов, указывая, что при включении в поле лексических единиц вместе с

характерными для них сочетаниями «семантическое поле получает не только парадигматическую, но и синтагматическую интерпретацию как систему согласовательных классов, связанных с семантикой соотносимых парадигматических классов» [Абрамов 1992: 30] Иначе говоря, «синтагматическое семантическое поле (ССП) «расширяет» границы парадигматического (ПСП) за счет устойчивых контекстов» [Денисенко 2002: 52]. В графическом виде ПСП представляется лингвистов в виде круга, СП – в виде эллипса.

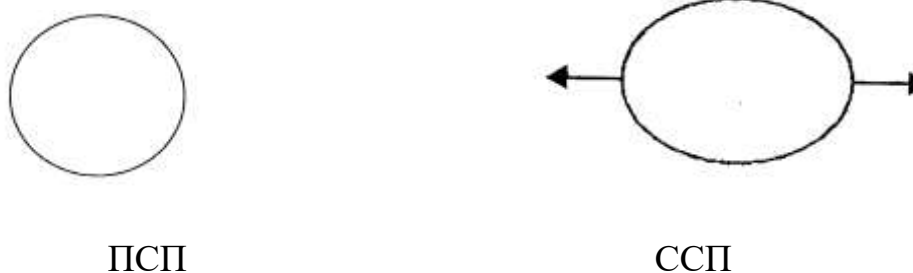

Рис. 1. Схема семантических полей (парадигматического семантического поля и синтагматического семантического поля).

Тесно связанным с синтагматикой, на наш взгляд, является введенный Д.Н. Шмелевым тип эпидигматического поля, описываемого лингвистом как система внутрисловной семантической деривации и деривационных отношений между лексико-семантическими вариантами слова [Шмелев 1973: 191]. Без включения новых контекстов употребления слова в полевою эпидигматическую структуру она остается совокупностью моделей семантических преобразований, тогда как функционирование слова в новых значениях способно дополнить статическую модель динамической. Расширение эпидигматического поля за счет синтагматики, характерной для каждого значения, способно создать целостную картину не только когнитивных, внутренних механизмов семантических переносов, но и проиллюстрировать внешние, собственно лингвистические условия их реализации.

3.2. Полевой и гнездовой подходы в лингвистических исследованиях

3.2.1. Полевой подход к изучению концепта/образа

Одним из основных структурных объектов, на материале которых традиционно изучаются концепты или их компоненты (понятийная, образная и ценностная составляющая), является тот или иной тип поля. Самым широким, всеобъемлющим типом является номинативное поле концепта, определяемое И.О. Стерниным как «совокупность языковых средств, объективирующих (вербализующих, репрезентирующих, овнешняющих) концепт в определенный период развития общества» [Попова, Стернин 2007: 47].

Ученые поясняют, что номинативное поле включает в себя все традиционно выделяемые в лингвистике структурные объединения лексики – лексико-семантическое поле, фразеологическое или паремиологическое поле, синонимический и антонимический ряд, ассоциативное поле и др. Номинативное поле может включать в себя: «прямые номинации концепта (ключевое слово-репрезентант концепта, которое избирается исследователем в качестве имени концепта и имени номинативного поля, и его системные синонимы); производные номинации концепта (переносные, производные); однокоренные слова, единицы разных частей речи, словообразовательно связанные с основными лексическими средствами вербализации концепта» [Попова, Стернин 2007: 49].

Построение номинативного поля концепта рассматривается как метод наиболее полного и объективного изучения всех компонентов концепта. Алгоритм такого построения описан в работе Е.А. Зацепиной «Номинативное поле как объективация концепта» [Зацепина 2007: 36 – 38]. В процессе работы над построением номинативного поля лингвист выделяет следующие этапы: установление ключевого слова-репрезентанта, определяемого наиболее общим значением слова и его наибольшей частотностью; установление ядра, в которое предлагается включать синонимический ряд. Установление периферии номинативного поля включает в себя, по мнению Е.А. Зацепиной, построение словообразовательного поля на основе всех дериватов ключевого слова-репрезентанта,

построение ассоциативного поля концепта и лексико-фразеологического поля. Остальные возможные этапы анализа не включаются автором в полевую методику и указываются как дополнительные методы: анализ художественных текстов и лексической сочетаемости ключевого слова-репрезентанта.

Некоторые работы, посвященные изучению концепта, используют психолингвистические методики построения ассоциативного поля. Они включают в себя свободный и направленный ассоциативный эксперимент, а также метод субъективных дефиниций. Свободный ассоциативный эксперимент нацелен на выявление дополнительных признаков или образных характеристик, не зафиксированных в словарных значениях. Направленный эксперимент чаще всего нацелен на верификацию предполагаемых данных и включает ряд вариантов ответов, которые должны быть подтверждены как актуальные или неактуальные носителями языка. Наконец, метод субъективных дефиниций позволяет выявить понимание или реальное понятийное содержание концепта, характерное для актуального (синхронного) языкового сознания.

Несмотря на то, что З.Д. Попова и И.А. Стернин включают в состав единиц номинативного поля «однокоренные слова, единицы разных частей речи, словообразовательно связанные с основными лексическими средствами вербализации концепта» [Попова, Стернин 2007: 49], словообразовательные структуры значительно реже становятся объектом анализа концептов. В отдельных работах данного толка можно заметить, что на анализ единиц словообразовательного поля концепта определенное влияние оказывают системные понятия, характерные для области словообразования: словообразовательная парадигма, словообразовательный тип и словообразовательное значение.

Так, изучая словообразовательные поля в славянских языках, О.Г. Ревзина описывает структурно-семантические особенности поля деятеля, отвлеченности и вещи. Основной акцент при этом делается на тип формантов и их способность порождать имена, маркированные по определенным семантическим при-

знакам. Словообразовательное поле характеризуется ученым как «набор суффиксов, обладающих свойствами сообщать производным именам одно и то же словообразовательное значение [Ревзина 1969: 10].

Такой подход, скорее, имитирует полевой, совпадая с ним по структурной системности и одновременно сближаясь с категорией словообразовательного типа или словообразовательного гнезда. Подобное понимание свойственно и другим работам, авторы которых определяют словообразовательное поле как «совокупность способов словообразования» [Милькевич 1996: 6 – 7]; «иерархически организованную по степени продуктивности совокупность словообразовательных средств и словообразовательных элементов, характеризующих словообразовательную активность определенной группы лексики» [Иванова 2000: 79] и т.п.

На наш взгляд, данное понимание и заложенный в нем алгоритм построения поля не являются релевантными в случае изучения концептов. Во-первых, общий словообразовательный тип генерирует лексемы самых различных лексико-семантических полей. Во-вторых, в изучении концептов главным предметом является не форма, не способ образования, а содержание, отражаемое в дериватах различного типа. Наконец, словообразовательное поле концепта подвержено трансформациям, «в его содержание могут постоянно включаться новые характеристики, которые в свою очередь будут требовать новых форм вербализации» [Болдырев 2001: 14].

На малую пригодность словообразовательных полей для изучения концептов указывает И.А. Вотякова, предлагающая использовать в лингвоконцептологическом анализе определенную модификацию словообразовательного поля. На первом этапе автор предлагает изучить структуру словообразовательного гнезда прямых номинаций концептов, например, существительных *страх*, *радость* как имен соответствующих концептов. Дальнейший анализ проводится на основе формальной процедуры разделения дериватов на группы с общим словообразовательным значением, например, микрополе деятеля, объекта, при-

знака и т.п. Производное слово со словообразовательным значением в этом случае отражает некое общепринятое понимание существующих реалий, когда «выбирая конкретное выражение или конструкцию, говорящий конструирует воображаемую ситуацию определенным способом, т.е. он выбирает один конкретный образ (из набора альтернатив) для структурирования его концептуального содержания в выразительных целях» [Лангаккер: 1992. 10].

Однако даже при такой модификации акцент в ходе анализа ставится на форму, на типы словообразовательных моделей, порождаемых производящей основой. Изучение внутренних слоев концепта – понятийного, образного и аксиологического – остается на периферии исследования.

3.2.2. Гнездовой подход к изучению концепта/образа

Более широкие возможности открывает перед исследователями концептов, особенно в их синхронно-диахроническом развитии, изучение производных слов, образованных от корневой морфемы имени концепта, составляющих группу слов, описываемую традиционно как словообразовательное гнездо (СГ) или лексико-словообразовательное гнездо (ЛСГ). А.Н. Тихонов предлагал понимать под СГ «упорядоченную отношениями производности совокупность родственных слов» [Тихонов 1987: 106]. И.А. Ширшов в работе «Теоретические проблемы гнездования» [Ширшов 1999] вводит понятие ЛСГ. По утверждению лингвиста, если в основу описания гнезда, кроме словообразовательного аспекта, будет также положен аспект семантический, то такое гнездо следует интерпретировать как лексико-словообразовательное, или толково-словообразовательное: мотивационные и деривационные отношения будут в нем слиты неразрывно, и гнездо действительно предстанет как структурно-семантическое целое» [Там же: 17].

И.В. Евсеева также предлагает различать словообразовательное гнездо в понимании А. Н. Тихонова от лексико-словообразовательного гнезда, которое описывает как «совокупность однокоренных слов, объединенных не только общностью корня и словообразовательных моделей, но и смысловыми связями

между ними, то есть группировку слов одновременно по форме и по содержанию» [Евсеева 2013].

На невозможность полноценного анализа дериватов, входящих в состав корневого словообразовательного гнезда, без учета из семантики указывают и другие лингвисты. По справедливому утверждению В.Г. Фатхутдиновой, «словообразовательное гнездо – это прежде всего лексическая группа слов и, будучи организована по любому принципу, она является частью лексико-семантической системы языка» [Фатхутдинова 2004: 143]. Ж.Ж. Варбот отмечает, что изучение корневых гнезд в их диахронии не только преследует цель изучить структурно-типологические свойства гнезд, но и помогает выявить внутреннюю форму производных слов, т.е. описать ономаσιологические особенности, а также становятся средством «реконструкции семантических изменений» [Варбот 1984: 35].

На невозможность абстрагироваться полностью от семантики при анализе членов СГ указывают и другие лингвисты (Карасик 2004; Попова, Стернин 2007). Наличие семантических взаимосвязей между единицами корневого СГ очевидно, однако характер данных связей иного рода, нежели это имеет место в парадигматических лексических полях. Во-первых, парадигматический тип полевой структуры не присутствует в самой системе языка, а «представляет собой выявленную и упорядоченную исследователем совокупность номинативных единиц» [Попова, Стернин 2007: 47]. Лексические единицы объединения данного типа входят во взаимоотношения синонимии/антонимии, или гиперонимии/гипонимии.

Лексико-словообразовательное гнездо дано уже в самой языковой системе, представляет собой диахронический страт лексики, образовавшейся в процессе эволюции языка. Семантическая связь между единицами СГ проявляется на уровне семантики мысли, общности образов и смыслов, закодированных в единой корневой морфеме, используемой языковым коллективом для присвоения имени различным явлениям действительности. То есть, в своей основе эта связь есть ономаσιологическая, позволяющая исследователю реконструировать

первичные акты номинации, а также проследить дальнейшее движение мысли языкового коллектива – номинатора, использующего единую корневую морфему для ословливания все новых фрагментов внеязыковой действительности. Если это когнитивное движение на ономаσιологической оси относительно непрерывно, то в рамках гнезда возникают ряды дериватов, сохраняющих смысловую связь друг с другом. Если же образ или смысл, лежащий в основе корня, переносится на другие объекты в результате не столь очевидных переносов значений или образов, то постепенно первичная мотивация стирается, а в рамках СГ возникают так называемые субполя (субгнезда) или микрополя (микрогогнезда).

Например, в результате анализа ЛСГ с доминантой часть Е.Ю. Красоткина выявляет в корневой морфеме два исходных понятийных направления развития: 1) доля, кусок чего-либо и 2) судьба, то есть то, что «отломили, отрезали, отделили» на твою долю божественные силы. В дальнейшей эволюции ЛСГ выявляются самостоятельные словообразовательные гнёзда с вершинами *часть, участвовать, участок, счастье, частный, причастить, причастный* на фоне ослабления или полной утраты семантической связи с их генетически родственными единицами [Красоткина 2013: 6 – 7].

В. Д. Тимошина описывает деривационные ветви корня, получившие самостоятельное развитие как «субполя», и выявляет в истории словообразовательного и семантического развития лексики с общеславянским корнем *sьrd- пятнадцать субполей: «мысль», «чувство», «гнев», «рвение», «концентрация», «интенсивность», «родство», «центр», «промежуток», «посредничество», «способ», «вещество, пространство», «общество», «внутренний орган», «день недели» и др. [Тимошина 2020: 4 – 5].

В полях парадигматического типа ядро или доминанту представляет собой лексема, имеющая наиболее общее значение, обладающая высокой частотностью употребления и не имеющая коннотативных значений. Периферия составляет исследователем, в основном, из синонимических лексических

средств, фразеологии и т.п. В ЛСГ естественную доминанту (вершину) поля составляет сама корневая морфема, связывающая все остальные дериваты как образно-смысловая основа, лежащая в актах производства дериватов. Выделение периферии при изучении эволюции ЛСГ не представляется столь значимым, как в рамках парадигматического поля, хотя и не исключено, если принимать во внимание количество членов-дериватов каждого субполя, или степень их употребительности на каждом конкретном историческом этапе эволюции языка и общества.

В.Г. Гак, анализируя объединения лексики формально-семантического типа, предлагал выделять различные словообразовательно-семантические группы. К особому типу среди объединений данного типа ученый относил «семантические поля, охватывающие все слова языка, произошедшие от слов, этимон которых связан с определенным понятием. Эти группировки являются формальными, так как охватывают слова по принципу словообразовательного гнезда, но вместе с тем и семантическими, поскольку объединяют ряд гнезд, этимоны которых соотносятся с общим понятием» [Гак 1998: 691 – 792]. Этимон – это представление или признак, лежащий в основе обозначения, то есть элемент мотивации, содействовавший образованию нового значения на базе старого [Кацнельсон 1986: 48].

В ходе анализа семантико-деривационных изменений В.Г. Гак также прибегает к методу конструирования ЛСГ, однако предпочитает использовать термин «этимолого-семантическое поле». Такое использование представляется нам более мотивированным, поскольку собственно словообразовательный анализ не входит в задачи исследования. Кроме того, изучение семантических преобразований осуществляется также на уровне лексем, значение которых меняется без использования средств аффиксации. Семантическая деривация имеет место в случае изменения контекстного окружения, в связи с чем в ходе анализа этимолого-семантического поля ученый не только приводит различные значения одного слова, но и иллюстрирует их с помощью конкретных примеров. Изу-

чение синтагматики является слова является обязательным условием проведения полноценного анализа слова в его деривационно-семантическом развитии. Например, только с помощью сочетаемости можно выявить и проиллюстрировать метонимическое употребление слова земля: *Земля – планета* (движение Земли), и дериваты данного значения: *земной (земной шар), околоземной (околоземная орбита)* и т.п. [Гак 1998: 694]. Применение данного типа анализа при изучении истории этимонов (т.е. представлений, освоенных в корневых морфемах) основано на понимании того, что в «синтагматике, как внутрисловной (словообразование), так и внесловной (словосочетание) актуализируются оттенки значения данного корня» [Там же].

Этимолого-словообразовательное поле по В.Г. Гаку в значительной степени пересекается с морфосемантическим полем, понятие которого было введено французским филологом П. Гиро, описывающим его как совокупность лексических связей, определяющих возникновение слова, включающая в себя, кроме генетических (словообразовательно-этимологических) отношений, также отношения омонимии, паронимии, синонимии, антонимии и контекстуальные связи [Giraud 1956]. В сущности, такой подход может быть описан как комплексный, синхронно-диахронический, позволяющий не только проследить эволюцию слова, но и его парадигматические и синтагматические связи на каждом отдельном, избранном исследователями отрезке языкового развития.

Когнитивное осмысление процесса моделирования лексико-словообразовательных гнезд как фреймовой структуры дается в работах И.В. Евсеевой. Автор описывает гнездо как фрейм-структуру, состоящую из разных уровней: глубинного (уровень пропозициональных схем, пропозиций и слотов) и поверхностного (уровень лексико-словообразовательного значения конкретного деривата). На примере гнезда с вершиной *рука* разъясняется, что поверхностный уровень равен отдельным значениям конкретных дериватов (например, *рукодельница* «женщина, изготавливающая что-либо своими руками», *рукомойник* «приспособление, предназначенное для умывания, в том числе – мытья рук»). В

качестве пропозиций предлагаются обобщенные значения, способные использоваться в качестве словообразовательной модели, например: «лицо, изготавливающее что-либо частью человеческого тела», «приспособление, при помощи которого моют часть тела». Как слоты предлагается рассматривать глагольные наименования действий, связанных с производными существительными: *рукодельница - изготавливать, рукомойник – мыть* [Евсеева 2013: 34 – 35].

Заметим, что аналогичные действия предпринимает в своем анализе этимолого-семантического поля РУКА. В.Г. Гак. Например, «корень рук-/руч- входит в слова, обозначающие предметы, за которые берутся рукой: *поручни, рукоятка*; рука как орудие действия: *рукоделие, рукопись, рукотворный*; рука как орудие нанесения ударов: *рукоприкладство, рукопашный (бой)*; рука как символ власти: *руководить, руководитель* и др. [Гак 1998: 703 – 704]. Предлагаемый И.В. Евсеевой подход представляет собой интерпретацию ЛСГ в когнитивных терминах, однако в основе своей также прибегает не только к анализу значений дериватов гнезда, но и к их содержательно важным контекстам.

Таким образом, ЛСГ представляет собой образование формально-семантического типа, обладающее огромным потенциалом для изучения тех внутренних мотивов, которые лежали в основе первичных номинативных актов, а впоследствии дали основу для дальнейших переосмыслений и использования для наименования новых сигнификатов. При изучении поля с точки зрения мотивированности вербализации различных элементов внеязыковой действительности посредством единой корневой системы структурный аспект анализа дериватов отходит на задний план. Семантическая связь между единицами ЛСГ проявляется на уровне общности образов и смыслов, отраженных в единой корневой морфеме, используемой языковым коллективом для присвоения имени различным фрагментам внеязыковой действительности. Таким образом, данное системно-структурное объединение может быть охарактеризовано как ономаσιологическое поле, изучение которого в диахронической перспективе предоставляет возможность для реконструкции тех образов, которые лежали в основе первичных актов номинации, а в дальнейшем подверглись переосмыслению.

Термин «ономасиологическое поле» (далее – ОП) еще не вошел в состав устоявшихся терминологических обозначений, что, на наш взгляд, связано с лежащим в его основе гнездовым способом моделирования. Использование группировки, объединенной на основе формального единства (общей корневой морфемы), в целях, отличных от чисто словообразовательных, представляет собой определенное нарушение сформировавшихся исследовательских канонов. Диффузность гнездовой и полевой структуры находит свое отражение в присвоенном В.Г. Гаком данному структурно-системному образованию статусе этимолого-словообразовательного поля. В сущности, изучение дериватов, входящих в состав словообразовательного гнезда, позволяет ученому проследить судьбу этимонов, то есть описать ономасиологические связи составляющих поля.

На сегодняшний день термин «ономасиологическое поле» используется лишь в работе Д.А. Брацун, исследующей композиты, включающие в свой состав слово «дорога». ОП описывается автором как «объединение сложносокращенных слов, которые характеризуются наличием тождественного компонента в составе значений, но обладают различной спецификой представленности концептуальных знаний» [Брацун 2020: 5]. Объект изучения обуславливает присвоение группировке аббревиатурных образований названия аббревиатурно-ономасиологическое поле. Д.А. Брацун также отмечает факт объединения полевого и ономасиологического подхода для изучения способов номинации различных фрагментов внеязыковой действительности.

3.3. Семантическая деривация как форма детерминированного развития языкового знака

Единицей эволюции языка, согласно В.Г. Гаку, является изменение номинации, т.е. соотношения между означаемым и означающим [Гак 1985: 28]. Ученый выделял четыре основных типа изменений характера соотношений: использование данного знака для обозначения нового объекта; введение нового знака для обозначения объекта, уже имеющего название в языке; введение нового

знака одновременно с новым обозначаемым, а также выход ЛЕ из употребления в связи с дезактуализацией обозначаемого [Там же]. Семантическая деривация (далее – СД) относится к первому типу изменений, когда тот же самый языковой знак изменяет план своего содержания.

С онтологической точки зрения возможность и границы детерминированных изменений семантики описаны швейцарским лингвистом, С.О. Карцевским, в концепции об асимметричном дуализме языкового знака. Ученый пишет: «если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток. Но также невозможно представить себе язык, знаки которого были бы подвижны до такой степени, что они ничего бы не значили за пределами конкретных ситуаций» [Карцевский 1965: 85].

Различные аспекты изменений плана содержания знака изучались многими отечественными и зарубежными лингвистами преимущественно в синхронической перспективе, с точки зрения системных языковых фактов (А. А. Потебня, В. Вундт, М.М. Покровский, М.В. Никитин, Н.В. Крушевский, А.А. Зализняк, А. А., Падучева, Д.Н. Шмелев, Ю.Д. Апресян, Г. Пауль, Ф. де Соссюр, Г. Стерн и др.). Данный подход нашел свое отражение в терминологизации уже произошедших семантических преобразований языкового знака как полисемии (многозначности) или эпидигматики (отношения производности между разными значениями одного многозначного слова). В процессе изучения данного явления основное внимание уделялось выявлению и типологизации моделей многозначности внутри слова (радиальная, цепочечная и цепочно-радиальная модель), а также описанию основных типов изменения значения: метафора, метонимия, расширение или сужение (специализация) значения.

Переход к антропоцентрической парадигме и признание экспланаторности (объяснительности) в качестве ведущего принципа лингвистических исследований повлияло на постепенное «преодоление негласного запрета на использование данных истории языка в синхронном анализе» [Плунгян 1998: 325].

Анна А. Зализняк, приводя целый ряд высказываний о необходимости соединения синхронного подхода с диахронным, указывает, что «существуют многие примеры того, как слово изменило свой исконный смысл, но «помнит» нечто из своего прошлого, и эта память влияет на его употребление» [Зализняк 2001: 15].

В настоящее время необходимость сочетания синхронного подхода с изучением предыдущих исторических периодов развития языка не вызывает сомнений. Активные процессы семантических преобразований языковых знаков требуют не только учета их «исходного» значения, но и обнаружения тех речевых языковых средств, которые выступают в роли экспликаторов новых смыслов, в том числе в случае заимствования значения знака из концептуальной системы языка-донора. Поиск ответов на вопрос, какие речевые языковые средства становятся проводниками новых концептуальных смыслов, диктует необходимость перехода от статичного, системно-структурного подхода к функционально-динамическому, от изучения преобразований как уже состоявшихся языковых фактов в рамках полисемии к изучению явления семантической деривации в процессе ее непосредственного становления и протекания.

Термин «семантическая деривация» (далее СД) намного реже встречается в лингвистике, нежели полисемия, многозначность слова или эпидигматика. Согласно М.В. Никитину, «семантическая деривация – образование производных значений от исходных без изменения формы знака» [Никитин 1996: 375]. Д.Ф. Хакимзянова характеризует СД как «многоплановое явление, выступающее как процесс и результат вторичной номинации, при которой происходит образование производных значений от исходного без изменения формы знака» [Хакимзянова 2002: 3].

Н.Д. Голев описывает СД как «важнейшую форму оязыковлени детерминационного содержания, фундаментальный и универсальный способ представления нового на базе исходных суппозиций» [Голев 1989: 65]. Непрерывный деривационно-мотивационный процесс рассматривается ученым как стержневая линия динамики языка, в его противоречивом синхронно-диахроническом единстве. Ученый предлагает описывать процесс и результат СД по следующей

формуле: " $H = S + h$ ", где H - содержание высшего, S - содержание, заимствованное высшим из низшего, и h – прирост сложности, специфическое содержание, модификационный ингредиент [Там же: 132 – 141]. Т.М. Шкапенко и С.С. Ваулина уточняют содержание этой формулы, указывая, что прирост содержания h осуществляется в результате «когнитивной операции по переводу смысла из начальной формы его бытования в новую, путем переноса значения, расширения или сужения, дополнительных коннотаций, реаксиологизации или деаксиологизации» [Шкапенко, Ваулина 2020: 212].

Расширенная формула процесса СД выглядит в интерпретации данных лингвистов следующим образом:

$A/b + h = A/c$, где A – план выражения, b – план содержания, h – когнитивная операция, вызывающая семантический сдвиг; c – план содержания образуемого семантического деривата [Там же].

Функционально-динамический подход к описанию процессов СД в их синхронии, то есть в тот период, когда лексикографические источники еще не фиксируют фактов полисемии, возможен только на основании отслеживания изменений в речи, свидетельствующих о происходящих смысловых преобразованиях языкового знака. Решающую роль при синхроническом подходе играет анализ новых контекстов, в которых реализуются новые способы употребления знака. Признавая значение контекстов для разграничения конкретных лексико-семантических вариантов слова, Т.И. Арабекова предлагает разделить их на однотипные и разнотипные, в которых «реализуются разные словарные значения одного и того же слова» [Арабекова 1977: 81 – 82].

Если в условиях структурно-системного подхода признается, что контексты являются средством разграничения значений слова, то при функционально-динамическом подходе, когда процесс формирования нового смысла находится в стадии становления и протекания, выявление «разнотипных» контекстов употребления слова можно рассматривать как объективный способ наблюдения за процессом его неосемантизации. В этой связи особое значение приобретает анализ особенностей сочетаемости слова, выявление и анализ тех традиционных и

новых типов контекста, в которых реализуются новые значения языкового знака.

Характер синтагматики слова непосредственным образом зависит от его частеречной принадлежности. Наиболее изученными с точки зрения синтагматических особенностей представляются процессы семантической деривации (СД) прилагательных (А.Н. Шрамм, Е.М. Вольф, М.В. Сандакова, Н.Е. Сулименко, Е.М. Тазиева и др.) и глаголов (Е.В. Падучева; Г.И. Кустова, Р.И. Розина и др.).

Характеризуя когнитивные основания СД прилагательных, М.В. Сандакова указывает, что «свойства в мире не существуют вне предметов, <...> языковое представление свойства и его носителя посредством различных слов является результатом абстрагирующей деятельности нашего сознания» [Сандакова 2010: 202]. Отсюда следует, что процесс семантических преобразований прилагательного может получать единственную форму экспликации – изменять сочетаемость в результате переадресовки свойства от одного предмета к другому [Там же]. При любом типе переноса значения новый лексико-семантический вариант прилагательного не может быть описан вне изменений его синтагматики, выражающейся в сочетании слова с новым, не употребляющимся ранее существительным.

Процесс появления новых значений у глаголов также связан с синтагматическими «инновациями», в первую очередь, с изменениями в составе актантной рамки. Подробным образом все типы изменений таксономических классов субъекта, объекта и обстоятельства, характеризующих глагольное действие, описаны в трудах Р.И. Розиной (2002) и Г.И. Кустовой (2000, 2004). О категориальном сдвиге актантов как необходимом условии глагольной деривации говорится также в исследовании Д.Ф. Хакимзяновой. Автор справедливо утверждает, что «семантика словаря неисчерпаема: слово то и дело погружается в какой-то новый контекст и выходит из него преображенным» [Хакимзянова 2008: 2 – 3].

Менее изученной с точки зрения речезыковых контекстов реализации представляется СД имени существительного. Даже в тех немногочисленных работах, в которых декларируется синхронно-диахронический подход к изучению СД существительных новейшего периода времени, как, например, в диссертационном исследовании М.В. Москалевой «Семантическая деривация имён существительных в современном русском языке второй половины 20 - начала 21 вв.» [Москалева 2009], использование в качестве источника языкового материала уже зафиксированных в словарях новых лексико-семантических вариантов слова избавляет автора от необходимости решения задачи выявления и описания тех речезыковых средств, которые обеспечивают процесс изменения семантики в творческих речевых практиках носителей языка. Внимание исследователя полностью фокусируется на типологизации основных моделей СД, к которым автор причисляет процессы терминологизации и детерминологизации, метафорического переноса, сужения, расширения значения слов и сферы их употребления, а также семантической компрессии [Москалева 2009].

Функционально-динамический подход к выявлению лингвокогнитивных условий реализации СД существительного отличает работу В.А. Белова. В исследовании, основанном на данных НКРЯ, а также статистике запросов поисковой системы «Яндекс» и результатах эксперимента толкования носителями современного русского языка новых слов, автор делает акцент не на «моделях или типах семантических изменений, а на самом процессе изменения» [Белов 2010: 5]. Использование материала современной речи позволяет лингвисту проследить хронологию языковых изменений с учетом экстралингвистических факторов, выявляя, «как происходило движение от одного значения к другому (или другим) внутри структуры слова» [Бабаева 1998: 98].

Обращает на себя внимание гипотеза исследования, в соответствии с которой СД имени существительного «обусловлена изменением обозначаемой словом прототипической ситуации под влиянием контекстуальной ситуации, представленной в высказывании» [Белов 2020: 5]. Прототипическая ситуация,

«с которой связано исходное значение слова», используется говорящим в качестве «источника (поставщика) материала для производных значений» [Куцова 2004: 39].

Анализируя процессы изменений в значении слов (*силовики, стоянка, рассылка* и др.) на основе их употребления в новых, непривычных контекстах, В.А. Белов отмечает ту особую роль, которую играют «конкретизаторы ситуации», маркирующие употребление существительных в новом значении. При этом синтаксическая выраженность конкретизаторов представлена шире, нежели в случае СД прилагательного или глагола. В семантике имени существительного имплицитно присутствует информация о ситуации, ее субъектах, объектах и обстоятельствах, и она оказывается принципиально важной для создания «новой» ситуации высказывания. Автор апеллирует к работам зарубежных лингвопрагматиков [Evans V 2006, Fauconnier G. 2004], обращающих особое внимание на то, что значение слова формируется в рамках конкретного высказывания, что обеспечивает возможность контекстуальных сближений и расхождений.

О влиянии контекста на формирование новых значений слов под воздействием английского языка говорится в работе Е.М. Кацман, изучающей семантические трансформации русских существительных в языке коммерции и рекламы. Именно появление непривычной для русского языка конструкции N nom. + N pl gen у существительного *пакет*: (*пакет предложений, акций, инициатив, требований* и т.п.) приводит к деактуализации семы материального объекта и порождает новое, метафорическое значение «совокупность, комплекс». Изменения, произошедшие в значении слова *продукт*, также происходят в результате его употребления с новым, ранее не используемым определением-прилагательным: *банковский, страховой, финансовый, инвестиционный, образовательный* и т.п. Новая синтагматика приводит к тому, что лексема *продукт* (как и *пакет*) утрачивает прототипический материальный денотат и сближается в употреблении с абстрактным значением «результат» [Кацман 2017: 47]. В результате выполненного исследования Е.М. Кацман приходит к выводу, что

«процессы расширения / сужения значения слова неразрывно связаны с изменением его сочетаемости» [Там же: 46].

Таким образом, в основе изменений значения существительных лежит процесс актуализации нового значения слова в изменившемся синтагматическом окружении. Возможность существительного употребляться в контексте с прилагательными, глаголами, другими существительными обуславливает широкий спектр контекстуальных инноваций, лежащих в основе семантических преобразований. Новая ситуация, представленная первоначально в индивидуальном лингвокреативном высказывании, постепенно начинает распространяться, освобождается от рамок связывающего контекста и впоследствии закрепляется в значении самого слова.

Не подвергая сомнению достоверность наблюдений за изменением контекста как условия приобретения словом нового значения, мы все же должны заметить, что во всех вышеприведенных работах [Москалева 2009; Кацман 2017; Белов 2020] семантические преобразования рассматриваются как имманентные лингвокогнитивному сознанию носителей современного русского языка. Однако, не вызывает сомнений, что все приводимые примеры инновационной синтагматики представляют собой результат калькирования соответствующих словоупотреблений в английском языке. В связи с этим представляется необходимым дифференцировать семантические преобразования, которые происходят на собственной языковой почве от тех, которые инспирируются иноязычной лингвокультурой и привносятся в принимающий язык в виде инновационных для него контекстов употребления.

Изменение значения слова под влиянием его переводного эквивалента в английском языке как доноре всех глобализационных процессов получило в польской лингвистической литературе обозначение «англосемантизации», а подвергшиеся данному процессу слова – англосемантизмы. А. Виталиш предлагает понимать под ними «слово или устойчивое словосочетание, исконное или генетически чуждое (заимствованное ранее), которое под влиянием англий-

ского языка изменила свою семантику, то есть приняло значение, отсутствующее до этого в польском (родном) языке, либо присутствовавшее давно, но забытое [Witalisz 2007: 134]. По мнению А. Марковского, если определённое значение лексической единицы в английском языке зафиксировано в лексикографических источниках, а в словарях языков-реципиентов это же значение регистрируется в более поздний период, можно констатировать, что данная лексема представляет собой англосемантизм [Markowski 2000: 96].

Однако в период динамичных языковых изменений лексикография, как известно, не успевает фиксировать возникновение новых слов или новых лексико-семантических вариантов. В этих условиях основу для наблюдения за англосемантизацией лексики должен составлять мониторинг инновационных контекстов ее употребления в текущих дискурсивных практиках в результате калькирования лексико-семантических структур, функционирующих в языке-доноре.

Выводы

Термин «детерминанта» в отечественной лингвистике имеет узкоспециализированное авторское употребление в концепции системной типологии Г.П. Мельникова, в которой описывается как главное свойство морфологического строя языка, предопределяющее его статическое состояние и ограничивающее пределы его эволюции. Разработанный ученым детерминантный анализ представляется релевантным для исследования множественных изменений в рамках языковой системы, однако имеет относительную пригодность в процессе анализа единичных эволюционирующих объектов.

В общелингвистическом смысле термин «детерминанта» используется в качестве терминологического эквивалента номенов «причина» или «фактор». Употребление данных лексем при объяснении различных феноменов можно охарактеризовать как синсемантическое, требующее синтаксического распространения с помощью причастий «обуславливающий, определяющий, детерми-

нирующий». Термин «детерминанта» является автосемантическим, так как включает в себя не только фактор, но и указание на его определяющую роль в состоянии языкового объекта.

Факторы и свойства языкового и внеязыкового характера, обуславливающие состояние различных фрагментов языковой системы, формируют лингвистическую детерминанту, подразделяемую соответственно на интра- и экстралингвистическую. Экстралингвистическая детерминанта включает в себя совокупность внешних по отношению к языковой системе условий и факторов, оказывающих влияние на состояние языка, интралингвистическая детерминанта включает в себя свойства языковой системы, которые определяют (стимулируют или сдерживают) изменения в рамках конкретной языковой системы.

Концепт представляет собой многоуровневое ментальное образование, включающее в себя образный, понятийный и ценностный уровни, на основании чего отношения между «концептом» и «образом» могут быть охарактеризованы как гиперо-гипонимические. В то же время образ является самостоятельной единицей лингвистических исследований, в первую очередь, в ономастологии, реконструирующей первичные номинативные акты и изучающей механизмы языковой номинации.

Группировки лексических единиц системного типа представляют собой один из важнейших, моделируемых лингвистами объектов, используемых в различных исследовательских целях. В качестве основных принципов структурирования лексических систем используются полевой и гнездовой подходы. Конструирование системных группировок лексики, широко используемых при изучении концептов, основано на единстве (инвариантности) значения и относится к полевому типу устройства лексики. Широко применяемые в словообразовании системные группировки основываются на единстве формы (корневой или аффиксальной) и представляют собой гнездовой тип организации языковых единиц.

В зависимости от исследовательских целей основанные на формальном единстве группировки слов описываются как «словообразовательное гнездо» (в

том случае, если исследуются словообразовательные типы, значения или категории) и как лексико-словообразовательное гнездо (в том случае, если в задачи исследования входит также понятийная сфера дериватов). Семантическая связь между единицами лексико-словообразовательного гнезда проявляется на уровне общности образов и смыслов, отраженных в единой корневой морфеме, используемой языковым коллективом для присвоения имени различным явлениям внеязыковой действительности. Данное формально-понятийное единство может быть описано как ономаσιологическое поле (ОП) и применяться в практике лингвистического анализа с целью реконструкции первичных актов номинации и последующих семантических преобразований номинативных единиц, входящих в состав поля.

ОП представляет собой формальное объединение, так как охватывает слова по принципу словообразовательного гнезда, и вместе с тем семантическое объединение, поскольку включает в себя различные дериваты или субгнезда, восходящие генетически к единому образу или понятию. Доминанту (вершину) ОП составляет сама корневая морфема, связывающая все остальные дериваты как образно-смысловая основа, используемая в различных актах номинации. В качестве периферии в рамках ОП могут быть квалифицированы менее продуктивные субгнезда (микрополя).

Функционально-динамический подход к описанию лексики переносит акцент с изучения процессов полисемии на процессы семантической деривации, описываемой как способ преобразования значения лексической единицы, представляющий собой результат взаимодействия исходных, отраженных в первичных номинативных актах образов и понятий, с их обновленной мыслительной репрезентацией в языковом сознании современных носителей языка.

Изучение процессов семантической деривации непосредственно в стадии их протекания требует обязательного включения в объект анализа синтагматики слова, выявление инновационных контекстов его употребления, в рамках которых реализуются новые значения языкового знака. Необходимость их изучения как материальных экспонентов семантических преобразований предопределяет

дополнение внутренней структуры ОП внешней синтагматикой входящих в его состав дериватов.

Семантическая деривация может протекать как в результате лингвокогнитивных процессов, имманентных сознанию носителей языка, так и являться эффектом семантического заимствования. Трансляция новых, не свойственных ранее слову смыслов, происходит в результате калькирования инновационных контекстов его использования в языке-доноре. Их выявление и описание представляет собой алгоритм исследования лингвистических техник англосемантизации лексики.

ГЛАВА II. ОБРАЗ УСПЕХА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ДИАХРОННО-СИНХРОНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

§ 1. Формирование образа успеха в древнерусский период

Этимологически существительное *успех* относится к лексическому гнезду древнерусского глагола *спѣти*, восходящего к праславянскому **spĕti* «спешить, успевать», «спешно готовить или быть готовым», которое образовано при помощи суффикса *-ti* от индо-европейского **spĕi* – «успевать, удаваться» [Цыганенко]; «напрягаться, распространяться» [Преображенский]. Анализ дефиниций в словаре старославянского языка IX– XII вв., в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского, а также в словаре русского языка XI–XVII вв. позволил прийти к выводу о том, что в старославянский и древнерусский период ОП СПЕХ отличалось богатой деривационной и смысловой вариативностью и включало в себя следующие префиксальные глаголы:

- **выспѣти** «изготовить» [СлРЯ XI–XVII вв.];
- **доспѣти** «успеть», «приготовиться, собраться; снарядиться», «стать готовым», «прийти, успеть прийти», «прийти, наступить (о времени, о событии)», «достигнуть чего-л. (какой-л. степени, предела, состояния)», «постараться, позаботиться», «сделать, устроить, изготовить», «составить, сочинить», «сделать, совершить (какой-л. поступок); учинить что-л.», «сделать, привести в какое-л. состояние», «причинить, доставить», «учредить, установить, назначить» [СлРЯ XI–XVII вв.]; «предупредить, успѣти»; «окончить соорудить»; «поспѣшить» [Срезн.]; **доспѣти растѣніем** – «стать взрослым, достигнуть зрелости»; **доспѣтися** «стать, сделаться», «сделаться, случиться»; **доспѣвати** «собирается, готовится», «оставаться твердым, сохраняться»; **доспѣхъ** «боевое снаряжение, вооружение война», «изготовление, приготовление», «вооружение»; **доспѣшныи** «снаряженный для боя, готовый к бою»; «вооруженный»; **доуспѣти** «успеть», «постараться, позаботиться» [СлРЯ XI–XVII вв.];

- **напрѣждьспѣти** «двигаться вперед, наступать, приступать»; «делать успехи, преуспевать, развиваться»; **напрѣждьспѣяние** «преуспевание, успех»; **напрѣжьспѣти** «делать успехи, преуспевать»;
- **напрѣдспѣти** «двигаться вперед, делать успехи» [СлРЯ XI–XVII вв. X];
- **поспѣти, поспѣю** «успѣвать, совершенствоваться», «успѣть, поспѣть» [Срезн.]; **поспѣтися** «помогать, содействовать, способствовать», «быть успешным, удаваться»; **поспѣхъ** «помощь, содействие», «польза», «усердие, рвение, старание», «подвиг», «достижение цели, успех», «скорость, быстрота»; **поспѣшати** «иметь успех или добиваться успеха в чем-л», «устремляться»; **поспѣшение** «помощь, содействие, споспешествование», «успех, преуспевание», «радение усердие, старание», «спешность, срочность»; **поспѣшество (поспѣшство, поспѣшьство)** «помощь, содействие», «защита, оправдание», «радение, усердие, старание», «достижение цели, успех, преуспевание», «благополучие»; **поспѣшивый** «тот, кто усерден, старателен, кто ревностно трудится»; **поспѣшительныи** «удачливый, достигающий успеха, ревностный»; **поспѣянный** «успешный»; **поспѣшный (поспѣшьныи)** «деятельный, усердный», «честный, порядочный, добродетельный, преуспевающий в добродетели», «ведущий к успешной деятельности» [СлРЯ XI–XVII вв. XVII]; **поспѣшьныи** относящийся к подвигу: **поспѣшною** «подвижничество»; **поспѣшнѣ** «старательно»; **поспѣшьствию** «помощь, содействие» **поспѣшьство** «подвижничество»; **поспѣшию** «помощь, облегчение»; **поспѣшитель** «помощникъ, пособникъ, союзникъ»; **поспѣшитиса** «постараться, потрудиться» **поспѣшьникъ** «помощникъ; споспѣшникъ»; **поспѣшьница** «пособница, споспѣшница» [Срезн.];
- **предспѣвати, предспѣание (предспѣяние)** «прежде других добиваться чего-л., преуспевать»; **предспѣние (предъ-, -ие)** «старание, стремление к успеху в религиозно-нравственном совершенствовании; подвижничество»; **предспѣти** «преуспевать», «прилагать усилия, стремиться к успеху в религиозно-нравственном совершенствовании»; **предспѣяние (-ание)** «продвижение

вперед, успех», «достижение определенной степени духовного совершенства (как зрелости), религиозно-нравственное подвижничество» [СлРЯ XI–XVII вв.];

- **прѣдспѣти = предспѣти** «преуспевать»; **прѣдспѣвание = предспѣвание** «преуспѣваніе, успѣхъ» [Срезн.]; **предуспѣяние предуспѣяние (-ание)** – «успешное достижение чего-л.; преуспевание в чем-л.», «достижение определенной степени духовного совершенства (как зрелости), религиозно-нравственное подвижничество»; **предуспѣвати (предъуспѣвати)** «двигаться вперед, развиваться во времени (о событиях)», «успешно достигать чего-л., преуспевать в чем-л.»; **предуспѣти** «успешно достигнуть чего-л., преуспеть в чем-л.» [СлРЯ XI–XVII вв.];

- **преспѣватися** «добиваться успеха, цели, преуспевать»; **преспѣватися** «добиваться успеха цели преуспевать»; **преспѣние (прѣ)** «выдающийся успех преуспѣяние», «превосходство, преимущество», «излишек, избыток»; **преуспѣть (преуспѣвать)** «добиться (добиваться успеха, пользы, цели)», «превзойти, (превосходить)», «одолеть, победить»; **преспѣхъ (прѣ-)** «превосходство, преобладание»; **преспѣшный** «превосходящий»; **преспѣющий, преспѣяи (прѣ-)** «все превосходящий, безмерный»; **преспѣяние** «успех, удача», «излишек, избыток»; **преспѣятельная** «благоприятные обстоятельства, удача, счастье»; **преспѣятельнь** «в надежде»; **преспѣятельный** «преуспевающий»;

- **приспѣвати (пре)** «спешить куда-л., устремляться к кому-л., чему-л.», «приходить, являться куда-л.», «приходить, наступать (о времени, событии), «готовить пищу, печь хлеб», «приближаться к зрелости, достигать совершеннолетия» [СлРЯ XI–XVII вв.]; **прѣспѣвание = преспѣвание** «преуспѣваніе»; **прѣспѣвати = преспѣвати, преспѣваю** «преуспѣвать; превосходить, соревновать, состязаться; помогать, споспѣшествовать; восходить на высокую степень; превышать»; **прѣспѣние** «превосходство»; **прѣспѣти = преспѣти, прѣспѣю** «преуспѣть; соревновать, способствовать, помогать; превзойти; преодолѣть, побѣдить; превысить, быть излишнимъ»; **прѣспехъ**

«успѣхъ, преуспѣяніе»; **прѣспѣшьныи = преспѣшьныи** «превосходящій» [Срезн.];

• **приспѣние** «достижение (зрелого возраста)»; **приспѣти (пре)** «спешно прийти, прибыть»; «прийти, наступить (о времени, событии), «наступить (о благоприятном времени для какого-л. действия)», «случиться, прийти на какое-л. время», «достичь состояние зрелости, готовности»; «приготовить, припасти», «приспособствовать, помочь кому-, чему-л.», «достичь успеха, преуспеть в чем-л.», «успеть»; **приспѣтися (пре)** «прийти, наступить»; **приспѣхъ** «приготовление пищи,стряпня, варка», «хлебные изделия, иногда – любая пища»; **приспѣшник** «пекарь, пирожник, иногда – повар», «помощник»; **приспѣшный** «относящийся к изготовлению хлебных изделий, пищи», «помощник»; **приспѣшня** «кухня, пекарня»; **приспѣяние** «достижение (зрелого возраста)» **приуспѣвати** «преуспевать в чем-л., добиваться успеха»; **приуспѣти** «преуспеть в чем-л., добиться успеха»; **приуспѣяние** «преуспевание, успех» [СлРЯ XI–XVII вв.; **приспѣвати, приспѣваю** «подоспѣвать; присоединяться; прибѣгать, обращаться» [Срезн.];

• **оуспѣвати** «двигаться вперед; преуспевать, вырастать»; **оуспѣти** «успеть, преуспеть, устроить, справиться с чем-н.; помочь, принести пользу; пройти»; **оуспѣхъ** «польза, выгода; способность сила»; **оуспѣшение** «польза, выгода»; **оуспѣшьнь** «полезный» [ССЯ IX–XII вв.]; **успѣвати, успѣваю** «приносить пользу»; **успѣти, успею** «достигнуть, добиться; помочь, принести пользу; успѣть, поспѣть; иметь время, иметь возможность; дойти, прийти»; **успѣтиса** «быть достаточным»; **успѣхъ** «польза; движение вперед; движение по службе; поспѣшность»; **успѣшити, успѣшу** «принести пользу»; **успѣшно** «съ успѣхомъ, благоуспѣшно; съ рвеніемъ, ревнстно»; **успѣшьныи** «полѣзный; имеющій успѣхъ, достигающій цели»; **успѣяти, успѣю** «достигнуть, успѣвать, удачно дѣйствовать» [Срезн.].

Для одних из первых письменных фиксаций употребления глагола **успѣти** в старославянском языке в словаре лексики IX–XII веков приводятся следующие два значения: 1. «успеть, преуспеть, устроить, справиться с чем-н.»;

2. «принести пользу, помочь»; 3. «пройти»: *нощъ оуспѣ а д(ь)нь приближи сѧ* [ССЯ IX-XII вв. IV]. Словарь Срезневского фиксирует такие значения, как «достигнуть, добиться», помочь, принести пользу», «успѣть, поспѣть»; «имѣть время, имѣть возможность», «дойти, прійти»; **възрастомъ успѣти** «прійти въ возрастъ»; **успѣтисѧ** «быть достаточнымъ»; **успѣшити, успѣшу** «принести пользу»; **успѣяти, успѣю**, «достигнуть», «успѣвать, удачно дѣйствовать» [Срезн.].

Отглагольное существительное **оуспѣхъ** употреблялось в старославянском языке IX-XII вв. в значении «польза, выгода», например: *принесѣмъ все на оуспѣхъ ближънимъ* (Codex Suprasliensis, 378, XI в.), и «способность, сила»: *с(вѧ)тага же юг(о) църкы на оуспѣхъ оучению възрасте* Ves 29, Uvar 106aß 25 [ССЯ IX-XII вв.]. В «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского, охватывающих также более поздний период, к основному значению «польза» добавляются новые: «движение вперед, движение по службе»: *Чьтъць аще съ своєю оброченицею прѣже брака съвъкоупитъсѧ, лѣто прѣзднь бѣвѣ, на почитаниѣ приатъ боудеть, прѣбывага безъ оуспѣха* Ефр. Крм. Вас. Вел. 69.; «поспешность»; **оуспѣхъ быти** «приносить пользу»: *Блѣженъи с оуспѣхъмъ въставѣ, начатъ водоу носити отъ кладѣзѧ (въ др. сп. Съ спѣхъмъ)*. Нест. Жит. Θεод. [Срезн.].

Прилагательное **успѣшныи**, употреблявшееся в старославянском языке в значении «полезный»: *житию оуспѣшнѣжъ память оставиша* [ССЯ IX-XII вв.], в древнерусском языке функционировало в двух значениях: «полезный»; «имѣющій успѣхъ, достигающій цѣли»: - *Оуспѣшны Сжтъ зало въ стѣмъ житиу сѣыхъ* мѣтвы. Изб. 1073г. [Срезн.].

Наречная форма **успѣшно** фиксируется с конца XI века и имеет значение «съ успѣхом, благоуспѣшно», «съ рвеніем, ревностно». *Оуспѣшно претерпѣль юси*. Мин. 1097 г. л. 152 [Там же].

Словарями фиксируются также церковнославянизмы, представляющие собой сложные слова с основой *благо*, образованные по образцу переводных калек с греческого языка (*благословение* (εὐλογία), *благоволение* (εὐδοκία) и т.п.):

прилагательное **благоспѣшныи** «успешный», глагол **благоспѣти** «стремиться к добру», существительное **благоспѣшии** «усердие, желание трудиться» [СлРЯ XI–XVII вв.]. Как указывает Е.В. Петрухина, старославянские типы сложных слов сыграли важную роль в формировании русского словосложения. Создание сложных слов-калек по образцу греческих композитов в переводных текстах духовно-религиозного содержания (в том числе с элементами *добро-*, *бого-*, *благо-*, *зло-*, *миро-* и др.) активизировало в русском языке сами модели словосложения. Изучение сложных слов данного типа важно также в мировоззренческом отношении, поскольку они выражают типовые комплексы частотных смыслов, важных для общества в определенный период его существования [Петрухина 2017].

Анализ толкований значений дериватов поля СПЕХ в старославянской и древнерусской периоды позволяет реконструировать образы и смыслы, конституирующие отдельные субполя в рамках общего ОП. К вершинам данных полей относятся: движение, в первую очередь, движение вперед и быстрое, поспешное движение; старательное действие и усердие; помощь; физическое и духовное созревание; изготовление продукта; время; преобладание и превосходство; удачная деятельность и преуспевание. Перечисленные выше образы реализуются в следующих дериватах, формирующих отдельные субполя:

1. Образ поступательного движения зафиксирован в значении пяти префиксальных глаголов: **напрѣждьспѣти** «двигаться вперед, наступать, приступить»; **напрѣдспѣти** «двигаться вперед»; **предспѣвати (предъспѣвати)** «двигаться вперед, развиваться во времени (о событиях)»; **приспѣтися** (пре) «прийти, наступить»; **оуспѣвати** «двигаться вперед». Образ быстрого движения присутствует в семантике трех глаголов: **доспѣти** «поспешить», **поспѣшатися** «устремляться»; **приспѣвати (пре)** «спешить куда-л., устремляться к кому-л., чему-л.». Образ скорого достижения цели движения заключен в значении глагола **приспѣти (пре)** «спешно прийти, прибыть», а также существительных **поспѣшение** «спешность, срочность» и **успѣхъ** «поспѣшность». Таким образом, образ движения отражен в семантике 11 дериватов, характеризующих данный

процесс с точки зрения его направленности, скоростных характеристик, а также достижения цели движения.

2. Образ старательного действия и усердия отражается в семантике семи дериватов поля, включающих в себя: три глагола: **доспѣти**, **доуспѣти** «постараться, позаботиться», **поспѣшитиса** «постараться, потрудиться», пять существительных: **поспѣхъ** «усердие, рвение, старание», **поспѣшение** «радение усердие, старание», **поспѣшество** (*поспѣшство, поспѣшьство*) «радение, усердие, старание», **предспѣние** (*предъ-, -ие*) «старание», **благоспѣшие** «усердие, желание трудиться», а также два прилагательных: **поспѣшивый** «тот, кто усерден, старателен, кто ревностно трудится», **поспѣшный** (*поспѣшьныйи*) «деятельный, усердный» и наречие **поспѣшнѣ** «старательно» – всего в 11 дериватах.

3. Образ помощи прослеживается в семантике шести дериватов поля: пяти глаголов **поспѣтиса** «помогать, содействовать, способствовать», **приспѣти** (*пре*) «приспособствовать, помочь кому-, чему-л.», **прѣспѣвати** = **преспѣвати** «преуспѣвать; превосходить, соревновать, состязаться; помогать, споспѣшествовать»; **прѣспѣти** = **преспѣти**, **прѣспѣю** «помогать», **оуспѣти**, **хуспѣти** «достигнуть, добиться; помочь «помочь»; шести существительных: **поспѣхъ** «помощь, содействие»; **поспѣшение** «помощь, содействие, споспешествование», **поспѣшество** (*поспѣшство, поспѣшьство*), **поспѣшьствию** «помощь, содействие», **поспѣшию** «помощь, облегчение», **приспѣшникъ** «помощник», **поспѣшитель** «помощникъ, пособникъ, союзникъ» – всего в 11 дериватах.

4. Образ материального (физического) и духовного созревания характерен для пяти дериватов поля: глаголов **приспѣти** (*пре*) «достичь состояния зрелости, готовности»; **приспѣвати** (*пре*) «приближаться к зрелости, достигать совершеннолетия» и **доспѣти растѣніем** «стать взрослым, достигнуть зрелости»; трех существительных **приспѣние** «достижение (зрелого возраста)»; **предуспѣяние** (*-ание*) «достижение определенной степени духовного совершенства (как зрелости), религиозно-нравственное подвижничество», **предспѣяние** (*-ание*) «достижение определенной степени духовного совершенства

(как зрелости), религиозно-нравственное подвижничество» – всего в 5 дериватах.

5. Образ преобладания и превосходства присущ четырем дериватам с префиксом **прѣ-** (*pre-*): глаголам **прѣспѣвати = преспѣвати, преспѣваю** «преуспѣвать; превосходить, восходить на высокую степень; превышать», **прѣспѣти = преспѣти, прѣспѣю** «преуспѣть; соревновать, способствовать, помогать; превзойти; преодолѣть, побѣдить; превысить, быть излишнимъ»; **преуспѣть (преуспѣвать)** «превзойти, (превосходить)»; «одолеть, победить»; двум существительным: **прѣспѣниѣ** «превосходство»; **прѣспѣхъ** «успѣхъ, преуспѣяніе», «превосходство, преобладание»; двум прилагательным **прѣспѣшныи = преспѣшныи** «превосходящій», **преспѣющій, (прѣ-)** «все превосходящій, безмерный» – всего в 6 дериватах.

6. Образ изготовления, создания некоторого продукта или готовности к действию прослеживается в пяти глаголах: **доспѣвати, доспѣвать, доспѣваю** «собираться, приготовляться»; **доспѣти** «окончить, соорудить», «собраться, изготовиться»; **выспѣти** «изготовить», **приспѣвати (пре)** «готовить пищу, печь хлеб»; **приспѣти (пре)** «приготовить, припасти», **приспѣхъ** «приготовление пищи,стряпня, варка», «хлебные изделия, иногда – любая пища»; трех существительных: **доспѣхъ** «изготовление, приготовление», **приспѣшникъ** «пекарь, пирожник, иногда повар», **приспѣшня** «кухня, пекарня», а также прилагательного **приспѣшный** «относящийся к изготовлению хлебных изделий, пищи» – всего в 9 дериватах.

7. Образ времени присутствует в семантике глаголов **доспѣти** «прийти, наступить (о времени, о событии)», **предспѣвати (предъспѣвати)** «двигаться вперед, развиваться во времени (о событиях)»; **приспѣвати (пре) /приспѣти (пре)** «приходить, наступать / прийти, наступить (о времени, событии), «спешно прийти, прибыть»; **успѣти, успею** «иметь время» – всего в 4 дериватах.

8. Образ успешной деятельности и преуспевания характерен для тринадцати глаголов **напрѣждѣспѣти** «делать успехи, преуспевать, развиваться»; **по-**

спѣшатися «иметь успех или добиваться успеха в чем-л.»; **предспѣвати, предспѣвание (предспѣяние)** «прежде других добиваться чего-л., преуспевать»; **напрѣдспѣти** «делать успехи»; **прѣдспѣти = предспѣти, прѣдспѣю** «преуспевать»; **предуспѣти** «успешно достигнуть чего-л., преуспеть в чем-л.»; **преспѣватися** «добиваться успеха, цели, преуспевать»; **преуспѣть (преуспѣвать)** «добиться, добиваться успеха»; **прѣспѣвати = преспѣвати, преспѣваю** «преуспѣвать»; **приспѣти** «достичь успеха, преуспеть в чем-л.»; **приуспѣвати /** «преуспевать / преуспеть в чем-л., добиваться успеха»; **оуспѣти** «успеть, преуспеть»; **успѣяти, успѣю** «удачно дѣйствовать»; четырнадцати существительных **напрѣждспѣяние** «преуспевание, успех»; **поспѣхъ** «достижение цели, успех», **поспѣшение** «успех, преуспевание», **поспѣшество (поспѣшство, поспѣшьство)** «достижение цели, успех, преуспевание»; **предспѣние (предь-, -ие)** «старание, стремление к успеху в религиозно-нравственном совершенствовании, **предспѣяние (-ание)** «продвижение вперед, успех», **прѣдспѣяниѣ = предспѣяниѣ** – преуспѣяніе, успѣхъ, **предуспѣяние (-ание)** «успешное достижение чего-л.; преуспевание в чем-л.», **преспѣние (прѣ)** «выдающийся успех преуспевание»; **преспѣяние** «успех, удача», **прѣспѣваниѣ = преспѣваниѣ** «преуспѣвание»; **прѣспехъ** «успѣхъ, преуспѣяніе»; **приуспѣяние** «преуспевание, успех»; трех прилагательных **поспѣшительными** «удачливый, достигающий успеха, ревностный»; **поспѣянный** «успешный»; **успѣшными** «полѣзный; имеющій успѣхъ, достигающій цели»; одного наречия **успѣшно** «съ успѣхомъ, благоуспѣшно» – всего для двадцать одного деривата.

Представленные выше результаты количественного анализа показывают, что корень -спех- имел в старославянский и древнерусский период высокую деривационную продуктивность, в основе которой лежит акциональная составляющая, образ активной деятельности, формирующий смыслы различных дериватов поля. Эта деятельность может проявляться в движении субъекта вперед, отражать скоростной режим этого движения и его соревновательность, – когда тот, кто приходит к цели раньше, достигает лучших результатов. В то же время

различные дериваты поля отражают и значимость взаимодействия, когда быстрое или своевременное оказание помощи приносит свои плоды, а также осознание необходимости старательного и усердного действия как условия достижения цели. В целом, анализ значений, приводимых словарями для многочисленных дериватов поля СПЕХ, позволяет судить о том, что корень -спех- участвует в семантико-словообразовательном становлении восьми субполей.

Свойственный ранним периодам развития языка семантический синкретизм [Колесов 1991; Пименова 2012; Цветаева 2017] проявляется не только в смысловой связи субполей корня -спех-, но и на уровне отдельных дериватов, абсолютное большинство которых может быть охарактеризовано как семантически синкретическое образование. Можно предположить, что различные образы и смыслы отдельных лексических единиц с корнем -спех- еще не оформились в четкие, дискретные лексико-семантические варианты. Фиксируемые словарями значения зачастую пересекаются и взаимодополняются. Так, характерный для субполя образ быстрого движения в определенной мере пересекается с перцептивной характеристикой роста физических объектов как их движения вверх. В свою очередь, движение вверх является собой визуальную характеристику процесса созревания растений или же увеличения запасов. Как отмечает Н.И. Коновалова, «перцептивный образ — это возникающий при непосредственном воздействии предмета целостный чувственный образ, который отражает совокупность его свойств» [Коновалова 2016: 131]. Именно в этой перцептивной холистичности человеческого восприятия кроются корни семантического синкретизма, присущие ранним периодам развития языка. По утверждению И.М. Некипеловой, «слово в своём семантическом развитии проходит этапы: от функционирования в языке и речи в исходном предметном значении к формированию семантических синкрет, а затем — к распадению синкретизма слова и появлению отдельных семантических дериватов» [Некипелова 2011: 38].

Первичная визуальная перцептивность, нерасчлененность получаемых впечатлений и многообразие способов восприятия обусловили наличие синкретического образа быстрого движения как основы семантической и словообразовательной деривации корня -спех- в древнерусском языке. О первенстве данного образа может косвенно свидетельствовать то, что в Словаре русского языка XI – XVII веков первыми значениями указываются: «идти вперед, продвигаться, стремительно приближаться к чему-либо, стремиться, направлять свои усилия» [СлРЯ XI–XVII вв.]. При этом вектор движения может иметь не только направление вперед, но и вверх, что в полной мере соответствует образу созревания растения, стремящегося ввысь и тем самым достигающего зрелости, а в результате приносящего пользу человеку. Например: *Церкви...спѣяще(с<я>) въ высоту*. Перен. Мощ. Мт. Петра, 31(35) XVI в. ~ XV. [Там же].

Осмысление деятельности с точки зрения ее положительного результата начинает связываться с пониманием готовности ее объекта, приближения к зрелости, необходимой для чего-либо, к состоянию годности. Данное значение объективируется, в первую очередь, в глаголах с комплетивным префиксом до-: **доспѣти** «успеть», «приготовится, собраться; снарядиться», в метафорическом словосочетании **доспѣти растѣніем** «стать взрослым, достигнуть зрелости», в отглагольном существительном **доспѣхъ** «изготовление, приготовление», а также в глаголе с используемым в финитивном значении префиксом *вы-*: **выспѣти** «изготовить».

Успешность деятельности тесно связана с пониманием готовности ее объекта, являющейся финальной фазой его приготовления или созревания. Этот факт находит отражение в значении «приближения к зрелости, необходимой для чего-л., к состоянию годности», причем это может относиться и к самому человеку: *А Овдокимко деи въ нашу службу постпѣль, а Бориско деи да Глѣбко да Офонаско въ нашу службу спѣют*. ДАИ I, 111. 1556 [СлРЯ XI–XVII вв.].

Сознание жизненной важности движения самого по себе и зависимости его результата от понимания цели/направления пути напрямую связано с нахождением оптимальной скорости. Констатируя недостаточную или чрезмерную скорость движения, люди постепенно приучились номинировать с помощью данного глагола сам факт быстрого движения с необязательной привязкой к его результативности. Чрезмерное превышение скоростного режима, в свою очередь, способствовало тому, что от семантически синкретичного поля СПЕХ постепенно ответвились его ближайšie дериваты, в которых образ быстрого движения или совершаемой в быстром темпе деятельности становится главным.

Как отмечает В.В. Виноградов, «часть значений позднее отошла от глагола *спеть* к производному отыменному *спешить*, другие значения были вытеснены более дифференцированными и точными синонимами» [Виноградов 1999: 657]. В.В. Виноградов указывает, что в древнерусском языке корень -спѣхъ- имел следующие значения: 1) «поспешность, быстрота»; 2) «стремление, усердие, ревность» 3) «достижение цели, успех, удача, счастье». Последнее значение, как замечает В.В. Виноградов, постепенно отошло от слова *спех* к слову *успех*. Уже в XVI — XVII вв. связь между *спех*, *спешный* и *спеть*, а также между этими словами и глаголом *успеть*, с одной стороны, и *успех* — *успешный*, с другой, значительно ослабевает, хотя в народной речи слово *успех* еще сохраняет значение поспешности [Там же]. Распад семантического синкретизма и формирование отдельных субполей приводит к морфологическому опрощению, в результате которого бывший префикс *у-* перестает вычленяться в составе дериватов и входит в состав корневой морфемы.

Особого внимания заслуживает исследование первичных смыслов положительного, удачного достижения какой-либо цели еще в рамках общего ОП. Чаще всего данное значение в его сакральном понимании отражено в толкованиях глаголов с приставкой *пред-* и *пре-*. По утверждению И.С. Улуханова, посвятившего глаголам с церковнославянскими приставками отдельное монографическое исследование, приставка *пред-* при производстве глаголов используется чаще во временном значении предшествования («происходить прежде

чего-либо, опережая, заранее»). Кроме того, глаголы с приставкой *пред-*, не имеющие соотносительного типа глаголов с русской приставкой, «производили впечатление большей сложности, книжности», по сравнению с глаголами с приставкой *пре-*, «сближаясь в этом отношении со сложными словами» [Улуханов 2004: 115]. Использование приставки *пре-* в религиозно-духовных текстах выполняло, по мнению этого же исследователя, стилистическую и прагматическую функцию усиления значения мотивирующего глагола и повышение его стилистического ранга. Производные типа *преисполниться*, в которых приставка *пре-* является второй с точки зрения их истории в древнерусском языке, И.С. Улуханов относит к так называемому стилю «плетения словес», связанному с периодом второго южнославянского влияния и характеризующегося ярко выраженной направленностью на торжественность и возвышенность [Улуханов 2004: 61].

Словарь русского языка XI – XVII вв. приводит следующие значения префиксального церковнославянского глагола **предспѣвати/ предспѣти**: «прежде других добиваться чего-л., преуспевать», **предспѣти** «преуспевать», «прилагать усилия, стремиться к успеху в религиозно-нравственном совершенствовании». Таким образом, преуспевание в его прототипическом церковнославянском значении непосредственным образом относится к исполнению человеком религиозных заповедей, которые никогда не включали в себя накопление материальных благ. Идентичное значение имеют отглагольные производные **предспѣвание (предспѣяние)**: «старание, стремление к успеху в религиозно-нравственном совершенствовании; подвижничество; **предспѣяние (-ание)** «продвижение вперед, успех», «достижение определенной степени духовного совершенства (как зрелости), религиозно-нравственное подвижничество».

Меньшая связь с духовным развитием и совершенствованием прослеживается в толкованиях глагола с префиксом *пре-*, который, на наш взгляд, используется не с целью повышения стилистического ранга слова, а передает значение превосходной степени определяемого действия, состояния или его результата.

Образ конкурентной составляющей очевидным образом прослеживается в глаголе **преуспѣть, (преуспѣвать)** в значении «превзойти, (превосходить)»; «одолееть, победить», имеющем соответствующие субстантивные, адъективные и причастные дериваты: **преспѣние (прѣ)** «выдающийся успех преуспеяние»; «превосходство, преимущество», «излишек, избыток»; **преспѣхъ (прѣ-)** «превосходство, преобладание»; **преспѣшный** «превосходящий»; **преспѣющий, преспѣяи (прѣ-)** «все превосходящий, безмерный». Интересное в семантическом плане ответвление представляет собой субгнездо **преспѣяние** «успех, удача», «излишек, избыток»; **преспѣятельная** «благоприятные обстоятельства; удача, счастье»; **преспѣятельнь** «в надежде»; **преспѣятельный** «преуспевающий», в котором отражается свойственный тому времени прагматизм – «излишек, избыток» оценивается как материальное свидетельство достижения успешного результата, и одновременно присутствует осознание значимости везения и удачи как фактора, приводящего к успеху.

Попытки осмысления положительного результата деятельности имеют синкретический характер также в рамках многих других субгнезд, например: **поспѣтися** «быть успешным, удаваться»; **поспѣхъ** «достижение цели, успех», **поспѣшатися** «иметь успех или добиваться успеха в чем-л», **поспѣшение** «успех, преуспеяние», **поспѣшество (поспѣшство, поспѣшьство)** «достижение цели, успех, преуспеяние», «благополучие»; **поспѣшительный** «удачливый, достигающий успеха, ревностный»; **поспѣянный** «успешный»; **поспѣшный (поспѣшьный)** «честный, порядочный, добродетельный, преуспевающий в добродетели», «ведущий к успешной деятельности».

При этом, если мы восстановим все значения в ряду каждого производного, то мы получим необычайно интересную синкретическую картину, в которой действие объединяется с причинами его успеха в виде определенных качеств человека, успех осмысливается как результат быстрого движения или взаимодействия с другими людьми, оказывающими друг другу помощь, успех видится также как результат ревностного, усердного и старательного выполнения

своих обязанностей, в первую очередь, обязанностей сакрального и богослужебного характера. Особо яркий пример такой осознанной, основанной на логически взаимосвязанном осмыслении различных сторон человеческой деятельности, являет собой ряд дериватов с префиксом *по-*: **попѣтися** «помогать, содействовать, способствовать», «быть успешным, удаваться»; **попѣхъ** «помощь, содействие», «польза», «усердие, рвение, старание», «подвиг», «достижение цели, успех», «скорость, быстрота»; **попѣшение** «помощь, содействие, споспешествование», «успех, преуспевание», «радение усердие, старание», «спешность, срочность»; **попѣшество (попѣшство, попѣшьство)** «помощь, содействие», «защита, оправдание», «радение, усердие, старание», «достижение цели, успех, преуспевание», «благополучие» и т.п.

§ 2. Образ успеха в период становления и развития национального русского языка до начала XX столетия

В качестве основных источников языкового материала для моделирования ОП СПЕХ в указанный исторический период нами были использованы материалы словаря СЦиРЯ 1847 г., «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, впервые в русской лексикографии отразившего различную по происхождению и функциональной принадлежности лексику русского языка середины XIX века, а также данные Национального корпуса русского языка, относящиеся к рассматриваемому историческому периоду.

В словаре Даля в рамках словарной статьи глагола *спѣть* указываются одновременно префиксальные глаголы *вы(до,по)спѣвать*. В качестве основного указывается значение: зрѣть, созрѣвать, приходиться въ спѣлость, въ зрѣлость; | *попѣвать*, быть вскорѣ готову, приходиться къ концу *Здѣсь груша рѣдко спѣетъ, не доспѣваетъ. Дело наше спѣетъ, идетъ удачно. Работа кипитъ и спѣетъ, идетъ успѣшно.* [Даль]. Как следует из примеров, процесс поспевания, достижения состояния спелости и зрелости относится не только к растениям, но и характеризует процессы или объекты жизнедеятельности человека:

дело, работа. При этом допускается также переходное употребление, в котором человек выступает в качестве активного субъекта деятельности: спѣть что (при-спѣть): готовить, изготавливать к сроку; заготовлять, припасать. *Мы де готовимся на службу, запасы спеем, стар. Король спеяшет рать велику, летописн. Враги, спеющие луки (Акад. Сл. из Минеи). Спѣй свое дѣло, дѣлай. Спѣть дыни, въ парникахъ. Доспѣй, или приспѣй обедъ.*

В словаре Даля фиксируется также возвратная форма глагола: спѣться, спѣть, доходить на огнѣ или навѣтру. *Щи спѣются. Провѣсная рыба, балыки спѣются.* В этом значении глагол обладает причастной формой, маркированной как региональная: *Спѣтая рыба, донск. вяленый, провѣсный балыкъ.*

Глаголы с префиксами *на-*, *по-*, *подо-* отражают значения достижения цели, в том числе с целью оказания помощи: *Исправникъ наспѣль, наѣхаль нежданный. К закату в городъ поспѣем. Подоспѣть на помощь.* Здесь же приводится пример употребления глагола *успѣть* в значении сделать что-то к конкретному сроку: *Неуспѣлая работу кончить. Успѣю, такъ приду, а нѣтъ, такъ не взыщите.*

Значительная часть словарной статьи посвящена описанию значений различных префиксальных дериватов со значением быстрого, поспешного осуществления деятельности, причем приводимые примеры свидетельствуют о преимущественно негативном отношении к «поспешанию»:

Спешить, зап. спѣшать, торопиться, поспѣшать, стараться сдѣлать и кончить что скорѣе, борзиться, гнать дѣлом шибко, быстро, прытко; не медлить, не мѣшкать, не мотчать. *Не спѣши гъздой, а спѣши кормомъ. Спѣши, да не торопись, дѣлай успѣшно, часу не теряй, да не суетись. Тороплюсь, а дѣло не спѣшится! Доспѣшились до грѣха. Заспѣшил безъ толку. Поспѣшишь, людей наспѣшишь. Проспѣшили все утро, а ничего не сдѣлали.* В этом же значении приводится форма успѣшить дѣлом, ниж. успѣть сделать что; не успѣшить, не успѣть, не сдѣлать, за недосугомъ или за краткостью срока.

В приводимых пословицах и поговорках прослеживается также рациональное отношение к быстрым действиям, оценка которой варьируется в связи

с ситуативным контекстом: *Не спѣши жить, придетъ смерть, скажешь: рано! Не торопись начинать, а спѣши кончить. Делать добро спѣши (поспѣшай).*

Субстантивные дериваты корня в этом значении имеют три различные формы: *спѣшенье, спѣхъ, спѣшка*, действ. по глаг. *спѣшитъ*. *Что за спѣхъ? чего торопишься, поспѣешь*. Словарь фиксирует также прилагательное *спѣшный* и южн. зап. *спѣшкий*, говоря о человеке, торопкѣй, торопливый или нетерпѣливый, кто всегда спѣшит, торопится и погоняетъ; || о дѣлѣ, скорое, быстрое, или поспѣшное, неотложное, нужное, срочное, не позволяющее мѣшканья и отлагательства. *Спѣшный отъездъ*, внезапный и скорый. - поѣзд, идущій шибче, скорѣе других.

Как видим, в качестве определяемых употребляются не только существительные со значением «дело, отъезд», а также «поезд», но и сам человек характеризуется с помощью качественного прилагательного *спѣшный*. Отмечается также форма качественного прилагательного с суффиксом *-ив*: *спѣшливый*, торопкѣй, торопливый, суетливый с указанием его краткой формы: *спѣшливь*, суетливь: обувшись парится. Наречная форма *спѣшно!* маркируется пометой регионального употребления со значением охотно! ряз. привет рабочим; Бог-помочь!

К субстантивным дериватам словарь также относит: *спѣшность*, *поспѣшность*, *торопливость*; *скорость*, *состоянье спѣшного*. Целый ряд существительных характеризуют человека на основании лежащего в акте номинации признака помощи, что характеризуется как употребление, свойственное старославянскому языку: *спѣшник*, *-ница*, стар. *споспѣшникъ*, *помощникъ*, *пособникъ*, *покровитель*.

В ряду церковнославянизмов указываются *спѣть* Црк. идти впрокъ, спорить, удаваться. *Что, яко путь нечестивыхъ спѣется? Спѣется во благо. Спѣятися црк. то же, преуспѣвать. Спѣятися тебѣ и здравствовать!* Иоан. Глагол «преуспѣвать, преуспѣть» характеризуется отдельной словарной статьей как имеющий значение ‘успѣвать хорошо, подвизаться успѣшно’ преуспѣванье,

преуспѣяніе, дейст. по гл. [Даль]. Прилагательное спѣшный имеет также значение: Церк. успѣшный; усердный. Вѣрнии и спѣшнии мужіе, Пролг.

Отдельная статья посвящена глаголу «успѣвать», что свидетельствует о протекающем семантическом «размежевании» префиксальных глаголов корня -спех- и произошедшем процессе морфологического опрощения:

Успѣвать, успѣть въ чемъ, иметь успѣхъ, удачу, достигать желаемого. Примечательно, что в качестве примера использования глагола в предложной конструкции приводится сочетание, относящееся к интеллектуальной деятельности человека: *Онъ успѣваетъ въ наукахъ.*

Значительная часть примеров иллюстрирует значение достижения какой-либо цели к сроку: |Успѣть куда, поспѣть, быть ко сроку. Успѣть сдѣлать что, удосужиться, управиться, сдѣлать своевременно. Приводится также субстантивный дериват: Успеванье, дѣйст. по гл. Образованные от первого значения: успѣть въ чемъ, иметь успѣхъ, удачу, достигать желаемого существительные успѣхъ, успѣшка истолковываются посредством синонимов: спорина въ дѣлѣ, въ работѣ; удача, удачное старанье, достиженье желаемого. Каковъ успѣхъ въ тяжбѣ? Каковы успѣхи малаго в школѣ? За что ни примусь, все безъ успѣха! Какъ успѣшки возьмутъ, какъ смогу, успѣю, какъ удосужусь. Прилагательное успѣшный характеризует плоды человеческого труда: Успѣшное дѣло, съ успѣхомъ, удачное, в то время как наречие успѣшно представляет собой характеристику способа осуществления трудовой деятельности: Он успѣшно работаетъ, довольно скоро и споро.

Обращает на себя внимание наличие отадъективного существительного *nomina actionis*: Успѣшникъ, -ница, успѣшный дѣлатель, у кого работа идетъ, спорится. *На рукоделья она у насъ успѣшница*, что свидетельствует о том, что в данный период характеристика «успешный» могла относиться не только к объектам человеческой деятельности, но и использовалось в качестве ономаσιологического признака для характеристики самого человека. Примечательно, что

словарем приводится также образованный по той же словообразовательной модели дериват *удачникъ, удачница*, таланникъ, кому счастье служить, везеть, все удается [Даль].

В СЦиРЯ 1847 г., содержащем толкования русских и церковнославянских слов, значение глагола *преуспѣвать* описывается как:

Преуспѣвать – иметь великий успѣхъ; удачно совершать что-либо. *Преуспѣвание* – дѣйствиѣ преуспѣвающаго. *Преуспѣяние* – дѣйствиѣ преуспѣващаго. Преуспѣяніе въ наукахъ [СЦиРЯ].

Прилагательное *успѣшный* имеет два значения: ‘действующий с успехом’ *Успѣшный ученикъ*; ‘сопровождаемый успѣхомъ’ *Успешный трудъ* [Там же], из которых следует, что свойство успешности в данный исторический период могло быть атрибутировано как процессу или объекту человеческой деятельности, так и самому человеку.

В целом, изучение состава дериватов корня -спех- и их значений в вышеуказанных словарях показывает, что в XVII – XVIII вв. наблюдается уменьшение количества дериватов, что может быть объяснено как действием внутренней лингвистической детерминанты – выражение одного содержания с помощью многих языковых знаков противоречит принципу языковой экономии, так и действием внешней детерминанты, а именно, произошедшим в конце XVII — XVIII вв. «отмиранием традиций старой книжной речи» [Ларин 2005: 311].

В результате из употребления выходят многие лексические единицы ОП, связанные с церковнославянской традицией, а морфемная структура дериватов со значением «удача, успех» подвергается опрощению, с утратой морфемного шва между приставкой у- и корнем -спех-. Данный процесс описывался также В.В. Виноградовым, фиксирующим, что уже в XVI — XVII вв. связь между *спех*, *спешный* и *спеть*, а также между этими словами и глаголом *успеть*, с одной стороны, и *успех* — *успешный*, с другой, значительно ослабевает, хотя в народной речи слово *успех* еще сохраняет значение поспешности [Виноградов 1999: 657].

По данным НКРЯ, фиксирующего самые ранние примеры использования дериватов ОП УСПЕХ с начала XIX века, глагольная синтагматика сводится к употреблению следующих сочетаний: *иметь успех, получить успех, добиться/достичь успеха, делать/сделать успех/успехи, увенчаться успехом, кончатся успехом, желать успеха, предсказывать/пророчить успех, ждать успех; оправдывается успехом; порешить успех; радоваться успехам; содействовать успехам.*

Прилагательное *успешный* чаще всего выступает в сочетаниях с существительными, обозначающими процесс действий или какой-либо его этап: ход (успешный ход учебы, дела), исход (борьбы, боя, войны): *Адмирал предложил: «За успешный ход наших дел!»* [НКРЯ: И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)]. *Мне казалось, что он сам мало надеется на успешный для Сербии исход борьбы; он видимо разочарован и упал духом.* [НКРЯ: Д.А. Милютин. Дневник (1876)].

Воздействие внешней детерминанты сказывается в том, что значительное количество определяемых существительных начала – середины XIX столетия относится к характеристикам военных операций: *успешный штурм, бой, удар, отпор* и т.п. Спорадически встречаются коллокации с существительными *конец, шаг, экзамен, образ действия*; случаи атрибутирования признака успешности человеку единичны и несут в себе отголоски церковнославянского понимания успешности:

Отчего бы ни помер бедный Ито, но очень жаль: усердный христианин был и энтузиаст-катикизатор, хоть и не очень успешный по некоторым странностям его характера [НКРЯ: архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневники святого Николая Японского: в 5 т (1895)].

Самый ранний пример употребления глагола *преуспевать*, зафиксированный НКРЯ, относится к концу XVIII столетия:

Но есть ли и может ли быть тот и несовершенный христианин, кто одарен есть мудростию, дабы христианские должности прямо разуметь; бла-

гоумием, дабы в оных благочинно подвизаться, и добродетелию, дабы в них преуспевать поспешно? [НКРЯ: В.К. Тредиаковский. Слово о мудрости, благоразумии и добродетели (1752)].

Значительная часть примеров XIX столетия относится к богослужебным текстам, например:

Господь наш Иисус Христос не прежде взошел на крест, как по отлучении Иуды из сонма учеников: и человек, если не истребит из себя этой гнусной страсти, то не возможет преуспевать в служении Богу [НКРЯ: епископ Игнатий (Брянчанинов). Отечник (1863)].

Многие примеры той же дискурсивной принадлежности свидетельствуют о том, что *преуспевать* могло характеризовать как одобряемые, так и порицаемые формы деятельности:

Апостол, благоговейно созерцая свободу, которую Бог предоставил человеку преуспевать как в добре, так и во зле во время всей земной жизни. [НКРЯ: епископ Игнатий (Брянчанинов). Слово о человеке (1862)]. *Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь.* [НКРЯ: 2 послание к Тимофею: синодальный перевод (1816-1862)].

Лишь единичные примеры употребления глагола *преуспевать* в текстах 19 столетия можно интерпретировать как обозначающие материальный или карьерный рост человека:

Они убеждены заранее, что вы явились в мир затем единственно, чтобы преуспевать и делать карьеры. [НКРЯ: М.Е. Салтыков-Щедрин. Круглый год (1879-1880)]. *Отворилась стеклянная дверь, и показался полный, средних лет мужчина, внешность которого явно говорила в том, что ее обладатель — прекрасный семьянин, человек богатый, учтивый и преуспевающий в жизни.* [Е. Ахматова [НКРЯ: перевод романа Э. Булвер-Литтона с английского]. Кенелм Чиллингви, его приключения и взгляды на жизнь (1873)]

Существительному *успех* в данный период свойственно употребление с такими определениями, как лучший, худой, великий, добрый, счастливый, счастливейший, довольный, блистательный, громадный, и даже удачный: *Дай*

Богъ, чтобъ щастливѣйшій успѣхъ увѣнчалъ старанія Нидерландцевъ сдѣлаться снова народомъ, народомъ достойнымъ уваженія. [НКРЯ: Г. Меркель. Положеніе и надежды Европы // «Сынъ отечества», 1813] *Но удачный успѣхъ Г-на Пьерсона подаетъ надежду, что сіи невѣжды не достигнутъ своей цѣли.* [НКРЯ: И. Ф. Крузенштерн. Путешествіе вокругъ света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева» (1809)]. Такие употребленія, как *худой* или *удачный успех* свидетельствуют о еще не осуществившемся однозначно понимании успеха как позитивного исхода или результата.

В целом, для данного, достаточно исторически объемного периода развития русского языка и общества характерны постепенная утрата образного синкретизма, присущего первичным актам номинации, уменьшение количества дериватов и изменение их состава. Исчезают дериваты с двойными приставками: **напрѣждьспѣти** «двигаться вперед, наступать, приступать»; «делать успехи, преуспевать, развиваться»; **напрѣждьспѣяние** «преуспевание, успех»; **напрѣжьспѣти** «делать успехи, преуспевать». В результате конкуренции происходит вытеснение морфосемантических дублетов одним из существовавших вариантов, в первую очередь, дериватов с церковнославянской приставкой пред-: **прѣдъспѣти** = **предъспѣти** «преуспевать»; **прѣдъспѣяніе** = **предъспѣяніе** «преуспѣяніе, успѣхъ» [Срезн.]; **предуспѣяние (-ание)**, а также их коррелятов с приставкой пре-: **преспѣватися** «добиваться успеха, цели, преуспевать»; **преспѣватися** «добиваться успеха цели преуспевать» и т.п.. Выходят из употребления дериваты с префиксом *при-*, отличающиеся чрезвычайно высокой степенью семантического синкретизма, вследствие чего, вполне вероятно, уступившие свои функции другим префиксальным глаголам.

Отмечаемое еще в XVII веке расхождение образа быстроты, скорости выполняемого действия и образа положительного исхода дела все отчетливее оформляется в выделение двух субполей: СПЕХ и УСПЕХ, хотя некоторые дериваты субполей продолжают проявлять образно-смысловую диффузность.

Одновременно в ОП появляются новые дериваты, в основном, прилагательные и образованные от них существительные (*спетый, спешный, спешливый, спешник, -ница, успешка, успешник, успешница*). В синтагматике прилагательного *успешный* не фиксируется принципиальных изменений: с его помощью преимущественно определяются существительные, обозначающие плоды человеческого труда или процессы человеческой деятельности. Отнесение к человеку остается спорадичным и характеризует духовно-нравственные или интеллектуальные достижения (*успешный ученик; преуспяние в науках*). Тем не менее, принципиальную важность для нашего исследования представляет собой сам факт наличия дериватов *успешник/успешница*, именующих лицо на основании отличающего его свойства «успешной деятельности».

§ 3. Формирование образа успеха в послереволюционный и советский период

В толковых словарях русского языка с 1950 по 1985 годы, то есть фиксирующих состояние лексики в период после революции 1917 года и эпоху социалистического строительства, наблюдаем следующее развитие семантики и изменения синтагматики глагольных лексем *успевать, успеть*:

Согласно БАС *успевать, успеть*:

1. Оказываться в состоянии сделать что-либо за определенный промежуток времени. Быть в состоянии делать что-либо так же быстро, как кто-либо другой; успевать, успеть за кем, чем (обычно с отрицанием).

2. Знаменательно, что БАС квалифицирует значение «добиваться успехов» как устаревшее:

3. *Устар.* Добиваться успехов, достигать положительных результатов в чем-либо. *Он успевает во всех ролях, т. е. что ему равно рукоплещут во всевозможных ролях.*

4. Только *несов.* учиться, заниматься с той или иной степенью успешности; не отставать. *Успевать по русскому языку; успевающий ученик* [БАС].

Как видим, в словарной статье отражается как размежевание некогда синкретичных смыслов времени и успеха, так и их синкретичность. Темпоральное значение реализуется как в форме совершенного, так и в форме несовершенного вида. Значение «добиваться успеха», с одной стороны, маркируется как устаревшее, а с другой стороны, подвергается конкретизации (спецификации), имея строго ограниченную сочетаемость с существительными, относящимися к учебной деятельности. Примечательно, что третье значение, уже отмечавшееся в различных дериватах в предыдущие исторические периоды, реализуется только в форме несовершенного вида. Само толкование подчеркивает не столько значительные успехи, достигнутые талантливым или усердным индивидом по сравнению с другими, сколько выполнение им учебных задач наравне со всеми остальными, его «неотставание» от других. Данный лексико-семантический вариант порождает причастие (*успевающий ученик*), которое субстантивируется, употребляясь самостоятельно (*Сколько успевающих в классе?*). В данном словообразовательном ряду появляется отвлеченное существительное со значением качества: *успеваемость*, которое становится той характеристикой, которая параметризует значимость членов общества, школьников или студентов, на основании достигнутых ими результатов в учебе. БАС истолковывает его значение как «степень успешности занятий учащихся, усвоения ими знаний».

Корпус фиксирует употребление данных морфологических форм еще с 1843 года, однако большинство примеров являются свидетельством неснятой омонимии (*всюду спеющий и везде успевающий [человек]; редис, успевающий поспеть; успевающий впитаться в почву*). Первые примеры употребления в значении «достигающий положительные результаты в учебе» НКРЯ датирует 1912 годом: *наиболее успевающие слушатели института; в школах успевающие ученики; процент успевающих иногда падал* и др. Судя по данным НКРЯ, существительное «успеваемость» начинает употребляться с 1920 гг.: *Мы отказываемся от метода зачетов и экзаменов, поскольку при системе групповых*

занятий преподаватель может и без зачетов и экзаменов фактически контролировать способность и успеваемость каждого студента. [НКРЯ: И. Ходоровский. На фронте просвещения (1923-1925)].

Значение существительного *успех* определяется БАС следующим образом: 1. «Положительный результат какого-либо дела; достижение, удача»; *Успехи культурного строительства.* 2. «О благоприятном исходе чего-либо, победе в бою, драке и т.п.» *На той и на другой стороне есть свои богатыри, от них зависит успех боя.* 3. Во множественном числе – достижение в учебе, в освоении, изучении чего-либо. *Прошел целый год, в продолжение которого я всех поражал своими успехами* [БАС].

Если сами дефиниции не содержат ничего принципиально нового, то приводимые БАС примеры отражают те изменения, которые произошли в социально-экономическом устройстве общества и отражают его идеологию. Областью реализации успешной деятельности человека этой эпохи становятся различные формы социалистического строительства, а также акцент на достижениях в учебе или науке. Обращает на себя внимание преимущественное употребление существительного во множественном числе, что также является свидетельством массовости позитивных результатов, достигать которые полагалось всем членам строящегося общества социально-экономического равноправия.

Это предпочтение плюральной формы в советском идеологическом дискурсе прослеживается и в зарегистрированных в НКРЯ примерах: *Чтобы познать успехи социализма в нашей стране, надо сравнить Советский Союз наших дней с дореволюционной Россией* [НКРЯ, 1937].

Значительное число примеров взято из учебников по истории ВКП(б). Краткий курс, 1938 года издания:

Съезд подвел итог работе партии за истекший период, отметил решающие успехи социализма во всех отраслях хозяйства и культуры [НКРЯ 1938]

Сталин предупреждал, что, хотя успехи социализма велики и они рожают чувство законной гордости, однако, нельзя увлекаться достигнутыми успехами, нельзя «зазнаваться» и убаюкивать себя [НКРЯ 1938].

Однако, как ни велики успехи социалистического строительства в СССР, мы не должны зазнаваться, не должны успокаиваться на достигнутом. [НКРЯ 1950].

В НКРЯ отмечается также высокая частотность употребления существительного *успех* в единственном числе. К наиболее употребляемым глагольным синтагмам относятся: *добиться успеха, достичь успеха, развивать успех, выполнять с успехом поручение, поручиться за успех, верить в успех*; среди признаков характеристик преобладают *крупный, огромный, колоссальный, шумный, феноменальный, заслуженный успех*; часть прилагательных и существительных характеризует успех на основе конкретной области его достижения: *производственные успехи, литературный успех; успехи в учебе, работе, музыке, науке*.

Словарь эпитетов русского литературного языка 1979 года приводит следующие сочетания слова *успех* с прилагательными, также идентифицирующими его по предметной области действий: *актерский, бригадный, военный, всеобщий, дипломатический, коллективный, космический, литературный, личный, общий, писательский, политический, производственный, спортивный, сценический, творческий* и т.п. [СЭРЛЯ]. Данные синтагмы недвусмысленным образом свидетельствуют о тех областях, в которых достигались успехи советскими людьми: освоение космоса, наука и искусство, производство, политика, а также указывают на успех как результат деятельности коллектива (*бригадный, коллективный, общий, всеобщий успех*).

Среди словосочетаний, образованных по модели «существительное + существительное в родительном падеже», в словаре сочетаемости слов русского языка находим следующие употребления:

1. В значении «положительный результат, удачное завершение чего-либо; удача достижение»: ученого, писателя, спортсмена, Иванова, какой-либо страны, завода, института, какого-либо коллектива, какой-либо команды.

2. «Общественное признание, одобрение чьих-либо достижений» (только ед.): ученого, писателя, художника, Иванова, книги, фильма, пьесы, спектакля, оперы, балета, театра, ансамбля.

3. «Достижение в учебе, в занятиях чем-либо, в изучении чего-либо» (только мн.): успехи ученика, студента, аспиранта, Ани, сына, дочери, класса, группы [СССРЯ].

Анализ сочетаемости отчетливым образом выявляет прагматику успеха в эпоху социализма, когда основной сферой его достижения становятся наука, искусство, спорт и производственная сфера, при этом субъект, который достиг этого успеха не получает эксплицитной признаковой характеристики как «успешный человек». Устремленность общества к коллективному созиданию, декларируемая идеология всеобщего социального равенства составляет экстралингвистическую детерминанту, препятствующую выделению индивидуума из общей социальной среды. Точно так же отрицание частной собственности, приводящей к материальному расслоению общества, находит свое отражение в атрибуции успеха как «общественного признания заслуг в области культуры, науки, общественной деятельности» и т.п.

Словарные статьи указанного периода представляют основное значение прилагательного *успешный* как ‘закрывающий в себе успех, сопровождающийся успехом’. Значение ‘такой, которому сопутствует успех в чем-либо’ приводится с пометкой «устаревшее» с примером из произведения Л.Н. Толстого «Фальшивый кулон» (1911) (*Иван Миронов стал ловким и успешным конокрадом*) [БАС]. Этот пример свидетельствует о том, что прилагательное *успешный* как характеристика субъекта действия в русском языке ранее уже функционировало, причем вовсе не обязательно относилось к позитивно оцениваемым действиям, как это имело место в приводимых нами в предыдущем параграфе еди-

ничных примерах: *успѣшный ученик* [СЦиРЯ] или *успешный христианин* (пример из НКРЯ, Дневники святого Николая Японского: в 5 т (1895)). Однако связанное к субъекту деятельности употребление прилагательного оказалось не востребуемым, что вполне объяснимо с точки зрения внешней детерминанты, то есть идеологических установок данного периода времени.

Согласно данным НКРЯ, прилагательное *успешный* встречается довольно редко, сочетаясь чаще всего с неодушевленными существительными, обозначающими процесс или результат: *успешная реализация плана, успешный запуск нового энергоблока, успешное выполнение, успешное проведение, успешное социалистическое строительство, успешная операция, успешная работа, успешная деятельность, успешная борьба, успешное завершение похода, успешный метод, успешный эксперимент*.

В целом, сочетаемость прилагательного *успешный* имеет ограниченную референцию, относясь только к словам со значением процессов или результатов, как правило, коллективной деятельности. По данным НКРЯ, отнесение прилагательного *успешный* к человеку встречается в этот период окказионально, характеризуя его по отнесению к профессиональной сфере деятельности: *успешный торговец* (1967 г.), *успешный военачальник* (1978). Любопытно, что в романе А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛаг» (1958-1973) встречается сочетание *успешный партработник*.

Определенному переосмыслению подвергается также семантика слов *преуспевать* и *преуспевающий*, причем характер этого переосмысления можно понять только из обновленной сочетаемости слова и микроконтекстов его употребления. Предложенная БАС дефиниция: *Преуспевать, преуспеть* - 1. Добиваться, достигать значительных успехов, положительных результатов в чем-либо [БАС 1961: 312], в целом, может быть охарактеризована как расширение значения глагола в предыдущие исторические эпохи. Вспомним, что в церковнославянском языке значение прототипических глаголов с префиксами *пред-* или *пре-* характеризовалось как **прѣдспѣти = предспѣти** «преуспевать»; **прѣдспѣваниѣ = предспѣваниѣ** «преуспѣяніе, успѣхъ» [Срезн.]; «успешное

достижение чего-л.; преуспевание в чем-л.», «достижение определенной степени духовного совершенства (как зрелости), религиозно-нравственное подвижничество» [СлРЯ XI–XVII вв.], затем религиозный контекст преуспевания исчезает из словарей и, наконец, в условиях строительства атеистического общества его наличие в семантике становится полностью невозможным. Согласно БАС, *преуспевание* – большой успех в каком-либо деле. В качестве примера в рамках данной словарной статьи приводится: *Работники физического труда и руководящий персонал предприятий при социализме являются членами единого производственного коллектива, кровно заинтересованными в преуспевании и улучшении производства* [БАС].

Характеристика человека как преуспевающего в материальном смысле становится своего рода маркером, разграничивающим «свое» и «чужое», или, точнее, «их» и «наше», например:

«Преуспевающий фермер сегодня не столько земледелец, сколько бизнесмен», — сказал бывший министр земледелия США Клиффорд Хардин. [НКРЯ: Б. Стрельников, В. Песков. Земля за океаном (1977)] А уж если горожанин, то скорее неблагоустроенный студентик, чем преуспевающий доктор философии, в коего он успел превратиться год назад под небом Баварии. [НКРЯ: Д.С. Данин. Нильс Бор (1969-1975)].

От этого человека в какой-то степени зависело мое будущее. Познакомились мы не случайно. Эрни Данэл — преуспевающий литературный агент. Работает в солидной конторе. Обслуживает ненавистный эстаблишмент. [НКРЯ: С. Довлатов. Марш одиноких (1982)].

Словарь Ушакова характеризует глагол *преуспевать* как маркированный книжным стилем, устаревший, или иронически окрашенный: «Преуспевать, преуспеваю, преуспеваешь, несовер. (книж. устар. или шутол. ирон.)».

Словарь Ожегова указывает на дефектность морфологической парадигмы данного глагола, утверждая, что в 1 и 2 лице глагол не употребляется:

ПРЕУСПЕВАТЬ, аю, аешь; несовер.

1. (1 и 2 л. не употр.). Существовать, развиваться успешно (книжн.). *В здоровом обществе преуспевают науки и искусства.*

2. Хорошо жить и хорошо вести свои дела, благоденствовать. П. в жизни. Преуспевающий делец.

Примеры, иллюстрирующие употребление данного глагола, эксплицитным образом указывают на то, какое общество расценивается как «здоровое», и какие области в нем должны развиваться успешно. Сам советский человек не мог быть успешным и тем более преуспевающим и благоденствующим в соответствии с господствующими идеологическими установками. Соответственно для лингвокультурного сознания периода СССР «экзистенциальный статус успеха был невысок. Своими успехами, успехами детей гордились, но гордиться немного стеснялись. Достижения как-то ассоциировались с риском для собственной души» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012: 303]. Данное утверждение представляется в определенной степени справедливым и для ранних периодов развития русского языка, в которые экзистенциальный статус успеха не был сопряжен со стремлением к личной финансовой выгоде и материальной форме успеха. В советское время нематериальная форма успеха была закреплена в конституционном законодательстве общества, декларирующего идеалы, права и обязанности его членов – строителей коммунизма.

§ 4. Формирование образа успеха в русском языке в период новейшего времени

Как было показано выше, лексические единицы ОП УСПЕХ не входили в состав регулятивных концептов, или значимых идеологем, ни в один из предыдущих исторических периодов развития русского языка и социума. Прилагательное *успешный* употреблялось только в качестве характеристики процессов или результатов человеческой деятельности, в то время как его использование в качестве определения самого человека имело место лишь в окказиональных

дериватах и словосочетаниях, и не было сопряжено с достижениями материального или финансового характера. Данное отношение к успеху еще более закрепились в советский период времени, с характерными для него идеологемами, которые до сих пор не нашли своего отражения в комплексных лингвистических исследованиях². Не подлежит, однако, сомнению тот факт, что к их числу относились такие слова-реалии, как равенство, коллективизм, советский народ, его единство с коммунистической партией и т.п.. Кардинальное изменение внешней детерминанты – переход от государства, основанного на общественной собственности и коллективизме, к государству, основанному на частной собственности и принципах рыночной конкуренции, обусловили необходимость адаптации языковой системы к новым идеологическим и социально-экономическим условиям.

В качестве своего рода эталона успешного построения и функционирования российского общества была избрана единственная оставшаяся в мире супердержава – США, язык которых к концу прошлого столетия уже получил статус глобального донора, транслирующего слова-реалии, присущие англо-американскому лингвокультурному сознанию. В ряду основополагающих лексических единиц, которым предстояло занять место советских идеологем, оказались такие лингвоконцепты, как *вызовы* (*challenge*), *успех* и *успешный человек* (*success* и *successful person*), *креативный* и *креативность* (*creative* и *creativity*) и некоторые другие (см. подробнее [Карасик 2005; Бабенко, Шкапенко 2019]). Основные способы их «импорта», в соответствии с термином В.И. Карасика [Карасик 2002: 176], сводятся к прямым заимствованиям англо-американизмов или же к неосемантизации (англосемантизации) соответствующих автохтонных слов в языках-реципиентах. Под англосемантизацией в данной работе предлагается понимать изменение значений автохтонных слов под воздействием ан-

² Отдельные диссертационные работы на тему советских идеологем посвящены изучению их смысловой динамики, или их осмыслению в пост-советский период [Гасанов 2002; Кутенева 2008].

глийского языка [Markowski 2000]. Англосемантизацию можно также охарактеризовать как семантическую деривацию слова, осуществляемую не вследствие лингвокогнитивных процессов в сознании самих носителей языка, а под непосредственным воздействием языка-донора, транслирующего свое видение в систему принимающего языка посредством калькирования характерных способов употребления в нем соответствующего слова.

Образ успеха, транслируемый в русский язык из англо-американского лингвокультурного сознания, сформировавшегося в условиях, диаметрально противоположных обществу коллективизма, имеет в языке-доноре две основные формы номинативной экспликации: как существительное *success* и как сочетание *man (person) of success* и *successful man (person)*. Независимо от конкретной морфологической формы их реализации, данные лексемы или их сочетания неизменно привязаны к образу выдающегося успеха индивида, реализующего в той или иной степени так называемую «американскую мечту», также входящую в состав регулятивных англо-американских концептов. Согласно англоязычным толковым словарям, *success* (успех) имеет первое значение ‘достижение чего-л, что вы пытались сделать’ и второе значение ‘достижение высокой позиции на определенном поприще, например, в бизнесе или политике’:

1. Success is the achievement of something that you have been trying to do. 2. Success is the achievement of a high position in a particular field, for example in business or politics. *Nearly all of the young people interviewed believed that work was the key to success* [Collins].

Примечательно, что в американском варианте английского языка значение «результат» отмечается как устаревшее, в то время как к современным значениям относятся: «благоприятный или удовлетворительный результат», а также «достижение благосостояния, славы и т.п.». Кроме наблюдающейся во втором лексико-семантическом варианте явления конкретизации, значение слова на основе метонимического переноса переносится с результата на человека, достигшего этого результата (четвертое значение): Success in American English: 1. *Obsolete* result; outcome; 2. a. a favorable or satisfactory outcome or result

b. something having such an outcome 3. the gaining of wealth, fame, rank, etc. 4. a successful person [Там же].

В ряду коллокаций слов *success* и *successful*, кроме культурно-специфически не маркированных сочетаний (to gain, to achieve the success; large, huge success и др. / добиться, достигнуть успеха; большой, грандиозный успех), встречаются также те употребления, которые следует признать маркированными, типичными для англо-американского языкового сознания, или шире, отражающего экстралингвистические факторы мироустройства, основанного на индивидуалистической конкуренции. К ним, кроме сочетания *successful person, man, people* (успешный человек, люди), относятся, в первую очередь, сочетания *the formula of (for) success* (формула успеха), *the recipe of (for) success* (рецепт успеха), *success stories* (истории успеха).

Данные коллокации имеют чрезвычайно высокую частотность употребления в англоязычном интернете, где чаще всего используются в популярном в США и в других западных странах дискурсе так называемых «практических советов или рекомендаций». Так, ввод в поисковую систему Google запроса *successful man* дает 5 490 000 000 результатов, *successful person* (успешный человек) – 3 270 000 000, *successful people* (успешные люди) – 2 100 000 000. Ввод запросов *formula of (for) success* (формула успеха) – 3 730 000 000 *The recipe of (for) success* (рецепт успеха) – 2 420 000 000, *success stories* (истории успеха) – 2 470 000 000.

При анализе контекстов употребления вышеуказанных слов и словосочетаний обращает на себя внимание то, что, с одной стороны, успешные люди позиционируются как некий уникальный по своим достижениям феномен, с другой стороны, такие коллокации, как «формула» или «рецепт» успеха, преследуют цель внушить потенциальному потребителю убежденность в том, что стать так называемым «успешным человеком» способен каждый – следует только усвоить некоторые правила или алгоритмы действий. Например: *50 of the Most Successful People in the World in the Past Year* [businessinsider.com];

Trump's formula for success [Trump]; *The Recipe For Success Elon Musk, A Samurai, And TV Chef Share* [medium.com], *Bill Gates success story in 6 steps* [Bill Gates].

Выполненный нами анализ синтагматики слов *успех* и *успешный* на материале данных НКРЯ и различных интернет-сайтов показал, что основным способом формирования англо-американского образа успеха в дискурсивной ткани современного русского языка является калькированное употребление сочетания *успешный человек*, а также его конкретизированных вариантов, в которых существительное *человек* заменяется другими наименованиями со значением лица. Согласно данным НКРЯ, частотность употребления прилагательного *успешный* значительным образом возрастает с начала XXI столетия.

Введение в поисковую систему Google запроса *успешный человек* предлагает в качестве похожих запросов: *Что делает людей успешными? Как понять, что ты успешный человек? Какие качества должны быть у успешного человека? Кто такой успешный человек и как им стать?* Данные вопросы направлены на формирование у людей образа *успешного человека* как высшего идеала и неоспоримой ценности, а также внушить ему то, что успешным может стать каждый.

Многочисленные сайты, относящиеся к запросу «успешный человек», носят названия, представляющие собой более или менее точные кальки с аналогичных англо-американских сайтов: *12 качеств успешного человека; Признаки успешного человека: 15 штрихов к портрету; Успешный человек - кто он? - Школа личной эффективности; Качества и особенности успешного человека; 15 отличий успешного человека от неуспешного; По каким правилам живут успешные люди? 6 характеристик успешных людей* и т.п. [Treningclub.by; Finexecutive.com; Piter-trening; Trampolin.me и т.п.].

Примечательно, что по запросу «успешный человек» получаем 8 580 000 результатов (0,41 сек.), в то время как по запросу «преуспевающий человек» 893 000 (0,61 сек.). Такая разница в статистке употребления свидетельствует о том, что калькированный с английского варианта *успешный человек*, содержащий в себе образ коммерческих достижений, вытеснил исконное обозначение данной

ипостаси успеха в виде человека *преуспевающего*. Причины данного вытеснения следует искать не только в используемой в процессе импорта слова технике калькирования, но и в историческом прошлом слова *преуспевающий*, а вполне вероятно, и в особенностях семантической грамматики слов *успешный* и *преуспевающий*. Субстантивированное причастие хранит в своей внутренней форме признаковую характеристику текущего состояния дел, в то время как прилагательное *успешный* представляет собой перманентную характеристику лица как его отличительного свойства, что и обуславливает его потенциал как устойчивой лингвокультурной идеологемы.

В то же время наличие в русском языке прилагательного *успешный* детерминирует атрибутивную эластичность признака, его «приложимость» к различным определяемым объектам. Если во все предыдущие исторические периоды основная сочетаемость данного прилагательного сводилась только к определению процессов или результатов труда человека, то под влиянием англо-американских калек происходит процесс метонимизации значения – с результата на субъект данного результата.

Как указывает М.В. Сандакова, «перенос значения прилагательного построен на передаче свойства от одного предмета (явления) к другому, сопряжённой с трансформацией самого свойства, его приспособлением к новому носителю» [Сандакова 2019: 118]. В анализируемом случае также имеет место трансформация свойства «успешности»: если успешный результат характеризует лишь положительный исход и может быть приложен к любому типу человеческой деятельности, то сочетание *успешный человек*, с одной стороны, указывает на агентивную роль самого человека в достижении успеха, а с другой, содержит в себе образ коммерческой успешности, транслируемый из англо-американского лингвокультурного сознания. Иначе говоря, процесс метонимии сопровождается сужением значения прилагательного до материальной ипостаси успеха, тем самым влияя на его реаксиологизацию.

Кроме фразеологизированного сочетания *успешный человек*, место определяемого члена в русском языке способен занимать целый ряд существительных со значением лица: *футболист, кинорежиссёр, военачальник, капиталист, экономист, журналист, блогер, кондитер* и т.п. Наиболее высокую частотность, согласно НКРЯ, получают сочетания: *успешный предприниматель, бизнесмен, успешный блогер, успешная модель*. Из существительных, обозначающих неодушевленные объекты, чаще всего используются: *проект, предприятие, испытание, решение, пример, опыт* и некоторые другие.

Другой основной способ ресемантизации успеха – это высокочастотное использование данного слова в калькированном сочетании *история (-и) успеха*, активно тиражируемом российскими *средствами массовой информации*. Введение в поисковую систему запроса *история успеха* дает нам расширение запроса до кратких сочетаний: *История успеха Стива Джобса, Билла Гейтса, Павла Дурова, Уолта Диснея; История успеха компании, женщин, история успеха с нуля*, и расширенных сочетаний: *Мотивирующие истории успеха, 15 вдохновляющих историй успеха; Не Цукербергом единым: чем опасны истории успеха; Илон Маск - История успеха и жизни; Subaru История Успеха. Создание историй успеха: советы и примеры* и т.п. Всего по данному запросу в системе Гугл получаем 47 700 000 результатов. Такое массовое употребление связано с тем, что сочетание *история успеха* используется как своего рода вспомогательный элемент в «раскрутке» самого образа успешного человека – посредством тиражирования таких историй потенциальному потребителю не только рассказываются истории об эталонных представителях успеха, но и описываются самые различные способы достижения успеха. Калькированное сочетание *история(и) успеха* постепенно приобретает статус устойчивого, именуя востребованную новым временем ролевую модель, предписываемую молодому поколению.

Такую же вспомогательную роль в формировании образа успешного человека выполняет высокочастотное употребление калькированных сочетаний

формула успеха (4 930 000 результатов) или *рецепт успеха* (3 950 000 результатов) при поисковых запросах соответственно. Данные сочетания используются преимущественно в сильной позиции, в заголовках сайтов:

Формула успеха, или Философия жизни эффективного человека;

Формула успеха, или как научить ребенка ставить цели и достигать их;

Формула успеха: 33 признака того, что вы становитесь успешным;

Секрет богатого человека. Удивительный рецепт успеха;

«Игра престолов»: культурный пессимизм как рецепт успеха.

В качестве определений самого успеха в современном русском языке чаще всего выступают прилагательные: *жизненный, поразительный, фантастический, ошеломительный, крупный, большой, поразительный, колоссальный, беспрецедентный, реальный, профессиональный, коммерческий, финансовый, стремительный, переменный, национальный, внешнеполитический, шумный*. В то же время из употребления практически полностью исчезают такие характеристики успеха как *коллективный, трудовой, космический, хозяйственный*, свойственные предыдущей социально-экономической системе. При отсутствии данных определений, относящихся к коллективному субъекту, обращает на себя внимание употребление слова *успех* в сочетании с прилагательным *национальный*, что свидетельствует об отношении правящих к идеологеме *успех* как к условию успешного строительства новой социально-экономической и аксиологической системы:

Борис Грызлов: *«Наша идеология - это идеология общенационального успеха. В понимании партии общенациональный успех подразумевает успех каждой семьи, каждого гражданина. Успех в самом обычном, житейском понимании этого слова: возможность реализовать себя в любимом деле, воспитывать детей без страха за их будущее, знать, что человека ждет достойная и обеспеченная жизнь»* [НКРЯ].

Провозглашённая на съезде лидером "Единой России" Борисом Грызловым идеология "национального успеха" — это что, этап партстроительства? [НКРЯ].

Национальный проект «Успех каждого ребенка» [НКРЯ].

С начала 2000 гг. активизируется использование существительного со значением отвлеченного признака «успешность», что отражает Рис. 2.

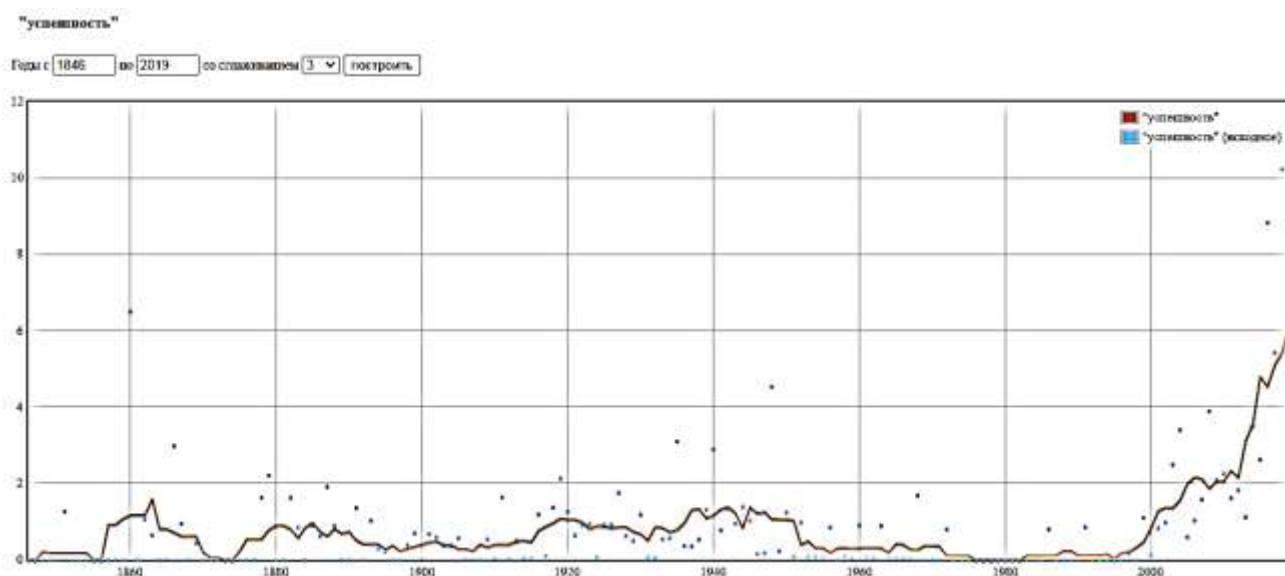

Рис. 2. Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1846 по 2019 существительного *успешность*

Поисковая система Google выводит примерно 8 600 000 результатов поиска данного запроса.

Словарные статьи определяют *успешность* как «свойство успешного» [БАС] Отвлеч. сущ. к успешный [Ушаков; Ефремова].

Примеры использования данного существительного свидетельствует о его тесной связи с новым, привнесенным в русское языковое сознание образом успеха:

Т.о. успешность – больше, чем успех! Успех – составная часть успешности. И если у успеха есть только один параметр – достижение цели, то у успешности – их несколько. И успех – один из них. Мы определяем 4 параметра успешности: здоровье, отношения, финансы и удача. Под успешностью мы понимаем достижение лучшего из возможных состояний всех перечисленных параметров [shakhamur.org].

Успешность – это способность увидеть шанс улучшить свою жизнь здесь и сейчас [Esspro.ru].

Приведенные выше примеры свидетельствуют о вхождении нового свойства в состав востребованных черт современного индивидуума. Его наиболее частотное употребление в психологических работах свидетельствует о том, что успешность рассматривается в ряду качеств, востребованных современной социальной парадигмой. С точки зрения языка как системы – это показатель того, что прилагательное *успешный* является качественным. Новое в его употреблении – это отнесение к лицу, т.е. успешность рассматривается как качественная характеристика личности, причем одна из самых востребованных в обществе индивидуалистической рыночной конкуренции.

Глагольная сочетаемость остается, в целом, неизменной (*иметь, достичь, добиться, ждать, желать, увенчаться*), хотя появляется калькированные сочетания *создать (построить) свой успех*, используемое в форме слогана «Создай свой успех!». Данный речевой акт является одним из самых востребованных в блогах, коучингах, тренингах и т.п. Например:

Создай Свой Успех, Изобилие и Процветание. После этого тренинга Вы легко начнете двигаться вперед к своему богатству, процветанию, успеху и изобилию! [tetamaster.eu].

Постройте собственный путь к успеху – 6 важных моментов! [usreht-woman]. Кроме самых высокочастотных сочетаний с глаголами *создать* и *построить* встречаются и другие глагольные лексемы, употребляемые в повелительном наклонении. Внушение членам ранее коллективистского общества идеи о возможности достижения индивидуального успеха выражается на языковом уровне в речевых актах с глаголами побудительного наклонения второго лица единственного числа: «*Добейся успеха!*», «*Поймай успех!*», «*Оседлай свой успех!*».

В целом, в течение двух десятилетий русское слово *успех* подверглось процессу англосемантизации, радикальным образом изменившей как исконно русский, так и советский образ успеха, его содержание и значимость в системе ценностей русского общества. Из культурологически неприметных обозначе-

ний положительного результата или процесса англосемантизмы *успех, успешный и успешность* становятся важнейшими характеристиками человека, концептами, регулирующими его устремления и поведенческие установки. Несмотря на значительные изменения в семантике данных слов, они еще не нашли отражения в лексикографических описаниях современных словарей русского языка (см. подробнее: А.А. Раренко 2020). О появлении у слова нового значения может свидетельствовать следующее высказывание, принадлежащее автору «Нового словаря модных слов»: «Переняв западный опыт, прилагательное *успешный* удвоило свои капиталы на родине. Не только *успешный* проект, но и *успешный* бизнесмен, *успешный* артист — теперь звучит повсюду. Сосуществование двух значений, старого и нового, можно проследить в названиях книг, продающихся с лотков: здесь есть и “Краткий курс успешного похудения”, и “Суперстратегия успешного продавца”» [Новиков 2011].

Из характеристики процессов или результатов человеческой деятельности *успех* стал атрибутом самого человека, из семантики однокоренных слов *успех, успешный и успешность* исчезла сема везения и удачи, на смену которым пришла смена преднамеренности, конструируемости человеком своего собственного успеха, понимаемого в новой системе ценностных координат как достижение индивидом богатства, высокой позиции и известности. Если волна христианской «глобализации» транслировала видение успеха как отречение христианина от земных благ и его нравственно-религиозное подвижничество, то современная глобализация возвела в высшую цель человека противоположные ценности, сводящиеся к удовлетворению возможностей человека здесь и сейчас.

Выводы

Формирование образа успеха в русском языке берет свое начало в старославянский и древнерусский период в рамках ОП общеславянского корня -спех. Для дериватов данного корня, образующих 8 субполей, характерен семантический синкретизм, выражающийся во взаимодействии множественных смыслов и образов. Вершинами субполей являются: 1) движение (поступательное и

быстрое); 2) старательное действие и усердие; 3) помощь; 4) физическое и духовное созревание; 5) изготовление продукта; 6) время; 7) – опережение, преобладание и превосходство; 8) удачная деятельность, успех и преуспевание.

В XVI – XVII веках семантическая связь между дериватами *спех*, *спешный* и *спеть*, а также между ними и производными *успеть*, *успех*, *успешный* ослабевает. В результате постепенного распада семантического синкретизма формируются три субполя с вершинами «скорость», «созревание» и «успех». Присутствующий в различных производных образ успеха в обыденном сознании сохраняет смысловые оттенки скорости и времени, а также сравнительные параметрические характеристики. Данные характеристики имплицитно присутствуют в церковнославянском понимании успеха или преуспевания, под которым понимается религиозно-нравственное совершенствование, подвижничество, жизнь в соответствии с библейскими заповедями.

Дальнейшее осмысление образа успеха в период развития национального русского языка происходит в направлении специализации значения «достигать желаемого», «иметь удачу», хотя тесные смысловые связи с образами движения и времени продолжают сохраняться. Основной областью объективации успеха являются в данный исторический период труд и учеба, преуспевание продолжает связываться с усердным служением богу. Прилагательное *успешный* функционирует в качестве характеристики человеческого труда, хотя словари фиксируют единичные случаи его сочетаемости с обозначением лица и даже наличие существительного *nomina actionis* *успѣшникъ*.

Изменение внешней детерминанты в послереволюционной России XX столетия, декларирование цели построения социалистического общества, основанного на равноправии его членов, обусловило определенные изменения в образе успеха. В соответствии с возведенным в ранг всеобщей идеологии атеизмом из семантики глагола преуспевать исчезает религиозный контекст, причастие *преуспевающий* относится к характеристике лиц, достигающих успеха в коммерческой деятельности, однако используется как маркер в оппозиции «свой/чужой».

В соответствии с ориентацией социалистического общества на равноправие и коллективизм, субъект достижения успехов не индивидуализируется, что находит отражение в активизации формы множественного числа существительного, характеризующего различные сферы трудовой деятельности советского народа (*успехи в учебе, работе, музыке, науке*). Именно в советское время, объявившее войну с безграмотностью, появляется производное *успеваемость*, соединившее в своей внутренней форме образ успеха с образом времени.

В период СССР практически полностью элиминируется возможность употребления прилагательного *успешный* по отношению к человеку. Если во внеязыковой действительности субъект успешной деятельности мог быть как коллективным («успешное выступление команды»), так и индивидуальным («успешное выступление спортсмена»), то на уровне языковой экспликации их характеристика с помощью соответствующего прилагательного была невозможна. Единичные случаи атрибуции признака успешности человеку, отмеченные в более ранние исторические периоды, оказались невостребованными в новых социально-экономических и идеологических условиях.

Признание несостоятельными идеалов социализма и принятие западной, в первую очередь, американской модели функционирования социума и индивидуума привело к кардинальным изменениям в образе успеха в русском языке. Сохраняющийся во внутренней форме слова холистический перцептивный образ, вмещающий в себя значение «скорость-время-успех», стирается под воздействием образа, транслируемого из англо-американской картины мира, имеющего реальную, зачастую персонифицированную выраженность в виде материального богатства, высокой позиции или широкой известности. Импорт важнейших англо-американских лингвоконцептов *success, successful man (person)* в русскую лингвокультуру приводит к неосемантизации понятия *успех* и к его включению в систему ценностных ориентиров российского общества.

Основные техники англосемантизации и реаксиологизации слова *успех* в современном русском языке основаны на калькировании способов употребления его «прототипов» в соответствующей англоязычной литературе. Особую

роль в трансляции нового, культуроспецифичного образа успеха выполняет фразеологизированное сочетание *successful man*, получающее свою объективацию в русском языке в сочетании «успешный человек». Использование прилагательного в составе устойчивого сочетания закрепляет его употребление в качестве характеристики свойства самого человека. С начала 2000 гг. активизируется использование существительного со значением отвлеченного признака «успешность», что свидетельствует о вхождении нового свойства в состав востребованных качеств современного индивидуума.

В соответствии с дискурсивными образцами в языке-доноре сочетание *успешный человек* подвергается плюрализации (*успешные люди*), что имплицитно подразумевает возможность достижения успеха большим количеством людей. Высокую частотность получает использование сочетаний *истории успеха*. Их персонификация богатейшими и известнейшими людьми транслирует тот образ успеха, который свойственен основанной на индивидуалистической конкуренции и консумпционизме системе. Активное использование сочетаний *формула* или *рецепт успеха* нацелено на формирование у адресата уверенности в наличии алгоритма действий, способного привести его к желанной цели. Наконец, использование речевых актов с глаголами побудительного наклонения второго лица (*Создай свой успех!* и т.п.) способствует осознанию индивидом тех целевых установок, которые предлагает ему современное понимание успеха.

В результате калькирования англо-американских дискурсивных образцов и их активного тиражирования средствами массовой информации русское слово *успех* подверглось процессу англосемантизации. Под влиянием языка-донора слова *успех*, *успешный* и *успешность* превратились в значимые лингвокультурные концепты, детерминирующие востребованные ролевые модели и поведенческие установки.

ГЛАВА III. ОБРАЗ УСПЕХА В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ В ДИАХРОННО-СИНХРОНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

§ 1. Формирование образа успеха в польском языке старопольского и новопольского периодов

Участие корневой морфемы *spěch- в первичных номинативных актах, направленных на формирование образа успеха как позитивного результата какой-либо деятельности, прослеживается в отдельных немногочисленных глаголах, зафиксированных в этимологических словарях польского языка, а также в дошедших до нас текстах старопольской письменности. Кроме значений, связанных с образом быстрого движения (*pospiech; spieszyć się, spieszno mi*), в изданном в 1926 году этимологическом словаре А. Брюкнера приводятся глаголы *spieć, spiac; przyspieć, przyspiewać, dośpieć*, сопровождаемые комментарием: „dziś już zapomniane czasowniki o ‘osiąganiu czegoś’, ‘dojrzewaniu’, ‘powodzeniu’, częste w 14. i 15. wieku: *dospiewając łuk, w psalterzu, ‘naciągając’*” [Brückner] «забытые уже сегодня глаголы со значением «достижения чего-либо», «дозревания», «успеха», употреблявшиеся часто в XIV и XV веках» (*Перевод наш – СП*), а также глаголы с префиксами *prze* и *przy*, которые использовались при переводе с латинского языка глаголов, имеющих значение «процветать», а также «делать что-либо, выполнять, прийти»: *przespieje i przyspieje tłumaczy tam łac. prosperować*» *nie przyśpiał* ‘не przybył’, w biblji, *dośpiele, tamże* (‘sposobne ku połykaniu’, Leopolda), *mnogie rzeczy prześpiał*, ‘dokołał’ i *gdy k jednej górze przyśpiał*, ‘doszedł’ [Там же].

В этимологическом словаре под редакцией В. Борыс, кроме указанных выше значений движения, достижения, созревания и процветания, фиксируются также глаголы с корнем -spiech-, употребляющиеся в значении усердия, старательного совершения действия, а также поступательного, быстрого движения и успешного развития:

śpieszyc i *spieszyc* od XV w. ‘prędko iść, podążać, szybko coś robić’, *śpieszyć się* ‘wykonywać jakąś czynność szybko, z pośpiechem’; z przedr. *pospieszyc*, *przyspieszyć*. Ogsl.: cz. przest. *spešit / spišit* ‘śpieszyć; śpieszyć się; przyspieszać’, r. *spešit* ‘śpieszyć (się), kwapic się, pędzić, gnać’, scs. *spešiti* ‘starać się, dążyć do czegoś, przejawiać gorliwość; śpieszyć, szybko się poruszać’. Psł. **spešiti* ‘dążyć do czegoś’, czas. odrzecz. od psł. **spechъ* ‘pośpiech’ (por. p. przest. *špiech* ‘pośpiech’, stp. ‘czynności, działanie’, dial. *špiechem* przysł. ‘zaraz’, cz. *spech* ‘pośpiech’, r. *spech* ‘pośpiech, śpieszenie się, skwapliwość’, scs. *spechъ* ‘staranie, gorliwość; dążenie do czegoś’, slwn. *speh* ‘pośpiech; rozwój, postęp’ *speh imeti* ‘dobrze się rozwijać, pomyślnie postępować naprzód’; zob. też *pośpiech*), które z kolei jest rzecz. z przyr. **-cht* (por. *śmiech*) od psł. czas. **speti*, **spejp* ‘udawać się’ > ‘rozwijać się, podążać’ > ‘śpieszyć się’ (por. p. daw. *špiac*, *špieju* ‘podążać, pośpieszać; mieć czas, być wolnym’, cz. *spet*, *speji* ‘pośpieszać, zdążać; zmierzać; mijać, o czasie’, r. *spet*, *speju* ‘dojrzewać’, scs. *speti*, *spejp* ‘czynić postępy, rozwijać się’). Podstawowy czas. **speti* jest identyczny z lit. *speti*, *speju* ‘zdążyć; odgadywać, zgadywać’ [Boryś 469].

В старопольском словаре, охватывающем всю записанную от руки лексику XIV и XV веков до конца средневековья, находятся формы *śpiesznie* ‘szybko, celeriter’, *śpieszność*, *śpieszny* ‘pomyślny, szczęśliwy, prosperus, fortunatus’, *śpieszyć (się)* ‘prędko iść, podążać, szybko coś robić, celeriter ire, properare, festinanter aliquid facere’; *uśpieszyć (się)* ‘pójść, przyjść przed kimś, uprzedzić, wyprzedzić, praevenire’; ‘szybko się poruszyć pojawić, celeriter se movere, apparere’; ‘zrobić coś wcześniej, antea aliquid facere’ [SS 1982]. Истокования значения слов с корнем *-špiech-* включают в себя как польские, так и латинские синонимы. Примечательно, что *śpieszny* объясняется как ‘успешный, благополучный, процветающий’ при отсутствии значения ‘быстрый, спешный’, отмеченного в глагольных формах *śpieszyć (się)* ‘быстро идти, быстро что-то делать’, *uśpieszyć (się)* ‘пойти, прийти перед кем-то, опередить’; ‘быстро появиться’ и наречии *śpiesznie* ‘быстро’ [Там же].

Наличие значения ‘успешный, процветающий’ подтверждает и трехязычный Польско-латинско-греческий тезаурус Г. Кнапиуша, изданный в начале XVII века:

Spießno со robię, Pilnie со robię; **Spießny** Festinus, **Spießę się** Propero, festino; **Spießenie** Properatio, **Spießno**. Festinanter proficiscens [Knapiusz 1621]-

В Свентокшиских проповедях (Kazania świętokrzyskie), польском средневековом памятнике письменности, созданном предположительно в первой половине XIV века, встречаем употребление других префиксальных глаголов, включающих в себя образ успеха или достижения какого-либо результата в целом:

[S]urge, propera, amica mea, et veni! Ta sloua pise mφd(ry) salo(mon), asφ slo(ua) si(na) bo(ze)go tφto s(uφ)tφ d(e)uicφ kat(er)inφ vslauφ c(r)o(leustua) neb(e)s(ke)go vabφcego: vstan, p(ra)ui, **pospey sφ**, milucka m[oja], y poudy. yzmouil sin bozi sloua uelmy zna(meni)ta, gimis casdφ dusφ zbosφ pobuda, ponφcha y pouaba. pobucha, reca: vstan. [ponęca], rekφ ta: **pospey sφ**. pouaba, reca: y poudy ...vstan. Otbφd, p(ra)ui, stadla g(re)snego, **pospey sφ** vl[epsze z do]b(r)ego, poudy tamо doc(r)oleustua neb(e)skego. y [mówi] vstan, ale vsuφte(m) pis(a)ny ctuoraki(m) lude(m), pobudaif ie, mo[wi bóg] vse(mogφ)cy [Kazania Świętokrzyskie].

Примеры употребления глаголов с корнем -śpiech- в значении процветания, успешного результата деятельности встречаются и в другом памятнике старопольской письменности, во Флорианской псалтыри:

1. Blogoslawoni mōsz, ien iest ne szedl po radze nemilosciwich, y na drodze grzesznich ne stal iest, y na stolczu naglego spadnena ne sedzal iest.

2. Ale w zacone boszem wola iego, y w zacone iego bōdze mislicz we dne y w nosy.

3. A bōdze iaco drzewo, iesz szczepono iest podlug czekōcych wod, iesz owoc swoy da w swoy czas.

4. A list iego ne spadne, y wszistko, czsocoli vczini, **przespeie**. [Psałterz Floriański, Psalm 1].

Таким образом, согласно данным вышеприведенных источников, в XIV – XV веках общеславянский корень *-špiech-* образует ряд производных (*spieć, spiać; przyspieć, przyspiewać, došpieć, przešpieć, pospieć, ušpieszyć (się), śpieszność, śpieszny, śpiesznie*), употребление которых также свидетельствует о семантическом синкретизме ОП. Кроме образа быстрого и поступательного движения, глаголы употребляются в значении выполнения действия, достижения чего-либо, созревания, успеха, процветания, счастья, успешного результата деятельности. Однако, если в русском языке в XVI – XVII вв. произошло разделение первоначально синкретического образа на отдельные образы, формирующие три субполя корня *-спех-* : - субполе со значением быстрого движения или быстрого выполнения других действий; - субполе со значением успеха; - субполе со значением созревания, то в польском языке корень *-špiech-* в диахронической перспективе сохранился только в первом из значений, реализующемся в нескольких дериватах: *śpieszyć się, śpieszny, pośpieszyć się, pośpiech*. Общее для ранних периодов развития славянских языков употребление дериватов корня в значении успеха, процветания, достижения цели было вытеснено в XVII веке латинским заимствованием *sukces*.

До XVII столетия слово *sukces* еще не отмечается польскими лексикографическими источниками. Словарь польского языка XVI века фиксирует наличие однокоренных латинизмов *sukcesor* (наследник) – 42 случая употребления) и *sukcesyja* (наследование, наследство) – 30 случаев употребления, однако случаи употребления слова *sukces* не отмечаются [SP XVI]. Впервые лексема *sukces* фиксируется в Словаре польского языка XVII и XVIII вв. Его авторы отмечают латинское происхождение слова и приводят примеры его употребления в Мемуарах Яна Хризостома Пасека во второй половине XVII века в первоначальном значении – *successus* ‘*obrót rzeczy; wynik*’ / ‘поворот событий, состояние вещей; результат». *To to takiego tej wojnie i sami chrześcijanie życzyli sukcesu, jedni dobrego, drudzy złego* [PasPam 263v9, por. także: ESJP XVI–XVIII]. Следует отметить, что в данном употреблении *sukces* как синоним некоторого изменения в

состоянии дел, его финала, необязательно подразумевает позитивный, благоприятный исход дела: *życzyli sukcesu, jedni dobrego, drudzy złego* ‘одни желали хорошего исхода, иные – плохого’.

В латинском языке слово *successus* имело следующие значения:

- 1) подход, приближение, продвижение;
- 2) ход, движение, бег; последовательность, течение;
- 3) исход, результат;
- 4) хороший исход, успех, удача;
- 5) потомок, отпрыск, дитя [Латинско-русский словарь].

Практически в полном объеме эти значения сохраняются в польской лексеме *sukces* в XVIII и XIX веках. Так, в словаре польского языка С.Б. Линде значение слова *sukces* объясняется с помощью синонимических единиц собственно польского происхождения: „*postępek, postępowanie, powodzenie*” / ‘поступок, деятельность, везение (успех)’) [SL]. Словарь польского языка в одном словообразовательном гнезде фиксирует слово *sukces* в значении „*postępek, postępowanie, powodzenie, zdarzenie*” / «поступок, порядок (последовательность) действия, успех (везение), событие», и рядом с ним однокоренное слово латинского происхождения „*sukcessya (spadek, dziedzictwo, następstwo*” / «наследство, наследие» и „*sukcessjonalny,*” („*dziedziczny, spadkowy,*” / «наследственный» [SL].

Как и в латинском языке, значения заимствованных лексических единиц пересекаются на основе общего для корневой лексемы образа последовательной деятельности, хода поступков или течения событий, имеющих чаще всего позитивный результат. В случае лексической единицы *sukces* позитивный исход дела конкретизируется и репрезентируется в приводимом синониме *powodzenie*, в то время как в случае заимствования *sukcessya* в качестве имплицитного позитивного результата можно рассматривать получение наследства. Таким образом, ОП корня *-sukces-* в данный период представлено данным существительным, в котором образ последовательных действий еще преобладает над позитивным исходом, а также дериватами *sukcesor, sukcessya* и *sukcessjonalny*, в которых об-

раз последовательности сужается до конкретного результата, объективируемого в форме наследства. Отметим, что подобная логика номинации присутствует и в русских лексических единицах с корнем -след-: *наследник, наследовать, наследство*.

В изданном в 1861 году Вильнюсском словаре значение слова *sukces* характеризуется как «*obrót rzeczy, powodzenie, pomyślność, udanie się, szczęście*» / ‘ход (поворот) событий, везение, удача, удачный исход чего-либо, счастье’ [SWIL]. В издаваемом с 1900 по 1927 год Варшавском словаре данные значения уже описываются как отдельные лексико-семантические варианты: 1) *„postęp”* / ‘продвижение вперед, прогресс’ 2) *„powodzenie, udanie się”* / ‘везение, удача’ [SW]. Таким образом, с одной стороны, *sukces* имеет событийное значение и описывается средствами польского языка как ‘поступок’ (*„postępek”*), с другой стороны, ассоциируется с однокоренным дериватом этого корня -*postęp*-. Б. Бартницкая, анализируя семантическое развитие архаизмов в польском языке, указывает, что дериваты *postęp* и *postępek* употреблялись как синонимичные и приводит иллюстрации их параллельного использования в значении «шаг, движение, последовательность шагов, очередной этап в развитии какого-либо дела» [Bartnicka 1994: 13].

С течением времени происходит спецификация значения, выражающаяся в актуализации и закреплении семы «*zmierzanie ku stanowi coraz lepszemu*» (‘продвижение ко все лучшему состоянию’), а также в появлении формы множественного числа слова *postęp* со значением «успехи в науке»: *postępy w nauce* [SL]. Образ последовательности действий поддерживается активным употреблением в речи дериватов однокоренного слова *sukcesywny, sukcesywnie, sukcesywność* (‘последовательный, последовательно, последовательность’). Необходимо подчеркнуть, что при наличии прилагательного и наречия, обозначающих признаки последовательности, существительное *sukces* в польском языке не образовало потенциально возможного прилагательного *sukcesowy*.

Этот факт представляется весьма удивительным с морфологической точки зрения, поскольку формант *-owu* отличается практически «неограниченной продуктивностью» [Grzegorzczukowa, Puzynina 1984: 328]. Из наблюдений Х. Ядацкой следует, что суффикс *-owu* вместе с суффиксами *-ski* и *-nu* находится в первой тройке самых продуктивных формантов прилагательных [Jadacka 2001: 60 – 62, 101 – 102]. П. Палка и П. Жмигродзки подчеркивают, что с особой легкостью данный суффикс создает прилагательные от основ иноязычных слов [Pałka, Zmigrodzki 2018: 92].

Несмотря на потенциальную легкость образования прилагательных на *-owu*, производное *sukcesowy* в польском языке отсутствует³. Для обозначения признака успешности в польском языке используются только автохтонные славянские прилагательные *pomyślny* ('тот, который осуществляется «по мысли», то есть по плану кого-либо'), *udany* ('удачный'), хотя семантика данных прилагательных не полностью совпадает со значением прилагательного *успешный*.

Так, в словаре В. Дорошевского значение слова *pomyślny* объясняется как «*zgodny z czyimiś pragnieniami, korzystny dla kogoś*» [SJPD] / 'совпадающий с чьими-либо желаниями, выгодный для кого-либо'. В некоторых из приводимых словарем сочетаний (*pomyślny zbieg okoliczności, znak, wróżba*) прилагательное *pomyślny* можно перевести на русский язык только как *благоприятный: стечение обстоятельств, знак, гадание*. В других контекстах, например: *pomyślny rezultat eskperymentu* перевод на русский язык требует использования прилагательного *успешный: успешный результат эксперимента*. Адъективированное причастие *udany*, предлагаемое переводными словарями как эквивалент успешного, истолковывается словарями как «*taki, który się udał*» / 'тот, который удался' и полностью соответствует как по образованию, так и по семантике русскому прилагательному *удачный*.

В силу отсутствия однокорневых дериватов ОП SUKCES в польском языке является моноксическим, а его синтагматика до конца Второй мировой

³ Заметим, что в английском языке функционируют прилагательное *successive* (последовательный), а также прилагательное *successful* (успешный).

войны и вхождения Польши в орбиту политического притяжения СССР была представлена следующими сочетаниями. К основным глаголам, сочетающимся с существительным *sukces*, относятся: *osiągnąć, odnieść, przynieść, dążyć, iść do* ‘достигнуть, одержать, принести, стремиться, идти к’: *Mieć, dążyć / iść od sukcesu do sukcesu* [SW].

В качестве типичных сочетаний с прилагательными в этом же словаре приводятся: *wyjatkowy, wielki, ogromny, ważny, znaczny, prawdziwy sukces; sukces ewolucyjny* / исключительный, великий, огромный, важный, значительный, настоящий; эволюционный. Как примеры употребления в составе сочетаний с существительными указываются: *sukces taktyki, nauki, techniki* / успех тактики, науки, техники [SW].

Польский словарь иностранных слов 1937 года, кроме привычных синонимических дефиниций *sukces* (*postęp, powodzenie, udanie*), добавляет также значение ‘общественное признание или похвала’, которое иллюстрируется с помощью слова *poklask* [SWOA]. Примечательно, что используемое при экспликации значения существительное образовано от глагола *klaskać* («хлопать, аплодировать») и представляет собой результат метонимического переноса по регулярной модели: следствие – причина.

Таким образом, в период старопольского языка (XVI – до 70-х годов XVIII вв.) фиксируются зачатки образа успеха, отраженные в семантике дериватов, образующих ОП корня *-ściech-*. В XVII веке польский язык заимствует латинское слово *sukces*, которое используется как для обозначения последовательности совершаемых действий, так и их результата. В новопольский период (конец XVIII – первая половина XX вв.) значение «результат действий» подвергается сужению и существительное *sukces* используется только для обозначения удачного, положительного результата.

§ 2. Образ успеха в польском языке в период Польской Народной Республики

В самом репрезентативном словаре польского языка послевоенного периода под редакцией В. Дорошевского, вышедшем в одиннадцати томах с 1958 по 1969 год, событийное значение последовательности каких-либо шагов или действий уже перестает фиксироваться в семантической структуре слова *sukces*, а его дефиниция содержит указание только на удачное, успешное завершение или финал каких-либо действий, мероприятий:

sukces: „udanie się jakiejś rzeczy, sprawy; powodzenie” / «удачный исход какого-то дела, вещи; везение», и „pomyślny zbieg okoliczności, fortuna” / «удачное стечение обстоятельств, удача» [SJPD]. Таким образом, происходит сужение значения исключительно до позитивного, счастливого финала, или его мелиорация, с другой стороны, сохраняется акцент на случайность, независимость успешного результата от человека как субъекта деятельности.

В словаре 1968 года под редакцией С. Скорупки к основному значению „powodzenie, udanie się czego” добавляется еще одно – „zwycięstwo” / «победа» [SFJP], что может быть мотивировано присоединением Польши к идеологии социалистических государств, стремящихся к победам и одерживающих их на пути социалистического строительства. В словаре 1981 года М. Шымчака в дефиниции появляется следующее определение: „pomyślny wynik jakiegoś przedsięwzięcia, jakiejś imprezy” / «удачное завершение какого-либо начинания, мероприятия». Там же приводятся такие синонимы, как „powodzenie, triumf” / «удача, триумф» [SSzym].

Начиная со второй половины XX века, в словарных статьях фиксируются следующие типичные для существительного *sukces* словосочетания:

- *łatwy, zasłużony, tani*, легкий успех, заслуженный, дешевый успех
decydujący sukces (популярность);

- *ogromny, niemały, nieprzeciętny, olbrzymi sukces* решительный, немалый, исключительный, небывалый, огромный, заслуженный успех;
- *sukces artystyczny, literacki, sceniczny, zawodowy, produkcyjny, dyplomatyczny, moralny, polityczny, wydawniczy, bojowy, wojenny, strategiczny, wyborczy* артистический, литературный, сценический, профессиональный, производственный, дипломатический, нравственный, политический, издательский успех, военный, спортивный, стратегический успех
- *sukces nauki, wyprawy; sukces w sporcie, w walce; na arenie międzynarodowej* успех науки, экспедиции, успех в спорте, в науке, на международной арене;
- *obliczony na sukces; ktoś (jest) skazany na sukces; praca została uwięziona sukcesem, zakończyła się sukcesem* рассчитанный на успех; обреченный на успех; работа увенчалась успехом, закончилась успешно;
- *mieć sukcesy, osiągać sukces, odnosić sukces, marzyć o sukcesach, doczekać się sukcesów, przyczynić się do sukcesu, dążyć / iść od sukcesu do sukcesu* иметь успехи, достигать успехов; мечтать об успехах, дожидаться успехов; способствовать успеху, стремиться к успеху/идти от успеха к успеху

Определительные словосочетания содержат преимущественно параметрические характеристики степени успеха (немалый, огромный и т.п.); описание степени вложенных в достижение успеха усилий (легкий, заслуженный); указание на профессиональную отрасль, в которой достигнут успех (производственный, военный, спортивный и т.п.). Последнее значение реализуется также в субстантивных атрибутивных сочетаниях (*sukces nauki, wyprawy*), в том числе в предложно-падежных сочетаниях (*sukces w sporcie, w walce*).

Согласно данным Национального фотокорпуса польского языка (NFJP) в послевоенный период слово *sukces / sukcesy* используется довольно часто в указанных выше сочетаниях. Успехи достигаются польским обществом, в основном, в области производства, науки и искусства, политики и спорта, но не касаются материальной, коммерческой сферы их личностного существования.

Примечательно, что такие сочетания, существование которых в дискурсивных практиках времен ПНР можно было бы предвидеть в качестве калькированных с русского языка сочетаний: *успехи социализма, социалистического строительства* и т.п.) в этот период в корпусах польского языка практически не фиксируются, хотя в них можно найти многочисленные образцы следования социалистической идеологии и калькирования сочетаний, которые входили в состав основополагающих идеологем, например: *budowa socjalizmu, przewodnia (kierownicza) rola partii w budowie socjalizmu, przodownicy pracy, nierozzerwalna przyjaźń polsko-radziecka* (строительство социализма, ведущая (руководящая) роль партии, передовики труда, нерушимая польско-советская дружба и др.). Например:

Szczególnie jaskrawym wyrazem zbliżenia nauki do rolnictwa jest działalność członka akademii Łysienki i jego zwolenników. Popularyzując dowiadczenia przodowników rolnictwa, miczurinowcy pomagają im w osiągnięciu dalszych sukcesów. Pszodujący ludzie wsi – Bohaterowie Pracy Socjalistycznej – stoją na wysokości zadań wysuwanych przez współczesną naukę agrotechniczną [NFJP 1952].

В приведенной выше фотоцитате говорится о деятельности советского академика Лысенко как о ярком примере сближения науки с сельским хозяйством. «Популяризируя опыт передовиков сельского хозяйства, мичуринцы помогают им в достижении дальнейших успехов». В последующей цитате речь идет о серьезных успехах (*poważne sukcesy*) китайско-советской экспедиции альпинистов: *Młody alpinizm chiński rozwija się żywiołowo. W ub. Roku ma on już tak poważne sukcesy, jak zdobycie przez wspólną wyprawę chińsko-radziecką szczytu Mustang [NFJP 1964].*

В фотокорпусе нередко цитаты, в которых «успехи социалистического строительства» В Польше подвергаются довольно скептическому осмыслению. Например, в следующей фотоцитате говорится, что «социология деревни, несмотря на несомненные успехи, <...> , все еще не способна создать достоверный образ перемен в сознании крестьян»:

Tym, co łączy obydwie grupy krytyków, jest mniej lub bardziej uświadomione przeświadczenie, iż socjologia wsi – mimo tak niewątpliwych sukcesów, jak pojęcie tematyki zmian społecznej struktury wsi czy też wpływu uprzemysłowienia na gospodarkę rolną – wciąż nie potrafi dostarczyć dostatecznie wiarygodnego obrazu przemian świadomościowych w środowisku chłopsko-rolniczym [NFJP 1974].

В приводимом ниже примере язвительной критике подвергается искусство польского соцреализма, производственных романов, называемых пренебрежительно-иронически «produkcyjniaki», успех которых характеризуется как «чисто официальный»: *Teatr zmuszony jest – zamiast od Łaźni – zacząć od Brygady szturmowej, typowego „produkcyjniaka”, którego sukces jest czysto oficjalny [NFJP 1956].*

Примечательно, что сочетания *sukcesy socjalizmu, budowy socjalistycznej, gospodarki planowanej* более широко распространены в сегодняшнем историко-социологическом дискурсе Польши, посвященном анализу предыдущей эпохи. Например:

Komuniści dążyli do planowego rozwoju gospodarki. Początkowo gospodarka planowa osiągnęła jedynie sukcesy. [NFJP 2009]. (‘Коммунисты стремились к плановому развитию экономики. Первоначально плановая экономика имела одни успехи’).

„Sukcesy pierwszych lat gospodarki planowanej, wystrzelenie sputnika czy nacisk kładziony przez Moskwę na naukę, kulturę, sztukę ...” [NFJP 2012]. («Успехи первых лет плановой экономики, запуск спутника или акцент, поставленный Москвой на науку, культуру, искусство и спорт ...»).

Терминологическое сочетание *propaganda sukcesu* («пропаганда успеха»), широко распространенное сегодня в польском социолингвистическом дискурсе, на самом деле представляет собой кальку с английского *propaganda of success*, под которой понимается «тип пропаганды, преувеличивающей успехи правящего режима» [Ras 1984: 145]. В польском языке примером пропаганды успеха считается пропаганда, культивировавшаяся во время правления I секретаря Польской объединенной рабочей партии, Эдварда Герека, в 70-е – 80-е гг. XX века. В числе основных лозунгов, составляющих дискурс пропаганды успеха, указываются: „aby Polska rosła w siłę, a ludzie żyli dostatniej” («чтобы Польша становилась сильнее, а люди были зажиточнее»), „cud gospodarczy” («экономическое чудо»), „dynamiczny rozwój” («динамическое развитие»), „budowanie drugiej Polski” («построение другой Польши») и др. При этом лексема *sukces* не входила ни в какие сочетания, которые можно было бы рассматривать как принадлежность пропагандистского дискурса эпохи ПНР.

С морфологической точки зрения обращает на себя внимание зафиксированное в Национальном фотокорпусе польского языка окказиональное употребление слова с диминутивным суффиксом *sukcesik*, а также употребление слова *sukces* в не свойственных польской морфологии (см. подробнее: [Бабанов 2011]) сложных существительных *rola-sukces*, *spektakl-sukces*. Вне всякого сомнения, подобное аппозитивное употребление слова *sukces* вызвано отсутствием в польском языке однокоренного прилагательного со значением «успешный». Попытка найти выход из лакуны находит свое отражение и в единичном, зафиксированном корпусом, создании производного *sukcesowy*, которое так и осталось единичной инновацией:

Gdym nieco oprzytomniał z sukcesowego oszłomienia, pragnąc wyciągnąć ze sztuki pouczenie na przyszłość, doszedłem – analizując „Dzieje” – do wniosku, iż sedno powodzenia tkwi nie tylko w przypadkowo trafnym dotknięciu całego szeregu bolączek ówczesnego społeczeństwa, lecz i w ujęciu ich przez ciąg akcji w plastyczną, sceniczną formę żywych ludzi [NFJP 1967].

Что касается употребления прилагательных *pomyślny*, *udany* (успешный (благоприятный); удачный) в рассматриваемый период, то чаще всего в качестве определяемых существительных при характеристике *pomyślny* употребляются: *rozwój*, *warunki*, *wynik*, *rezultat*, *przebieg*, *koniec*, *finał*, *start*, *debiut*, *eksperyment*, *wiatr*, *zbieg (splot) okoliczności*, *rzut losów*, *znak*, *horoskop*, *warunki* (успешный (благоприятный): развитие, условия, результат, результат, ход, конец, финал, старт, дебют, эксперимент, ветер, стечение (переплетение) обстоятельств, бросок судьбы, знак, гороскоп, условия и др.); при характеристике *udany*: *efekt*, *małżeństwo*, *pościg*, *wieczór*, *debiut*, *początek*, *start*, *rok*, *występ*, *wyjazd*, *pobyty*, *sezon*, *atak*, *rezultat* (удачный (успешный): эффект, брак, погоня, вечер; начало, старт, год, выступление, отъезд, пребывание, сезон, атака, результат и др.). Примеров употребления данных прилагательных в контексте так называемой пропаганды успеха социалистического строительства не так много, и все они включают в себя приведенные выше сочетания, не претендуя на какой-либо особый аксиологический статус:

Rok gomułkowski nie był już tak efektowny, chociaż był również udany, bowiem produkt krajowy miał wzrosnąć o blisko 6 procent / Год Гомулки был не таким эффективным, хотя и успешным, потому что внутренний продукт должен был увеличиться почти на 6 процентов» [NFJP 1959].

Mamy wszelkie, wewnętrzne i zewnętrzne, warunki dla pomyślnego rozwoju/ У нас есть все условия, внутренние и внешние, для успешного развития» [NFJP 1971]

Możemy mówić o pomyślnym przeprowadzeniu zamierzonych reform/ Можно говорить об успешной реализации намеченных реформ [NFJP 1971].

Анализ высказываний польских политических деятелей периода ПНР позволяет констатировать, что употребление этих прилагательных крайне редко, что, вполне вероятно, объяснялось также наличием в их семантике образов случайности и везения, не соответствующих задачам сознательно планируемого построения нового общества. Намного чаще в контексте описания достижений

польской экономики и польского народа использовались прилагательные *pozytywny* (позитивный) и *dynamiczny* (динамичный):

Nastąpiły pozytywne przemiany w świadomości obywatelskiej ('Произошли позитивные изменения в гражданском сознании') [NFJP 1971]. *Z tym okresem kojarzą się pozytywne zmiany gospodarcze* ('С этим периодом связаны положительные экономические изменения') [NFJP 1971].

Анализ сочетаемости прилагательных *pomyślny, udany* показывает, что их использование как характеристик свойства человека было в польском языке полностью исключено. Некоторые сомнения в абсолютной верности данного утверждения может представлять собой фраза Э. Герека, произнесенная им в новогоднем обращении к полякам в 1977 году:

Edward Gierek: "*Naszym wspólnym nadrzędnym celem – siła i wielkość Polski, dobro i pomyślność wszystkich Polaków*", «Эвард Герек: Наша общая главная цель – сила и величие Польши, благо и процветание всех поляков» [Konefał 2020: 304].

Однако использование производного существительного *pomyślność* в данном высказывании мотивировано тем, что оно передает значение благополучия, а не успешности.

В целом, изучение особенностей функционирования слова *sukces* в польском языке данного социально-исторического периода позволяет прийти к выводу о том, что данное слово не использовалось в ряду тех идеологически маркированных лексических единиц, которые создавали дискурс власти. Вхождение Польши в социалистический лагерь требовало перемен в различных областях, что и находило свое отражение в активном употреблении лексем *zmiany* и *przemiany* (изменения и перемены). Для описания успехов польского общества в различных областях чаще употреблялась множественная форма *sukcesy*, характеризующая успехи в области экономики, политики, науки, спорта и искусства. Прилагательные *pomyślny, udany* сочетались с различными объектами, но никогда не использовались в функции характеристики свойств человека.

§ 3. Формирование образа успеха в польском языке в период новейшего времени

3.1. Изменения в семантике слова *sukces* под воздействием внешней детерминанты

Республика Польша раньше, чем Советский Союз и его правопреемник, Российская Федерация, осознала экономическую неэффективность социалистической системы и свойственных ей идеалов и приступила к радикальным изменениям государственного устройства уже с середины 80-х годов прошлого столетия. В качестве образца успешной экзистенции общества и индивида были избраны США, ставшие основным донором и импортером всех экономических и социокультурных процессов, получивших впоследствии обозначение глобализации. Как и все другие языки-реципиенты, польский язык оказался под давлением экстралингвистических факторов, вызвавших необходимость заимствования и внедрения в лингвокультурное сознание нации новых регулятивных лингвоконцептов. В их числе оказались важные для формирования человека новой, конкурентно-индивидуалистической системы понятия успеха и успешного человека (*success* и *successful person*).

Несмотря на то, что данные регулятивные концепты уже более тридцати лет присутствуют в польском языке (*sukces, człowiek sukcesu*), их изучение проводится преимущественно в социологических и экономических науках, в то время как их лингвистическое описание лишь спорадически присутствует в работах польских ученых, изучающих феномен успеха как социокультурную составляющую капиталистической формации постиндустриального, информационного типа [Firkowska-mankiewicz 1997, Wolny-Peirs 2005, Hildebrandt-Wypych 2009], либо как проявление пользующейся массовым спросом в США так называемой «автотерапевтической, мотивационной, или self-help литературы» [Skowronek 2017: 238].

М. Вольны-Пеирс отмечает, что слово *sukces* (успех) – понятие многозначное, сочетающее объективное и субъективное его понимание, с трудом поддающееся точному определению, в первую очередь, из-за чрезмерного употребления данного слова в публичном языке (в средствах массовой информации) и в частно-бытовом дискурсе [Peirs 2005: 35]. По мнению М. Гловиньского, слово успех (*sukces*) носит в настоящее время персуазивный характер, свойственный всем словам политической пропаганды, которые лишены конкретного содержания и призваны оказывать влияние на образ мысли и действий адресата [Głowiński 1993: 13]. Д. Хильдебрандт-Выпых пишет, что в настоящее время наблюдается укрепление идеологии успеха, которая все больше претендует на роль главного регулятора человеческой жизни. Идеология успеха (идеология высоких достижений) способствует формированию социальных добродетелей, адаптации к быстрым преобразованиям экономического строя, общественной жизни, а в более широкой перспективе – к сопряженным с ними культурным изменениям [Hildebrandt-Wypych 2009].

Как было показано в предыдущих параграфах, в польском языке отсутствует соответствующее прилагательное со значением «успешный», что исключает появление калькированного сочетания *successful person* «успешный человек» и одновременно дает возможность проследить, каким образом при равных экстралингвистических факторах, – одинаковых условиях перехода от одной социально-экономической системы к другой, – морфологическая детерминанта влияет на способ формирования в языке транслируемого образа успеха.

В Малом словаре польского языка 1995 года издания значение слова *sukces* еще определяется примерно так же, как и в словарях послевоенного периода:

sukces – «udanie się czego, pomyślny wynik jakiegoś przedsięwzięcia, imprezy, powodzenie, triumf: sukces artystyczny, sceniczny» / ‘удачное, успешное завершение какого-либо начинания, мероприятия, успех, триумф: художественный, сценический успех’ [MSJP].

В словаре современного польского языка 1996 года издания уже можно наблюдать те изменения в семантике слова, которые происходят под давлением американского видения успеха как результата целенаправленных действий индивида.

Sukces: „spełnione zamierzenie, pomyślny wynik jakiegoś przedsięwzięcia” / «осуществившееся намерение, успешный результат какого-либо предприятия». Хотя в определении еще отсутствует эксплицитное отнесение к человеку как к автору успехов, однако такие сочетания, как *życiowy sukces* / «жизненный успех» свидетельствуют об изменениях, происходящих в понимании данного слова. Более того, впервые словарем фиксируется калькируемое с английского *man of success* устойчивое сочетание успеха в *człowiek sukcesu* (дословно: человек успеха) [SWJPD].

Схожие изменения фиксируются в другом словаре современного польского языка этого же года издания:

Sukces:

1. „osiągnięcie celu, pomyślny wynik jakichś starań, działań”: *Ma na swoim koncie wiele zawodowych sukcesów* / достижение цели, удачный результат каких-либо действий, усилий: *у него на счету много профессиональных успехов.*

2. „zdobycie powodzenia, sławy, wysokiej pozycji, majątku, itp.”: *Nie ma jednej recepty na sukces. Jego całe życie to pasmo sukcesów* / «Завоевание успеха, славы, высокого положения, состояния и т.п.: *Не существует единого рецепта успеха. Вся его жизнь – череда успехов*» [SWJP].

Дефиниция содержит прямое указание на те достижения, которые составляют содержание успеха: слава, высокая позиция в обществе и богатство. Обращает на себя внимание и включение в качестве иллюстративного материала кальки с английского языка *recepta na sukces* (рецепт успеха), а также использование местоимения третьего лица, указывающего на то, что успех имеет непосредственное отнесение не к процессу или плодам человеческой деятельности, а к самому человеку.

Словарь также фиксирует не встречавшееся ранее в польском языке новое сочетание *człowiek, kobieta itp. sukcesu*, которое маркирует как фразеологическое и свойственное книжному стилю:

„ *fraz. książk. Człowiek, kobieta itp. sukcesu* «ктоś, kto osiągnął wysoką pozycję w jakiejś dziedzinie, zwłaszcza publicznej i związanej z wysokimi zarobkami» / «книжн. Человек, женщина и пр. успеха. – тот, кто достиг высокой позиции в некоей области, особенно публичной и связанной с высокими заработками» [SWJP].

Еще более явственно изменения значения слова прослеживаются в дефиниции словаря польского языка, изданного в 2000 году:

„*Sukces – osiągnięcie zamierzonego celu, osiągnięcie tego do czego dąży większość ludzi, np. wysokiej pozycji i autorytetu w jakiejś dziedzinie, popularności, pieniędzy*” / «Успех – достижение поставленной цели, достижение того, к чему стремится большинство людей, например: высокой должности и признания в какой-либо сфере, популярности, денег» [ISJP 2000]. Примечательно, что словарь не только фиксирует конкретные признаки «успеха», но и отражает его аксиологическую составляющую как уже вполне сформировавшуюся, основную ценность, определяющую смысл существования большинства людей.

Как видим, из всех словарных дефиниций исчезает сема «случайности», счастливого стечения обстоятельств», на смену которой приходит указание на преднамеренный характер действий индивида, стремящегося к достижению успеха. Как справедливо указывает М. Вольны-Пеирс, преобразования в семантике слова *sukces* «идут к его отрыву от счастливого везения („*pomyślności*” czy „*powodzenia*”). Успех, понимаемый когда-то как эффект (отчасти случайный) счастливого дрейфа на волнах жизни, вытесняется результатом сознательной, спланированной деятельности. Быть хорошим кузнецом своей судьбы приводит к тому, чтобы быть человеком успеха» [Wolny-Peirs 2005: 38]. Новое видение успеха коррелирует с доминирующей в обществе системой ценностей, включающей идеальные представления о себе, других людях и обществе в целом. [Ziółkowski 1999: 41].

Среди фиксируемых в словарях данного периода и в Национальном корпусе польского языка (НКЯ) характеристик успеха с помощью прилагательных доминируют отнесения к области бизнеса и экономики: *gospodarczy, handlowy, kasowy, ekonomiczny, finansowy, komercyjny, materialny, rynkowy, polityczny, militarny, sportowy* (экономический, коммерческий, кассовый, экономический, финансовый, коммерческий, материальный, рыночный, политический, военный, спортивный). Кроме того, используются прилагательные с темпоральным значением: *dotychczasowy, ostatni, ubiegłoroczny, szybki; początkowy, życiowy, oczekiwany* (предыдущий, последний, прошлогодний, быстрый; начальный, жизненный, ожидаемый), а также параметрическим значением *duży, wielki, ogromny, niewątpliwy, pełny, spory, znaczący, fenomenalny* (большой, большой, огромный, несомненный, полный, спорный, значимый, феноменальный).

Среди субстантивных сочетаний обращают на себя внимание коллокации с существительными со значением лица: *twórca sukcesu* (дословно: творец успеха), реже группы лиц *sukces lewicy, sukces prawicy* (успех левых, правых сил).

Глагольная синтагматика сводится, в целом, к следующим словосочетаниям, которые употреблялись и раньше: *życzyć sukcesów, uwieńczyć, zakończyć sukcesem odnieść/odnosić, osiągnąć/osiągać; powtórzyć; gwarantować, zapewnić; przynieść; zawdzięczać sukces, zachęcić sukcesem* (пожелать успехов, увенчать, преуспеть, преуспеть, достичь / достичь; повторить; гарантировать, обеспечить; принести; обязать успех, поощрять успех). Однако словари не фиксируют все более активизирующийся в польском языке способ употребления глаголов, подчеркивающих агентивную роль человека в создании собственного успеха.

Чаще всего с этой целью используются призывы *stwórz swój sukces, zaprojektuj swój sukces* (создай, запроектируй свой успех), нередко встречаются и другие глаголы акциональной семантики, употребляемые в повелительном наклонении: *Działaj, rób, pracuj co dnia na swój sukces! Przyciągnij sukces - stwórz swój biznes z pasją! Zwizualizuj swój sukces!* (Действуй, делай, работай каждый

день для своего успеха! Привлеките успех - создайте свой бизнес со страстью! Визуализируйте свой успех!)

Таким образом, прослеживается следующая тенденция: словарные статьи двух последних десятилетий устраняют из дефиниции слова *sukces* семы везения или удачи. Напротив, они подчеркивают целенаправленность успеха, его неслучайность, его планируемость и достижимость, описывая его как *цель большинства людей*, что свидетельствует о получении словом статуса регулятивного лингвоконцепта. Если ранее существительное *sukces* в польском языке обозначало успешное, удачное завершение какого-либо дела и никогда не являлось качественной характеристикой человека, то под влиянием англо-американского культа индивидуалистического успеха слово *sukces* вбирает в себя ранее чуждые ему смыслы и образы. Успех становится равноположен богатству и славе, которые, в свою очередь, становятся мерилем ценности отдельного индивида.

3.2. Генитивная конструкция *człowiek sukcesu* как структурно-семантическая детерминанта формирования образа человека

Главным транслятором философии индивидуального успеха, внедряющим его новое видение в языковое сознание поляков, является фразеологизированное сочетание *człowiek sukcesu* (дословно: человек успеха). Согласно данным Национального корпуса польского языка, использование сочетания *człowiek sukcesu* активизируется с 90-х годов XX века и достигает пика популярности в 2008 году. Актуальный запрос в поисковой системе Google *człowiek sukcesu* дает 20 400 000 результатов, что является свидетельством его активного употребления и в настоящее время.

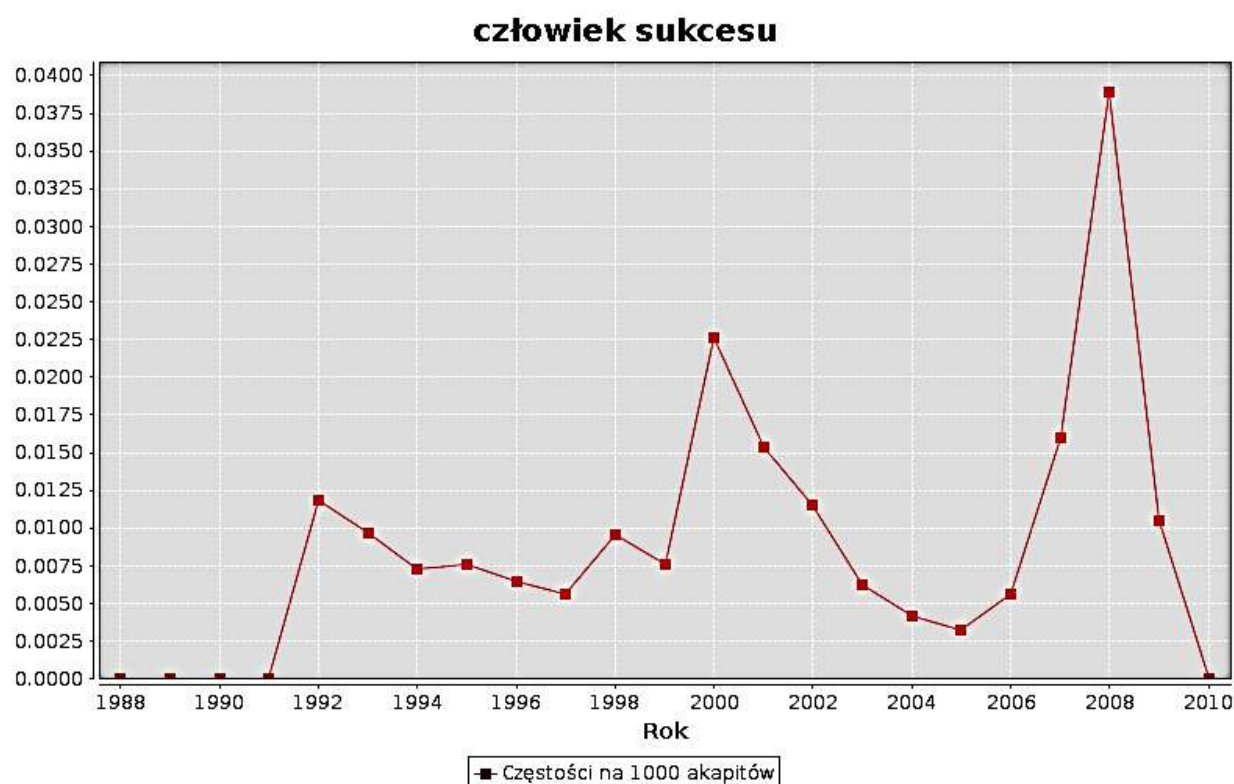

Рис. 3. Частотность использования НЕ *człowiek sukcesu* за период 1988-2010 гг.

Констатируемое в приведенных в предыдущем параграфе словарных дефинициях всеобщее стремление людей к успеху вызывает необходимость номинации того человека, который достигает успеха и представляет собой своего рода ролевую модель, предъявляемую в качестве востребованной современным обществом. В английском языке такой человек именуется либо с помощью сочетания *man of success*, либо при помощи прилагательного *successful man (person)*, что соответствует русскому сочетанию «успешный человек». Как было указано в предыдущем параграфе, несмотря на потенциальную морфологическую способность образовывать прилагательное, соответствующее английскому при помощи формантов *-owy* (например, *colourful – kolorowy*), прилагательного *sukcesowy* в польском языке не существует. Данная частеречная лакуна детерминирует единственный возможный способ языковой объективации, полностью калькирующий английскую морфологическую модель *man of success*, и в то же время имеющую прецедентные морфологические структуры в польском

языке, обладающие высокой аксиологической значимостью в польской лингвокультурной ментальности. Это, в первую очередь, фразеологические сочетания *człowiek honoru* (человек чести), *człowiek czynu* (человек действия).

Данные сочетания образованы по модели «N им. + N род.»: существительное в именительном падеже + существительное в родительном падеже. Общее значение приименного родительного падежа характеризуется А. А. Шахматовым как «зависимое состояние субстанции от субстанции господствующей, выраженной в субъекте; различные оттенки в значении родительного падежа обусловлены характером тех отношений, в которых может стоять зависимая субстанция от субстанции господствующей» [Шахматов 2001: 313 – 314]. Наиболее полная классификация функций приименного родительного падежа представлена в работе А. П. Леонтьева, который выделяет: родительный принадлежности (книга Петра), объекта (чтение книги), субъекта (победа Петра I), носителя признака (честь Петра) и качественного определения (человек необыкновенной храбрости, человек большого ума) [Леонтьев 2008: 73 – 74]. На материале польского языка данные конструкции изучались Ф. Хайнцем [Heinz 1965], А. Мировичем [Mirowicz 1949], З. Клеменсевичем [Klemensiewicz 1963], М. Новаком [Nowak 1973].

Наиболее обширное исследование генитивных конструкций содержится в монографическом труде М. Новак, излагающего результаты системного изучения генитивных сочетаний в польском языке, характеризуемых автором как неделимых. Говоря о конструкциях типа *kobieta niesłychanej urody* «женщина неслыханной красоты», *mężczyzna wysokiego wzrostu* «мужчина высокого роста», *człowiek wielkiego umysłu* «человек большого ума», лингвист указывает на невозможность опущения в них атрибутивного члена, которая объясняется тем, что определяемое существительное обозначает имманентную характеристику. В данных сочетаниях речь всегда идет о тех признаках, которые в обязательном порядке содержит субъект. Без указания на их конкретную характеристику с помощью прилагательного генитивные конструкции приблизятся к логической

тавтологии: *kobieta urody* «женщина красоты», *mężczyzna wzrostu* «мужчина роста» или *człowiek wielkiego umysłu* «человек ума». В связи с этой имманентностью признака сама детерминанта выбора лексем, способных выступать в качестве членов генитивной конструкции такого рода, весьма ограничена и строго определена, откуда и проистекает незначительная продуктивность указанной синтаксической модели [Nowak 1973: 141].

М. Новак отмечает, что в тех редких случаях, когда атрибутивный признак преднамеренно опускается, возникает особый, причем обязательно положительный оттенок значения. Отсутствие структурного компонента – признаковой характеристики – становится семантически значимым элементом. Именно поэтому таких генитивных сочетаний в польском языке немного: *człowiek honoru, charakteru, pracy, czynu, walki, interesu, serca, religii* (человек чести, характера, труда, действия, дела, борьбы, сердца, религии), два последние маркируются автором как устаревшие [Там же: 142].

Необходимо заметить, что не все синтаксически зависимые существительные в приведенных автором примерах представляют собой имманентные характеристики человека. Некоторые из них, например, религия или борьба, обозначают характер действий или область деятельности, в которой человеку свойственно реализоваться.

Примечательно, что такие словосочетания не имеют исходных полных конструкций с атрибутивным членом, однако все они могут быть с легкостью трансформированы в предположительно исходные конструкции притяжательного типа: *человек труда – труд человека, человек чести – честь человека* и т.п. «В случае синтаксической инверсии *человек труда, человек чести* и т. п. возникает эффект семантического смещения посессивности, человек становится в позицию объекта обладания по отношению к той черте характера, которая занимает позицию субъекта-поссесора [Шкапенко, Попова 2019: 92]. Направление посессивного отношения «объект обладания (существительное со значением свойства, черты или деятельности) — посессор (человек)» меняется на проти-

воположное: «объект обладания (человек) — посессор (черта, свойство, деятельность)». В результате признак начинает рассматриваться как неотъемлемая, неотчуждаемая характеристика его носителя, более того, сам носитель становится эталонным представителем приписываемого ему признака.

Инверсивная посессивная конструкция приобретает исключительно положительный аксиологический потенциал (отметим отсутствие антонимических сочетаний типа *человек бесчестия* или *человек лени*) и зачастую используется в системе фразеологизированных средств языка в качестве идеологемы, или регулятивного лингвоконцепта. «Заложенная в семантической инверсии мощная положительная оценочность обуславливает использование конструкций данного типа в качестве идиом, задающих ценностную ориентацию человека в рамках определенных социально-экономических формаций/ <...> Сочетания типа человек чести, *man of power* (англ.), *homme de dignité* (франц.), *człowiek honoru* (польск.), *muž odvahy* (чешск.), *muž poguma* (словенский) и им подобные кодируют на семантико-синтаксическом уровне отношение языкового коллектива к определенным качествам человека, относимым к наиболее значимым и достойным уважения во всеобщей иерархии ценностей» [Там же: 89].

Данные выводы общетеоретического характера полагают осознать, насколько велика роль сочетания *człowiek sukcesu* в процессе формирования новой системы ценностей, когда место «человека труда», работающего на благо общества и не стремящегося к личной материальной наживе, занимает транслируемый из противоположной системы ценностей образ «человека успеха», добивающегося собственного процветания. Появление в ряду этнокультурно маркированных польских сочетаний *człowiek honoru*, *człowiek czynu*, *człowiek pracy* («человек чести, человек действия, человек труда») привнесенного из англо-американской картины мира *człowieka sukcesu*, несомненно, способствовало формированию позитивного восприятия этого образа как типа личности, являющей собой некий эталон нового времени.

О высокой аксиологической значимости данного фразеологизма свидетельствуют также данные, отраженные в польских средствах массовой информации, польских поисковых системах и Национальном корпусе польского языка. Употребление сочетания *człowiek sukcesu* характерно, в первую очередь, для популярной экономической, социологической, психологической литературы и различного рода справочников и пособий по обучению искусству «быть успешным». Как и в англоязычных электронных медиа, польский интернет пестрит различными заголовками, мотивирующими адресата осознать, что представляет собой человек успеха и каким образом можно им стать, например: *Cechy jakie powinien posiadać człowiek sukcesu; Jak być człowiekiem sukcesu?; Co robić, by wyglądać jak człowiek sukcesu. Czym jest człowiek sukcesu?; Zacznij swój dzień jak prawdziwy człowiek sukcesu! u m.n.* / Черты, которыми должен обладать человек успеха (успешным человеком); Как быть человеком успеха? Что делать, чтобы выглядеть, как человек успеха. Что такое человек успеха? Начни свой день, как человек успеха!

Следующим важнейшим сочетанием, участвующим в формировании образа «человека успеха» в польском языковом сознании, является калькированная с английского языка коллокация *historia sukcesu*: *Historia sukcesu miliarderów, firmy Nike, Ikea historia sukcesu; Amazon historia sukcesu, historia sukcesu Elona Maska, Steve Jobs historia sukcesu, Bill Gates historia sukcesu* и т.п. / история успеха: история успеха миллиардеров, фирмы Найк; Икеа. История успеха; Амазон. История успеха; история успеха Илона Маска; Стив Джобс. История успеха; Билл Гейтс. История успеха.

Как видим, истории успеха персонифицируются, при этом они всегда относятся к чрезвычайно богатым людям, либо к корпорациям и фирмам - гигантам, получающим огромные прибыли. Обращает на себя внимание тот факт, что английские фамилии и имена в польских заголовках не всегда склоняются и ставятся в форму родительного падежа субъекта, а находятся в препозиции к сочетанию и частично калькируют образцы английской нефлективной морфологии.

Сочетание *człowiek sukcesu* получает также форму множественного числа *ludzie sukcesu* (дословно: «люди успеха»), регулярно используемую в различных польских медиа. Появление такой формы имплицитным образом указывает на то, что успех в его новом, коммерческом понимании, доступен многим. Большинство сайтов, содержащих данную формулу в заголовке, представляют собой своего рода популярные пособия для тех, кто хочет узнать больше о том, каковы особенности людей успеха, и что надо делать, чтобы самому стать таким же успешным. Например:

Co robią ludzie sukcesu / Что делают успешные люди;

Cechy ludzi sukcesu / Черты успешных людей;

Jakie wspólne cechy mają ludzie sukcesu? Co charakteryzuje osoby odnoszące sukces? / Какие общие черты имеют успешные люди? Что отличает людей, достигающих успеха?

Jak dążyć do sukcesu / Как стремиться к успеху.

Czy potrafisz myśleć, jak ludzie sukcesu? / Способен ли ты думать, как успешные люди?

Poznaj 11 rzeczy, których ludzie sukcesu nie robią przed południem / Узнай 11 вещей, которых успешные люди не делают перед обедом.

Weź z nich przykład i nastaw się na ciężką pracę. Dasz radę, wierzymy w Ciebie! / Возьми с них пример и приготовься к усердной работе. Ты справишься, мы в тебя верим!

Синтагматическим показателем неосемантизации слова *sukces* в польском языке становится его использование с акциональными глаголами: *zbudować, zaprojektować, motywować, stworzyć, zdobyć, wykorzystać swój potencjał* и др. («построить, мотивировать, создать, проектировать, использовать свой потенциал» и т.п.). Характерной синтаксической особенностью является их употребление во втором лице единственного числа, в конструкциях с побудительной модальностью, непосредственным образом обращающихся к каждому отдельному индивиду:

Stwórz swój sukces! / Создай свой успех!

Zdobądź bogactwo i odnieś sukces! / Добудь богатство и одержи успех!

Zbuduj swój sukces. Wykorzystaj swój potencjał przez potęgę podświadomości.

/ Построй свой успех. Используй потенциал силы подсознания.

Kreatywność i nienawiść. Twórz jak ludzie sukcesu / Креативность и ненависть. Твори как успешные люди!

„Wyższa Szkoła Sukcesu” czyli zaprojektuj swój sukces w wersji SMART / «Высшая школа успеха», или проектируй свой успех в версии СМАРТ.

Семантически все эти высказывания можно отнести к суггестивам, нацеленным на установление непосредственного контакта с каждым отдельным индивидом. На внушение адресату необходимости и возможности достижения успеха нацелены и другие синтаксические конструкции, используемые в заголовках статей, сайтов и т.п.:

Obietnica sukcesu. Tajemnica sukcesu. Wszechświat sukcesu. / Обещание успеха. Тайна успеха. Вселенная успеха.

Twój podręcznik Sukcesu. Twój mistrzowski plan na osiągnięcie każdego celu. / Твой учебник успеха. Твой профессиональный план по достижению любой цели.

Наличие в заголовках номинативных предложений с реальной модальностью направлено на создание эффекта бытийности, аутентичности успеха как уже практически осуществившихся стремлений индивида. Обращает на себя внимание также регулярное использование в различных синтаксических конструкциях личных или притяжательных местоимений второго лица *ty, twój*. Их употребление, как известно, характерно для рекламного дискурса, поскольку создает эффект доверительных отношений между адресантом и адресатом и превращает безличный контакт в персонифицированную доверительную беседу.

С лексической точки зрения в массиве польских текстов, посвященных феномену человека успеха, особенно широко представлен пласт слов и словосочетаний, мифологизирующих и сакрализирующих понятие успеха, например: *tajemnica sukcesu, tajne klucze do sukcesu, wiara w sukces, sekret sukcesu,*

wtajemniczenie w sukces, potęga podświadomości, wszechświat sukcesu, duchowe prawa sukcesu / тайна успеха, тайные ключи к успеху, вера в успех, секрет успеха, посвящение в таинства успеха, мощь подсознания, вселенная успеха:

W Tajemnych Ścieżkach Sukcesu opisane są liczne techniki. Poznaj sekrety, jak odnieść pełne sukcesy i być zmotywowanym do działania / В «Тайных тропах успеха» описаны многочисленные техники. Познай секреты, как достичь полного успеха и быть мотивированным к действию.

Rozmiar sukcesu zależy od wiary w sukces i intensywności pragnienia osiągnięcia celu / Размер успеха зависит от веры в успех и интенсивности желания добиться цели.

Człowiek programuje swoją podświadomość na sukces albo porażkę / Человек программирует свое подсознание на успех или на поражение.

Следует отметить, что большинство таких словоупотреблений представляет собой перевод так называемой психотерапевтической литературы западных, в первую очередь, американских авторов.

„Siedem duchowych praw sukcesu” Deepak Chopra / «Семь духовных законов успеха» Дипака Хопра.

Dr Murphy uczy, jak skutecznie wpływać na podświadomość i zastępować szkodliwe przekonania wzorcami prowadzącymi do sukcesu./ Доктор Мерфи учит, как эффективно влиять на подсознание и заменять вредные убеждения образцами, ведущими к успеху.

Успех интерпретируется как некое таинство, возводится в культ, а примером самой высокой степени его сакрализации можно считать парафразу десяти библейских заповедей, получающих современную формулировку в виде «10 заповедей человека успеха» - *X przykazań człowieka sukcesu.*

Польская исследовательница понятия успеха с социопсихологической точки зрения, К. Сковронек, относит также к экспонентам его сакрализации регулярное использование количественных числительных в дискурсе, чаще всего

представляющем собой более или менее точные переводы из англо-американской популярно-психологической литературы [Skowronek 2017: 246]. Например:

12 mistrzowskich reguł sukcesu. / 12 правил успеха.

21 tajemnic sukcesu. / 21 тайна успеха.

66 strategii jak odnieść sukces w biznesie, prowadząc szczęśliwe i zrównoważone życie. / 66 стратегий как добиться успеха в бизнесе, ведя счастливую и сбалансированную жизнь.

101 sposobów na osiągnięcie sukcesu. / 101 способ добиться успеха.

С одной стороны, постоянное использование числительных рассматривается автором как очередное подтверждение «алгоритмизации и рационализации психолингвистических техник self-help, постоянного поиска указаний и путей достижения цели» [Там же]. Процесс «самопостроения» личности не может осуществляться самопроизвольно, он должен оставаться в рамках определенной модели, подсказывающей человеку быстрый ритм и скорость работы над собой. В то же время многие тексты, по мнению К. Сковронек, явно связаны с символическим, магическим измерением чисел, имеющих закрепленные в лингвокультуре коннотации, в первую очередь, это числа 7, 3, 5, 6, 12. Например:

Siedem kroków do prawdziwego sukcesu. / Семь шагов к настоящему успеху.

Trzy kroki ku spełnionej przyszłości / Три шага к состоявшемуся будущему и многие другие.

К. Сковронек приходит к выводу о том, что «современные авто/техники успеха базируются на архетипической символике и, как это ни парадоксально, на мифическом мышлении, то есть на таком, в котором порядок эмпирического мира можно отнести к какому-то высшему образованию, трансцендентному, в результате чего он утрачивает свой случайный характер, приобретая взамен черты целполагания. Современный мир, насквозь рациональный, избавивший себя от мифов, вносью становится миром магическим» [Skowronek 2017: 247].

Несмотря на диктуемый внешней детерминантой культ сакрализируемого личного успеха, а также особый аксиологический статус, заложенный в именной конструкции *człowiek sukcesu*, отсутствие в польском языке прилагательного *успешный* выступает в качестве морфологического рестриктора референции акторов успеха. Так, если в русском языке *успешный* подразумевает абсолютно неограниченную сочетаемость – успешным может быть как миллионер, так и кондитер, – то в польском языке попытки субституции первого члена идиомы *człowiek sukcesu* на *piłkarz*, *cukiernik* (футболист, кондитер) на сегодняшний день представляются невозможными. Отдельные их употребления следует признать окказиональными, отражающими, скорее, дискомфорт говорящих, без особого успеха пытающихся расшатать границы жесткой морфологической структуры, нежели складывающуюся в узусе конвенцию выхода за пределы жестких рамок фразеологического сочетания.

Ввод в поисковую систему даже самых востребованных рыночной экономикой возможных сочетаний, например *biznesmen sukcesu*, *menedżer sukcesu*, дает только единичные примеры таких инновационных употреблений. Сочетание «человек успеха» ведет себя как каждый фразеологизм – сопротивляется замене одного из входящих в его состав членов. В случае генитивных сочетаний анализируемого типа замена определяемого члена на возможные слова-гипонимы, например, «женщина чести», «мужчина чести», или «бизнесмен чести» представляются достаточно странными, очевидно, вследствие высшей степени аксиологизации данного сочетания. Анализ способов описания «разновидностей» успешных людей в польском языке показывает, что отсутствие прилагательного *sukcesowy* «успешный» сужает референцию успеха до обобщающего понятия *człowiek sukcesu*.

Таким образом, персонализация успеха в польском языке не находит конкретизации в виде различных наименований лица. Примечательно, что у самих носителей языка такой монореферентный казус не вызывает дискомфорта, более того, феномен генитивной конструкции польского «человека успеха» никогда не становился объектом внимания польских исследователей. Как известно,

многие лингвистические особенности выявляются только при сопоставительных исследованиях. Неслучайно перевод номинаций *успешный журналист, блогер, футболист* и т.п. на польский язык вызывает значительные проблемы у переводчиков. Достижение полной эквивалентности в этом случае невозможно, чаще всего переводчики прибегают к замене прилагательного на причастный оборот: *odnoszący sukcesy dziennikarz, bloger, piłkarz* (дословно: одерживающий успехи журналист, блогер, футболист), однако форма действительного причастия настоящего время не способна передать того устойчивого качества «успешности», которое закодировано в морфологической форме русского прилагательного *успешный* или в генитивной структуре польского фразеологизма *człowiek sukcesu*.

3.3. Гендерная асимметрия в формировании образа успеха в современном польском языке

Несмотря на лексико-грамматические ограничения, накладываемые фразеологическим характером генитивной конструкции *człowiek sukcesu*, не допускающим замены первого члена сочетания номинациями профессий (ср. в русском языке *успешный человек, адвокат, журналист* и т.п.), в польском языке появляется и фразеологизируется сочетание *kobieta sukcesu*. Наличие такого варианта фразеологизма, с одной стороны, представляет собой убедительное свидетельство следования Польши мировым трендам эмансипации, феминизма и антисексизма, а с другой, выявляет особенности гендерной асимметрии, свойственные польскому языку.

Как известно, гендерная дискриминация в польском языке проявляется на системном языковом уровне. С большой дозой уверенности можно предположить, что именно возможность сопоставления закодированной на различных языковых уровнях гендерной асимметрии в польском языке при значительно меньшей ее системной выраженности в других европейских языках явилась

причиной того, что именно Бодуэна де Куртене стал «предтечей феминистической лингвистики» [Duda 1998]. Польский лингвист Х. Дуда пишет, что еще «задолго до того, как на Западе обратили внимания на те проблемы, которые сегодня составляют предмет оживленных дискуссий, Б. де Куртене говорил и писал о вписанном в язык сексизме» [Там же: 664].

В работе «Психологическая характеристика польского языка» Б. де Куртене говорил о «urłciowieniu» (сексуализации), «umężczyźnieniu» и «usamczeniu» (маскулинизации) польского языка, отмечая, что дискриминация по половому признаку проявляется в грамматике, способах номинации родовых отношений, словообразовании и лексике. Опережая свое время, ученый высказывал критическое отношение к факту доминирования мужчин в языке: «Это проявляющееся в языке мировоззрение, рассматривающее мужской элемент как первичный, а женский как производный, противоречит логике и чувству справедливости» [Baudouin de Courtenay 1983: 37].

При условии гендерной симметрии в языке представляется логичным, что сочетание *człowiek sukcesu* должно допускать конкретизацию как в виде *kobieta sukcesu* (женщина успеха), так и в виде *mężczyzna sukcesu* (мужчина успеха). В действительности же в польском языке присутствует только один вариант: *kobieta sukcesu*. Сочетание *mężczyzna sukcesu* абсолютное большинство носителей современного польского языка оценивает либо как недопустимое, странное, либо как окказиональное, которое может использоваться только в ироническом, шутовском смысле.

Национальный корпус польского языка фиксирует только три примера по запросу *mężczyzna sukcesu*, источником которых являются польскоязычные издания журнала *Cosmopolitan*. Все зафиксированные высказывания, включающие не свойственный польскому языку оборот, непосредственным образом ссылаются на американские лингвокультурные реалии:

Pasuje do takich męskich wzorów jak Rambo, zdobywca, mężczyzna sukcesu, czyli szorstki i niezależny kowboj” [NKJP] / Похож на такие мужские образцы как Рэмбо, завоеватель, успешный человек, то есть грубый и независимый ковбой.

Nowoczesny, pewny siebie, niezależny mężczyzna sukcesu, jednocześnie ma w sobie dużo ciepła i czułości [НКЖР] / Современный, уверенный в себе, независимый успешный мужчина, в то же время имеет в себе много тепла и нежности.

Первое из них отражает традиционный, консервативный подход к образу мужчины, сложившийся в американской массовой культуре. Второй связан со все более активно распространяющимися в Америке феминистическими идеями о «токсичной маскулинности» (см. подробнее: [Попова, Шкапенко 2020]).

Польская поисковая система по запросу *mężczyzna sukcesu* предлагает единственный вариант его употребления в одноименном заголовке книги, представляющей собой перевод с английского языка:

Książka Mężczyzna Sukcesu autorstwa Stone Jeff, Gross Kim Johnson [Stone, Gross 2005].

Другие, крайне редкие случаи употребления представляют собой конструкции с родительным падежом субъекта: *sukces mężczyzny* (успех мужчины), например:

Za każdym sukcesem wielkiego mężczyzny stoi wyjątkowa, mądra kobieta - mawiają Amerykanie / За каждым успехом великого мужчины стоит исключительная, мудрая женщина, – говорят американцы.

Фразеологический словарь под редакцией А. Клосиньской, Е. Соболя, А. Станкевич является единственным польским лексикографическим изданием, зафиксировавшим, кроме сочетаний *człowiek* и *kobieta sukcesu*, также вариант *mężczyzna sukcesu*. Соответствующая словарная статья выглядит следующим образом:

«Człowiek, mężczyzna, kobieta sukcesu – ktoś, kto osiągnął wysoką pozycję w jakiejś dziedzinie, zwłaszcza publicznej i związanej z wysokimi zarobkami» / Человек, мужчина, женщина успеха – тот, кто достиг высокой позиции в какой-либо области, особенно в публичной и связанной с высокими заработками [WSFP].

Однако включение в словарь варианта *mężczyzna sukcesu* противоречит практике реального общения носителей современного польского языка, которые, следует отметить, не обращают внимания на отсутствие симметричного

гендерного обозначения. Польские лингвисты в рамках проведенного нами устного опроса объясняют отсутствие узуального сочетания *mężczyzna sukcesu* несколькими причинами. С одной стороны, закодированной в польском языке и польском языковом сознании привилегированной позицией мужчин. С точки зрения традиционных культурных стереотипов *człowiek* в польском языке – это синоним мужчины, в связи с чем необходимости в самостоятельной номинации «успешного человека» для мужчины не существует, в отличие от номинативной потребности в создании фразеологизма *kobieta sukcesu*.

Это объяснение укладывается в русло популярных в гендерных исследованиях направления, доказывающего факт «невидимости» женщин в языке. При проведении ассоциативных экспериментов со словом *człowiek* или *pierwotny człowiek* (человек или первобытный человек) только незначительный процент респондентов включают в ассоциативный ряд женщин (см. подробнее [Karwatowska, Szpyra-Kozłowska 2005: 147 – 153]).

Другое мнение сводится к тому, что слово *człowiek* содержит в своем семантическом объеме как мужчину, так и женщину, однако относится к мужскому роду, в связи с чем на волне феминизации лексики возникает отдельная, специальная форма для женщин. Наконец, существует «мужское» мнение, отражающее дискриминационные лингвокультурные стереотипы, что мужчина сам по себе успешен, следовательно, существование сочетания «мужчина успеха» является своего рода тавтологией.

Высокочастотное употребление в польском дискурсе формы *kobieta sukcesu* можно объяснить тем, что польские СМИ активным образом продвигают неолиберальные ценности, среди которых борьба за преодоление гендерной асимметрии в языке занимает почетное место. Использование данного сочетания настолько высокочастотно (4 700 000 результатов по соответствующему запросу в польскоязычной системе Гугл), что утверждение о том, что у успеха женское лицо, в частности, на портале под одноименным и представляется вполне объективным отражением дискурсивных условий бытования данного фразеологизма.

Польские медиа используют словосочетание *kobieta sukcesu* в сильных позициях, таких как названия фильмов, книг, статей, сборников советов или в качестве заголовков различных сайтов, рассказывающих об успешных женщинах. Например:

*„Kobieta sukcesu” to nowa komedia romantyczna od reżysera „Francuskiego numeru” / «Женщина успеха» – новая романтическая комедия от режиссера фильма «Французский номер». Интересен выбор эквивалентов перевода данного названия: на английском языке название фильма звучит как «Successful Woman», в то время как на русском фильм называется «Карьеристка» (*Карьеристка / Kobieta sukcesu - 2018. Жанр: Комедия, Мелодрама Страна: Польша*).*

В целом, популяризация женской ипостаси успеха в польских медиа сохраняет алгоритм употребления сочетания *człowiek sukcesu*.

Так, активно используется форма множественного числа *kobiety sukcesu* и рассказываются персонифицированные «истории успеха» женщин:

Kobiety sukcesu i ich kariery w województwie podkarpackim / Успешные женщины и их карьера в Подкарпатском воеводстве.

Od dna na szczyt. Inspirujące historie kobiet sukcesu / От дна до вершины. Вдохновляющие истории успешных женщин.

Historia sukcesu biznesowego dla kobiet. Biznes jako kobieta / История успеха в бизнесе для женщин. Бизнес как женщина.

Żadnych bajek. Tylko prawdziwa historia sukcesu kobiety / Никаких сказок. Только правдивая история успеха женщины.

Нередко эти истории подчеркивают гендерное неравенство в мире и то особое значение, которое имеет достижение женщиной высокого положения наравне с успешными представителями мужского пола:

W świecie zdominowanym głównie przez mężczyzn, historia jej sukcesu przedstawia się wyjątkowo barwnie / В мире, где доминируют мужчины, история ее успеха выглядит особенно красочно.

Niezależność sama do nas nie przyjdzie. Książka „Kobieta Niezależna” pokazuje kobiety, które odniosły sukces / Сама независимость к нам не придет. Показывает женщины, которые добились успеха.

Книга «Независимая женщина» показывает женщин, которые стали успешными.

В обращениях к женщине реже, чем в обращениях к мужчинам, используются директивные акты с глаголами второго лица побудительного наклонения. Значительно чаще вместо призыва *Zostań kobietą sukcesu!* / Стань женщиной успеха! в заголовках употребляются вопросительные предложения: „*Jak zostać kobietą sukcesu? Jak zostać szczęśliwą kobietą sukcesu?*” / Как стать успешной женщиной? Как стать счастливой успешной женщиной. Использование призывов с побудительной модальностью более характерно для названий различных соревновательных проектов, например: *Informujemy, że dobiegła końca realizacja projektu „Zostań Kobieta Sukcesu”* / Сообщаем, что завершилась реализация проекта «Стань успешной женщиной».

В дискурсе, адресованном женщинам, которые стремятся стать успешными, активным образом используются числительные, чаще всего относящиеся к четам характера успешных женщин, или же к секретам, рецептам, или тайнам успеха:

11 cech, które charakteryzują kobiety sukcesu / 11 черт, которые характеризуют успешных женщин.

6 cech kobiety sukcesu. Masz je wszystkie? / 6 черт успешных женщин. А у тебя они все есть?

Tajemnice kariery 50 sekretów, które powinna znać każda kobieta / Тайны карьеры 50 секретов, которые должна знать каждая женщина.

Kobiety sukcesu: 7 najważniejszych cech / Женщины успеха: 7 самых важных качеств.

Достаточно часто фразы, используемые в дискурсе об успешных женщинах, несут на себе отпечаток устойчивых гендерных стереотипов вместе с призывами к их преодолению. Так, образ успешной женщины противопоставляется образу «послушной», «вежливой» девочки, что имплицитно подразумевает наличие антонимических черт в «женщине успеха»:

Jak przestać być grzeczną dziewczynką i zostać kobietą sukcesu. Dr Lois P. Frankel i Carol Frohlinger grzecznej dziewczynce przeciwstawiają kobietę sukcesu, czyli kobietę, która nauczyła się, jak zyskać szacunek, na który zasługuje / Как перестать быть хорошей девочкой и стать успешной женщиной. Д-р Лоис П. Франкель и Кэрол Фролингер противопоставляют вежливой девочке успешную женщину, которая научилась получать уважение, которого она заслуживает.

Из различных высказываний, создающих образ успешной женщины в польском дискурсе, следует, что *kobieta sukcesu* несет в себе новую жизненную философию, занимает активную жизненную позицию, и ее внешние данные не гарантируют успеха:

Kobiety sukcesu przyjmują filozofię życia, w której przejmują kontrolę nad sobą i własnym światem / Успешные женщины принимают философию жизни, в которой они контролируют свою жизнь и окружающий мир.

Sztuka aktywności, czyli jak zostać kobietą sukcesu to poradnik skierowany do wszystkich kobiet / Искусство «активности», или как стать успешной женщиной.

Uroda nie gwarantuje sukcesu! Oto cechy charakteru kobiet sukcesu / Красота не гарантирует успеха! Вот черты характера успешных женщин.

Непосредственное влияние англо-американской культуры на востребованный современной эпохой образ «женщины успеха» выражается также в часто встречающейся гибридизации текстов данной проблематики, например:

Strong Woman in IT, sukces kobiet w branży technologicznej / Strong Woman in IT, успех женщин в технологической отрасли.

Buisnesswoman – jakie powinna mieć cechy / Buisnesswoman - какие качества она должна иметь.

Successful Woman – tajemnice zawrotnej kariery / Успешная женщина-секреты головокружительной карьеры.

Формируемый с помощью вышеуказанных языковых средств образ «успешной женщины» в Польше входит в противоречие с одним из прототипических лингвокультурных стереотипов польской женщины, закодированных в сочетании «Matka Polka». С одной стороны, этот образ восходит к характерному

для польского католицизма культу Марии (kult maryjny), вследствие чего «соединяет в себе идеализацию и трагизм: Польшка-мать приносит в жертву себя, а также своих детей в жертву общенациональному делу (sprawy narodowej), оттого материнство являет собой одновременно страдание. Женщина-мать стоит на страже морали и добродетели и вносит в жизнь любовь и христианскую чистоту сердца» [Monczka-Ciechomska 1992: 96].

Этот прототип еще более укрепился в польском лингвокультурном сознании благодаря патриотической литературе XIX века, добавившей исторические и идеологические черты в жертвеннический портрет польской женщины-матери. В стихотворении «Do Matki Polki» («К матери-польке») выдающийся польский поэт Адам Мицкевич «сузил социальные роли матери до ее служения целям национально-освободительной борьбы» [Там же: 95]. Формируемый под влиянием англо-американских лингвокультурных стереотипов образ успешной женщины, входит в полное противоречие с национальным культурным прототипом, основанном на отказе личности от собственного «я» в пользу общенациональных идеалов. Такая радикальная смена идеализированной ролевой модели вызывает многочисленные дискуссии, становится темой обсуждения на различных форумах. Основательница портала nowamatkapolka.pl, называющая себя голосом нового поколения, создала интернет-площадку, на которой все желающие высказываются за и против двух антиподных ролевых моделей. Абсолютное большинство участниц дискуссии призывают отказаться от культа женщины-мученицы, взывают к тому, что новая полька-мать «прежде всего обязана любить и ценить саму себя». Культуролог И. Ковальчик, однако, задается вопросом: возможно ли отказаться от старого мифа, не создавая на его месте новый? «На смену старому эталону пришла новая ролевая модель – деловая, свободная, современная, самореализующаяся, обеспечивающая сама себя, и одновременно вечно молодая, интересная и ухоженная женщина, мать с рекламных роликов. Возможен ли в действительности такой тип женщины? Популярная культура вместе с консумпционизмом представляет собой стратегию борьбы с

устаревшим мифом, однако создает опасность попадания женщин в новый, далеко не всегда способный реализоваться миф» [Kowalczyk 2002: 18].

Таким образом, фразеологическая инновация *kobieta sukcesu* не только становится своего рода лакмусовой бумажкой, выявляющей свойственную польскому языковому сознанию гендерную асимметрию, но и лингвокультурным символом нового мифа о женщине, отрицающего старый миф и доказывающего его несостоятельность.

Выводы

Формирование образа успеха в польском языке берет свое начало в древнепольский период в рамках ономазиологического поля общеславянского корня *-śpiech-*. Для входящих в его состав производных характерен семантический синкретизм, заключающийся в передаче ими значений быстрого движения, выполнения действия, достижения результата или успешного результата, созревания, успеха, процветания и счастья. После заимствования в XVII веке латинского слова *sukces* со значением этапов деятельности и их результата дериваты корня *-śpiech-* утрачивают значение успешного действия или результата. К середине XIX столетия происходит сужение семантики заимствованного слова *sukces* до обозначения положительного, успешного результата. В связи с отсутствием у слова *sukces* производных атрибутивная характеристика «успешный» передается с помощью автохтонных польских прилагательных *pomyślny* и *udany*, значение которых включает в себя сему «везения» и «удачи».

Изменение экстралингвистических факторов в послевоенный период – следование Польши идеалам социалистического строительства – не привело к каким-либо значимым изменениям в употреблении слова *sukces*. Несмотря на то, что дискурс власти данного периода получил наименование «пропаганда успеха» (*propaganda sukcesu*), данное слово не входило в состав идеологически маркированных лексических единиц. В соответствии с ориентацией социали-

стического общества на коллективизм субъект достижения успехов не подвергался индивидуализации, что нашло свое отражение в регулярности использования формы множественного числа (*sukcesy*), употребляющейся наряду с более частотными лексемами *zmiany*, *przemiany* (перемены). Прилагательные *potyślny*, *udany* употреблялись во всех функциональных стилях в качестве определений различных неодушевленных объектов.

Кардинальное изменение внешней детерминанты, отказ от идеи построения социалистического общества и ориентация на США как основного донора эффективных идей системной социально-экономической трансформации, повлекли за собой внедрение в польский язык культуроспецифичных англо-американских слов. Под влиянием американского культа индивидуалистического успеха в польском языке новейшего периода происходит неосемантизация слова *sukces*, получающего статус важнейшего регулятивного лингвоконцепта.

В качестве основных техник англосемантизации используется калькирование способов функционирования слова *success* в англоязычном дискурсе, посвященном продвижению идеи успеха как высшей цели человеческого существования, формированию внутренней потребности каждого индивида в конструировании своего собственного, личного успеха, ориентируясь на тиражируемые в польских медиа истории успеха богатых и известных людей, рецепты и формулы его достижения и т.п. Протекающий в течение двух десятилетий процесс англосемантизации слова *sukces* завершается изменением его значения, описываемого новейшими польскими словарями с точки зрения его преднамеренности, материальной объективации, социокультурной востребованности и высокого аксиологического статуса.

Отсутствие в польском языке прилагательного, эквивалентного английскому *successful* (успешный), обуславливает необходимость вербализации важнейшего лингвокоцепта *successfull man (person)* в форме именной генитивной конструкции *człowiek sukcesu* (человек успеха). Закодированный в сочетаниях данного типа высокий аксиологический

потенциал, наличие в польском лингвокультурном сознании прецедентных сочетаний типа *człowiek honoru* включает инновационное сочетание в ряд важнейших современных идеологем и усиливает его персуазивность.

Задаваемая фразеологизированным сочетанием *człowiek sukcesu* позитивная аксиологизация и закодированная в нем особая значимость образа становится одновременно лексико-грамматическим рестриктором, ограничивающим область референции субъекта успеха. Первый член сочетания не допускает замены на гипонимические наименования в виде названий профессий или конкретных областей деятельности успешного человека. Прилагательные *potyślny* и *udany*, близкие по своему значению к характеристике «успешный», сохраняют свойственную им сочетаемость только с неодушевленными существительными. В результате возникает номинативная лакуна: качество успешности приписывается человеку только в генерализированном виде.

Несмотря на референционные ограничения, накладываемые фразеологическим характером и структурно-семантическими особенностями генитивной конструкции *człowiek sukcesu*, в польском языке появляется и фразеологизируется сочетание *kobieta sukcesu*. В его появлении и функционировании отражается противоречивый характер взаимодействия внешней и внутренней лингвистической детерминанты. С одной стороны, возникновение варианта *kobieta sukcesu* является эффектом следования мировым трендам феминизма и антисексизма, с другой стороны, выявляет особенности гендерной асимметрии, свойственные польскому языку и польскому лингвокультурному сознанию.

Языковая объективация гендерной дискриминации находит свое выражение в отсутствии варианта *mężczyzna sukcesu* при наличии *człowiek sukcesu* и *kobieta sukcesu*. Недопустимость существования и функционирования сочетания *mężczyzna sukcesu* в польском языке может быть объяснена семантической тождественностью слов *człowiek* и *mężczyzna*, а также закодированной в языковом сознании имманентностью образа успеха как

исключительной принадлежностью мужчины, что исключает потребность в образовании самостоятельной номинации.

Привнесенный из американской системы ценностей образ *kobieta sukcesu* входит в противоречие с важнейшим для польской лингвокультуры стереотипом женщины, закодированным в сочетании «Matka Polka». Восходящий к культу девы Марии и закреплённый в польской литературе романтизма образ женщины постулирует необходимость отказа от личной жизни и счастья во имя служения идеалам национально-освободительной борьбы. Американский стереотип успешной женщины базируется на эгоцентрической модели мира, в которой все стремления женщины направлены на построение собственной карьеры, получение высоких зарплаток и социальной позиции, гарантирующей известность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование позволило сформулировать ряд выводов и обобщений, касающихся характера взаимодействия внешней, экстралингвистической детерминанты с внутренней, интралингвистической – системными типологическими особенностями конкретного языка. Обращение к самым ранним источникам языкового материала обеспечило возможность реконструирования прототипических образов, лежащих в основе номинации понятия «успех» в первичных актах номинации. Изучение особенностей функционирования лексических единиц в рамках каждого из выделенных социоисторических периодов создало условия для описания этапов эволюции в ословливания образа успеха и особенностей его аксиологизации в двух родственных языках. Анализ лингвистических техник трансляции в принимающие языки англо-американских регулятивных лингвоконцептов в период новейшего времени позволил верифицировать гипотезу о ведущей роли инновационного контекста в процессе неосемантизации слова. Рассмотрение средств и способов англосемантизации слов *успех* и *sukces* на материале двух родственных языков продемонстрировало, каким образом при одинаковой экстралингвистической детерминанте, – воздействии лингвокультурных стереотипов языка-донора глобализации, – проявляют себя системные морфологические особенности языков.

В результате анализа ранних периодов развития русского и польского языков было установлено, что процесс ословливания не имеющего денотативной выраженности понятия «успеха» осуществлялся посредством метафоризации различных, наблюдаемых во внеязыковой действительности образов. Свойственная человеческой перцепции холистичность, а также когнитивная способность усматривать или предсказывать наличие определенных связей между различными явлениями и процессами явились основой семантического синкретизма, свойственного первичным актам номинации. Как в русском, так и в польском языках, складывающееся в сознании представление об успехе находит

свое отражение в дериватах ОП общеславянского корня -спех-/-śpiech-. В старославянском и древнерусском языке данный образ тесно переплетается с образами движения, старательного действия и усердия, помощи, физического и духовного созревания, изготовления продукта, времени, преобладания и превосходства, успеха и удачной деятельности, что находит свое отражение в конструировании субполей с соответствующими вершинами.

В польском языке семантический синкретизм проявляется в меньшем количестве образов при меньшем зафиксированном имеющимися источниками количестве дериватов. Если в процессе дальнейшей эволюции образ успеха в русском языке вычленяется в самостоятельную деривационную ветвь и включает в себя производные *успешный, успешно, успешность*, то в польском языке после заимствования в XVII веке латинского слова *sukces* корень -śpiech- и его производные отражают только семантику быстрого движения или быстрого выполнения действий.

Дальнейшее осмысление образа успеха происходит в направлении специализации его значения в обоих языках как «достижение положительного результата, удачи, везения». В качестве определяемых с помощью прилагательного *успешный* объектов в русском языке используются слова со значением процессов и результатов человеческого труда. Синтагматика слова *успех* свидетельствует о том, что в качестве основных областей успешной деятельности рассматриваются труд, учеба и науки, а также усердное служение богу, восходящее еще к значениям соответствующей церковнославянской лексики. В польском языке заимствование *sukces* не образует ни одного производного, вследствие чего семантика успешных действий, с акцентуацией на везение и удачу, передается с помощью прилагательных *udany* и *potyślny*, также сочетающихся только с неодушевленными существительными.

После кардинального изменения идеологии в период после революции 1917 года и в период СССР, а также послевоенного принятия Польшей социалистического мировоззрения, лексические единицы поля УСПЕХ не претерпевают заметных изменений в способах их употребления. Ни в одном из языков

лексемы со значением «успех» не входят в состав идеологически маркированных слов, составляющих дискурс власти. Воздействие внешней детерминанты – ориентации общества на равноправие и коллективизм, отражается в активизации в обоих языках формы множественного числа существительного *uspexi/sukcesy*, в идентичной их синтагматике, тяготеющей к сферам трудовой и интеллектуальной деятельности людей (*uspexi* в *учебе, работе, музыке, науке*), а также в отсутствии представлений об успехе как материальном процветании конкретного индивида. В русском языке в этот период практически полностью элиминируется возможность сочетания прилагательного *успешный* с одушевленными существительными со значением лица. Если во внеязыковой действительности в качестве субъекта успешной деятельности мог выступать как коллектив («успешное выступление команды»), так и отдельный человек («успешное выступление спортсмена»), то на уровне языковой экспликации их характеристика как «успешной команды» или «успешного спортсмена» была исключена полностью.

Кардинальное изменение внешней детерминанты, отказ от идеи построения социалистического общества и ориентация на США как основного донора эффективных идей системной социально-экономической трансформации, повлекли за собой активное внедрение в русский и польский языки культуроспецифичных англо-американских слов. Под влиянием американского культа индивидуалистического успеха в обоих языках происходит англосемантизация слова *uspex/sukces*, получающего статус важнейшего регулятивного лингвоконцепта.

Техники трансляции англо-американских лингвоконцептов *success, successful man (person)* в русскую и польскую лингвокультуру базируются на калькировании образцов употребления данных лексем в определенных контекстах в американской, преимущественно научно-популярной психологической литературе. Принципиальную роль в трансляции нового, индивидуалистического образа успеха выполняет сочетание *successful man* «успешный человек», нарушающее сложившуюся в русском языке конвенцию

сочетаемости слова только с существительными, обозначающими процесс или результат человеческой деятельности. Преодоление инерции языкового материала происходит посредством калькирования устойчивого сочетания, морфологическая структура которого предполагает дальнейшее расширение синтагматической референции с наименованиями представителей различных профессий и т.п.

В польском языке адъективная лакуна – отсутствие производного прилагательного от существительного *sukces* – заполняется посредством использования именной генитивной конструкции *człowiek sukcesu* (человек успеха). Закодированный в сочетаниях данного типа высокий аксиологический потенциал включает инновационное сочетание в ряд важнейших современных идеологем и усиливает его персуазивность. В то же время фразеологизированный характер сочетания *człowiek sukcesu* (человек успеха), а также его структурно-семантические особенности становятся лексико-грамматическим рестриктором, ограничивающим область референции субъекта успеха в польском языке. В отличие от русского языка, в котором адъективная конструкция с прилагательным *успешный* предполагает практически неограниченную синтагматику, в польском языке замена первого члена в сочетании *człowiek sukcesu* является невозможной. В результате возникает номинативная лакуна: качество успешности приписывается человеку только в генерализированном виде.

Несмотря на ограничивающее воздействие генитивной конструкции, в польском языке появляется и фразеологизируется сочетание *kobieta sukcesu*. В его возникновении отражается противоречивый характер взаимодействия внешней и внутренней лингвистической детерминанты. С одной стороны, возникновение варианта *kobieta sukcesu* является результатом следования мировым трендам феминизма и антисексизма, с другой стороны, выявляет свойственные польскому языку и польскому лингвокультурному сознанию сексизм и гендерное неравенство. Недопустимость существования гендерно симметричного варианта *mężczyzna sukcesu* при наличии *człowiek sukcesu* и

kobieta sukcesu объясняется семантической тождественностью слов *człowiek* и *mężczyzna*, невключенностью образа женщины в семантику слова *człowiek*, а также закодированным в польском языковом сознании представлением о том, что активные социальные роли являются исключительной принадлежностью мужчин. Косвенным подтверждением распространенности данного дискриминационного стереотипа является также отмечающаяся отдельными польскими культурологами конфронтация американского образа «женщины успеха» с важнейшим для польской лингвокультуры стереотипом женщины, закодированном в сочетании «Matka Polka». Образ альтруистического служения женщины идеалам национально-освободительной борьбы вытесняется базирующимся на эгоцентрической модели мира американским стереотипом самостоятельной, независимой и деятельной женщины.

Калькирование всех остальных англо-американских семантико-структурных моделей в обоих языках происходит в полном соответствии с языком-оригиналом и приводит в конечном итоге к неосемантизации и реаксиологизации слова успех. Обретенное под влиянием англо-американских представлений об успехе новое значение, в первую очередь, антропоморфизируется, рассматривается как качество человека, которое он способен (и должен) в себе воспитать и реализовать, во-вторых, находит отчетливые корреляции в действительности в виде богатства, карьеры и известности, в-третьих, рассматривается как социально востребованная и поощряемая ролевая модель каждого человека, то есть входит в систему базовых ценностных ориентиров современного общества.

Использованный в работе синхронно-диахронический подход позволил проследить все этапы формирования образа успеха в двух родственных языках. Реконструирование первичных актов номинации выявило сущность собственного, национального языкового представления об успехе, как многоплановом концептуальном образовании, в состав которого никогда не входила материальная индивидуалистическая составляющая. Это позволило рельефнее обозначить разницу между отраженным в славянском

лингвокультурном сознании образом успеха и транслируемым из англо-американской культуры «рыночным» видением успеха. Привлечение данных польского языка способствовало изучению влияния системных свойств языка в процессе усвоения им иноязычных лингвоконцептов.

Перспективы настоящего исследования видятся в дальнейшем применении методики обнаружения инновационных контактов как материально объективированного средства семантической деривации. Предложенный и апробированный в работе функционально-динамический подход может найти применение как при анализе текущих семантических преобразований, представляющих собой результат изменений в концептуальной системе носителей языка, так и при анализе процессов неосемантизации, осуществляющихся под влиянием «внешних», присущих лингвокультуре языка-донора когнитивных и социокультурных стереотипов и представлений. Сопоставительный аспект анализа, позволивший обнаружить особенности структурно-семантической экспликации заимствуемых концептуальных образцов, может быть расширен и на другие принимающие языки, что позволит выявить системный характер обусловленности семантических изменений взаимодействием экстралингвистической и интралингвистической детерминанты, и соответственно позволит внести дополнительные научные сведения в теорию семантической деривации, неосемантизации, а также контактной лингвистики в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Теоретическая литература

1. *Адонина И.В.* Концепт успех в современной американской речевой культуре : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Хабаровск, 2005. 23 с.
2. *Александрова М.А.* Успех личности в изменяющемся обществе Запада и России: социальные и деловые аспекты: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 21 с.
3. *Андрюенко А.А.* Концепт УСПЕХ в американской и русской лингвокультурах (на материале популярно-делового дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2010. 22 с.
4. *Андрюенко А.А.* Лингвокультурные особенности оценочных предикатов концепта "успех" в русском и американском варианте английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 4. С. 69 – 72.
5. *Анисимов С.В.* Опыт экспериментального определения значения слов наименований по профессии // Аспекты лексического значени: сб. науч. тр. Воронеж, 1982. С. 62 – 66.
5. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика // Избранные труды. М.: Наука, 1995. Т. 1, 2.
7. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995, №1. С. 37 – 67.
8. *Арабекова Т.И.* Лексикология английского языка (Практический курс). М.: Высшая школа, 1977. 240 с.
9. *Арнольд И.В.* Лексикология современного английского языка М.: Высшая школа, 1986. 295 с.
10. *Арнольд И.В.* Основы научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1991. 140 с.
11. *Арсентьева Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц. Казань: Изд-во Казанского университета, 1989. 130 с.

12. *Артеменко Е.Б.* Концепт. Образ. Язык (Часть II) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 5 – 10.
13. *Арутюнова Н.Д.* Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. 204 с.
14. *Арутюнова Н.Д.* Номинация и текст // Языковая номинация (Виды наименований). М.: Наука, 1977. С. 304 – 357.
15. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
16. *Аскольдов С.А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 267 – 279.
17. *Аскольдов С.А.* Форма и содержание в искусстве слова // Литературная мысль. Альманах 3.Л., 1925. С. 305 – 341.
18. *Атюнина В.С.* Образ успешного человека в семантическом пространстве личности: моногр. Хабаровск: Издательство ДВГУПС, 2009. 169 с.
19. *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Учпедгиз, 1957. 296 с.
20. *Бабанов А.В.* Вопрос об аналитических прилагательных в свете номинационной парадигматики славянских языков // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 40 – 44.
21. *Бабушкин А.П.* Картина мира и концептосфера языка // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы Междунар. симпоз.: в 2 ч. Ч.2.: тезисы докл. Волгоград: Перемена, 2003. С. 12 – 13.
22. *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Воронеж, 1997. 330 с.
23. *Багана Ж., Бондаренко Е.В.* Ассимиляция заимствований из французского языка в среднеанглийских диалектах: монография. М.: Инфра-М, 2012. 149 с.

24. *Базарова Л.Х., Суюндиков Н.С., Холматов Х.Х.* Латинский язык. Ташкент: Extremum Press, 2010. 269 с.
25. *Бакуменко Г.В.* Символизация успеха в современном кинематографе : автореф. дис. ... канд. культурологии. Краснодар, 2019. 24 с.
26. *Бибчук Е.И.* Образный компонент в лексической структуре русского существительного : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1991. 17 с.
27. *Бельцова И.А.* Тема успешности людей пенсионного возраста в современных российских и американских СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2014. 26 с.
28. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
29. *Берсенева О.Ю.* Лингвориторическая организация психолого-прагматического дискурса (на материале популярных книжных серий о достижении успеха): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011. 23 с.
30. *Богданова Л.И.* Новые слова в аспекте взаимодействия языков и культур // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». 2015. № 2. С. 41 – 48.
31. *Богуславский В.М.* Словарь оценок внешности человека. М.: Космополис, 1994. 335 с.
32. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные работы по общему языкознанию в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
33. *Бойко Л.Б.* Об условиях и механизмах проникновения англо-американских заимствований в современный русский дискурс // Своё vs чужое в дискурсивных практиках современного русского языка: монография /под ред. Н.Г. Бабенко, Т.М. Шкапенко. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. С. 66 – 82.
34. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Тамбов: Издательство Тамб. ун-та, 2002. 123 с.
35. *Болдырев Н.Н.* Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. Воронеж, 2001. С. 13 – 19.

36. *Брацун Д.А.* Словообразование и грамматика // Новые горизонты русистики. Вып. 10. Донецк: Донецкий национальный университет, 2020. С. 4 – 11.

37. *Брейтер М.А.* Англицизмы в русском языке: история и перспективы: Пособие для иностранных студентов-русистов. М.: Изд-во АО "Диалог-МГУ", 1997. 156 с.

38. *Брысина Е.В.* Языковая личность и знаковая семантика // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: тез. докл. науч. конф. Волгоград, 1997. С. 24–25.

39. *Букина Л.М.* Внешняя и внутренняя обусловленность языкового заимствования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика, 2016. Т. 20, № 1. С. 89 – 99.

40. *Букина Т.В.* Артистический успех как социокультурный феномен (на материале вагнерианства в России рубежа XIX – XX веков): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2005. 24 с.

41. *Валентинова О.И., Рыбаков М.А.* Активные процессы в современном русском языке в свете детерминантного анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. № 1. С. 63 – 74.

42. *Варбот Ж.Ж.* О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях // Этимология 1984. М.: Наука, 1986. С. 33 – 40.

43. *Василевич А.П., Савицкий В.В.* Слова, описывающие телосложение, и их денотативная отнесенность // Речь: восприятие и семантика: сб. ст. / Отв. ред. Р.М. Фрумкина. М., 1988. С. 69 – 76.

44. *Васильев Л.М.* Теория семантических полей: Обзор. Вопросы языкознания, 1971, № 5. С. 105 – 113.

45. *Ваулина С.С.* Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 8. Филологические науки. С. 7 – 12.

46. Вебер М. Избранные произведения [пер. с англ.]. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
47. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. / пер. с англ. А.Ю. Дюмелева под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
48. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
49. Виноградов В.В. История слов / Отв. ред. академик РАН Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1999. 1142 с.
50. Волошина М.В. Функционально–прагматические характеристики категории мелиоративности в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 26 с.
51. Вольф Е.М. Прилагательное // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2–е изд., доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 430 – 433.
52. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
53. Воркачев С.Г. «Куда ж нам плыть?» – лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 8. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. С. 5 – 27.
54. Воркачев С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: Истоки и цели // Филологические науки. 2005. № 4. С. 76 – 83.
55. Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж, 2002. С. 79 – 95.
56. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 192 с.
57. Вотякова И.А. Словообразовательное поле в структуре номинативного поля концепта // Вестник Удмуртского государственного университета. История и филология. Т. 25, 2015, вып. 2. С. 22 – 26.

58. Гак В.Г. К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание. М.: Изд-во МГУ, 1972. 249 с.

59. Гак В.Г. К типологии лингвистической номинации // Языковая номинация (Общие вопросы). М.: Наука, 1977. С. 230 – 293.

60. Гак В.Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование // Вопросы французской филологии. М.: Московский ун-т, 1972. С. 123 – 136.

61. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. М.: Междунар. отношения, 1977. 264 с.

62. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.

63. Галюк А.Д. Особенности представлений молодежи о жизненном успехе в современной России: автореф. дис. ... канд. социол. Ростов-на-Дону, 2004. 23 с.

64. Гельфонд М.Л., Мищук О.Н., Мирошина Е.Ю. Успех как ценность: социально-философский аспект // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 122 – 130.

65. Гладкова А.Н. Русская культурная семантика: эмоции, ценности, жизненные установки. М.: Языки славян, культуры, 2010. 303 с.

66. Голев Н.Д. Антиномии русской орфографии. М.: Едиториал УРСС, 2004. 160 с.

67. Голев Н.Д. Антропологическая и собственно лингвистическая детерминанты речезыковой динамики: Процессы номинации и деривации в лексике) // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тезисы докл. и сообщений международной научной конференции (12 — 14 мая 1995 г.). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. С. 7 – 8.

66. Голев Н.Д. Внутренняя форма языковых единиц в составе парадигм, образуемых антиномиями «функциональное – генетическое», «внешнее – внутреннее», «отражательное – условное» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Филология, 2012. № 19-2. Кемерово:

Издательство Кемеровского государственного института культуры. С. 277 – 285.

67. *Голев Н.Д.* От редактора // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка: коллективная монография / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1998. С. 3 – 12.

68. *Гончарова Е.Н.* Концепт успех/success в русской и американской лингвокультурах: историко-этимологический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. 2016. № 2. С.49 – 53.

69. *Горбов А.А.* К вопросу о семантическом калькировании и «вторичном заимствовании» в русском языке рубежа XX–XXI веков // Вопросы языкознания. 2015, № 1. С. 87 – 101.

70. *Гордиенко Т.Н.* Идиоматическая представленность концепта "успех" в английском и русском языках: на материале пьес XX века: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2008. 151 с.

71. *Городова Е.С.* Системно-структурное упрощение как фактор автономизации американского варианта английского языка в макросистеме World Englishes: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 21 с.

72. *Гринева С.В.* Терминологические заимствования (Краткий обзор современного состояния вопроса) // Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. С. 108 – 132.

73. *Гусейнов Г.Ч.* Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х гг.: дис. ... д-ра культурол. наук. М., 2002. 952 с.

74. *Гухман М.М.* Лингвистические универсалии и типологические исследования // Вопросы языкознания, 1973, № 4. С. 3 – 15.

75. *Даниленко В.П.* Ономазиологическое направление в истории грамматики // Вопросы языкознания, 1988, №3. С.108 – 131.

76. *Демьянков В.З.* Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла / Отв. ред. М.В. Ляпон. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. С. 606 – 622.

77. *Денисенко В.Н.* Семантическое поле как лексическая категория и метод анализа языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика 2002, № 3. С. 48 – 55.

78. *Дзюба Е.В.* Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного педагогического ун-та, 2018. 280 с.

79. *Долгих Н.Г.* Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии. Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1973, № 1. С. 93 – 96.

80. *Драчева Ю.Н.* Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах // Вестник Череповецкого государственного университета. Филологические науки. Череповец, 2019. С. 134 – 146.

81. *Дьяков А.И.* Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура. Новосибирск, 2003. С. 35 – 43.

82. *Евсеева И.В.* Лексико-словообразовательное гнездо с вершиной – именем соматического объекта: фреймовое устройство // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2013, № 1 (22). С. 33 – 41.

83. *Ефремова О.И.* Успех как социокультурный феномен: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 1993. 26 с.

84. *Заварзина Г.А.* Диахроническая модель слова «чиновник» в русском языке: семантические особенности и векторы развития // Русистика. 2021, Т. 19. № 2. С. 150 – 166.

85. *Заварзина Г.А.* О полевом подходе в исследовании лексико-семантической подсистемы «социальная политика» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021, № 2 (261). С. 190 – 194.

86. *Загуменнов А.В.* «Феноменологический момент» в разработках Г.П. Мельникова: к постановке проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1051 – 1057

87. *Залевская А.А.* Слово в лексиконе человека. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1990. 204 с.

88. *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Эволюция ключевых концептов русского языка в XX и XXI веке: аспекты изучения // Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 299 – 306.

89. *Зацепина Е.А.* Номинативное поле как объективация концепта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2007, № 1. С. 36 – 38.

90. *Зиновьева И.И.* «Лицом румяна, рожа толста» // Русская речь. 1993. № 5. С. 76 – 81.

91. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Изд. 6-е. М.: КомКнига, 2010. 368 с.

92. *Золотова Г.А.* О синтаксической форме слова // Мысли о современном русском языке. М., 1969. С. 58 – 66.

93. *Зубкова Л.Г.* О главном лингвистическом труде Г.П. Мельникова // Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы. Методы. Модели. М.: Наука, 2003. С. 6 – 17.

94. *Зуев М.Б.* Лингвориторика интертекста в переводном американском проповедническом дискурсе как метафизическом дискурсе успеха: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2009. 23 с.

95. *Иванова И.П.* О полевой структуре частей речи в английском языке // Теория языка, методы его исследования и преподавания. Л.: Наука, 1981. С. 78 – 83.

96. *Ильин М.В.* Образ, облик, эйдос, фигура, паттерн. Как слова помогают распознавать образы, ощущать их, понимать их значения и смыслы // Слово.ру: балтийский акцент. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. Т. 9. №2. С. 6 – 20.

97. *Канарский Д.И.* Успех как механизм конституирования социальной реальности: Социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2000. 151 с.

98. *Карасева Е.В.* Предметно-чувственный компонент значения слова как живого знания: автореф. дис ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 16 с.
99. *Карасик В.И.* Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Отв. ред. В. В.Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 95 – 108.
100. *Карасик В.И.* Культурогенные концепты // Язык. Культура. Коммуникация. Волгоград, 2006. С. 24 – 28.
101. *Карасик В.И.* Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология Philologica. Краснодар, 1994. С. 2 – 7.
102. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
103. *Караулов Ю.Н.* Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 191 – 206.
104. *Караханян Е.В.* Социально-философская концепция успеха: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2009. 19 с.
105. *Карцевский С.О.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч.2. М., 1965. С.85 – 93.
106. *Каслова А.А., Чернова Н.А.* Концепт успех /success в русской и английской языковой картине мира // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2010, (2)32. С. 176 – 181.
107. *Катермина В.В.* Национально-культурная специфика образа человека (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... доктора филол. наук. Волгоград, 2005. 39 с.
108. *Катермина В.В.* Номинация человека: национально–культурный аспект (на материале русского и английского языков): монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 224 с.
109. *Кацнельсон С.Д.* Общее и типологическое языкознание Л.: Наука, 1986. 298 с.

110. *Кирилина А.В.* Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. 2013. №18 (2). С. 36 – 45.
111. *Киров Е.Ф.* Детерминанта языка и фонетические явления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. № 1. С. 85 – 91.
112. *Климов Г.А.* О позиционных падежах эргативной системы // Вопросы языкознания, 1983, № 4. С. 86 – 90.
113. *Климовская Г.И.* Субстантив-атрибутивная синлексика современного русского языка: Система. Границы. Функционирование. Томск: Изд-во Томского университета, 1978. 200 с.
114. *Ключников С.Ю.* Философия успеха: гносеологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2003. 23 с.
115. *Кобенко Ю.В.* Экстралингвистический детерминизм природы псевдозаимствования // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2016. 1 (11). С. 29 – 35.
116. *Кобенко Ю.В., Воробьёва В.В.* Специфика изучения языковых ситуаций в историческом развитии немецкого литературного языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (20). С. 100 – 102.
117. *Кобозева И.М.* Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке: сб. науч. тр. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 81 – 87.
118. *Колесов В.В.* Семантический синкретизм как категория языка // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия 2. 1991. Вып. 2. № 9. С. 40 – 49.
119. *Колодкина Е.Н.* Конкретность, образность и эмоциональность русских существительных // Психологические проблемы семантики и понимания текста. Калинин, 1986. С. 70 – 81.
120. *Колшанский Г.В.* Лингвогносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация (Общие вопросы). М.: Наука, 1977. С. 99 – 146.

121. *Колшанский Г.В.* Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 5 – 31.

122. *Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке / Отв. ред. А.М. Шахнарович. Предисл. С.И. Мельник и А.М. Шахнаровича. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. 128 с.

123. *Кондракова С.О.* Ситуация успеха как фактор обучения в трудах отечественных педагогов: XIX – XX веков : автореф. дис. ... канд. пед наук. Белгород, 2008. 23 с.

124. *Коновалова Н.И.* Перцептивные образы сознания в свете данных «Русского ассоциативного словаря» // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Международной науч. конф., посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Г. Бабенко, 28-30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 130 – 136.

125. *Коробова Н.В.* Мелиоративные коммуникативные стратегии современной английской речи: на материале британского ареала : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007. 23 с.

126. *Коряковцева Е.И.* Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016. 152 с.

127. *Костерина Ю.С.* Лингвистические и экстралингвистические особенности англоязычной терминологии физики низкоразмерных систем: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2017. 190 с.

128. *Косых Е.А.* Русская ономазиология: учебное пособие. Алтайский государственный педагогический университет. Барнаул: АлтГПУ, 2016. 101 с.

129. *Кошкина Е.Г.* Эволюция, или «дрейф» языка, основные тенденции его развития (на примере лексико-семантической системы) // Современный немецкий язык: состояние и развитие / Отв. ред.: Л. Нефедова. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 18 – 33.

130. *Крапивкина О.А.* Экстралингвистические детерминанты способа презентации субъекта дискурса (на материале законодательных текстов) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2016. Т. 13, № 1. С. 28 – 31.
131. *Красильникова Е.В.* Инвентарь морфем // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 133 – 158.
132. *Красоткина Е.Ю.* Лексико-словообразительное гнездо с доминантной частью в истории русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 18 с.
133. *Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
134. *Кубрякова Е.С.* Актуальные проблемы современной семантики. М.: Наука, 1981. 130 с.
135. *Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. 159 с.
136. *Кубрякова Е.С.* Части речи в ономасиологическом освещении. М.: Наука, 1978. 114 с.
137. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
138. *Кузнецов А.М.* Национально–культурное своеобразие слова // Языки и культура. М., 1987. С. 141 – 163.
139. *Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 152 с.
140. *Кустова Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
141. *Кутенева Т.А.* Смысловая динамика идеологем советской эпохи (от идеологии, пропаганды и агитации до пиара): автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.

142. *Лаврова В.Л.* Лексико-семантические группы слов, характеризующих человека: автореф. дис. канд. ... филол. наук. М., 1984. 20 с.
143. *Лангаккер Р.У.* Когнитивная грамматика. М.: ИНИОН РАН, 1992. 56 с.
144. *Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). СПб.: Авалон, Азбука классика, 2005. 416 с.
145. *Лейфрид Н.В.* Ответственность как личностная детерминанта представлений об успешном человеке: дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006. 220 с.
146. *Леонтьев А.П.* Формальный анализ атрибутивных именных групп в перспективе конструкций с внешним посессором: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2008. 238 с.
147. *Лотте Д.С.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и термино-элементов. М.: Наука, 1982. 152 с.
148. *Лычкина Ю.С.* Лексические единицы, обозначающие волевые черты характера в русском языке // Русский язык и культура в зеркале перевода. М.: Изд-во Московского ун-та, 2014. С. 650 – 660.
149. *Мангушев С.В., Павлова А.В.* Экстралингвистическая и внутрисконструктурная обусловленность языкового контакта // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 11. С. 157 – 160.
150. *Маринова Е.В.* Теория заимствования в основных понятиях и терминах. М.: Флинта: Наука, 2013. 241 с.
151. *Маркова Е.А., Тодорова И.Д.* Вариативность английского и русского языков в свете лингвистической концепции Г.П. Мельникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1207 – 1218.
152. *Маслова В.А., Лавицкий А.А.* От системности в лингвистике к синтезу с другими областями знаний // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. (1). С. 19 – 24.

153. *Машкова Е.В.* Репрезентация фрейма "достижение успеха" глагольными лексемами современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2010. 193 с.
154. *Мельников Г.П.* Системная типология языков: Принципы, методы, модели / отв. ред. Л.Г. Зубкова. М.: Наука, 2003. 395 с.
155. *Мельников Г.П.* Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадильной: Курс лекций. М.: Издательство РУДН, 2000. 73 с.
156. *Мельников Г.П.* Системный подход в лингвистике // Системные исследования. Ежегодник 1972. М.: Наука, 1973. С. 184 – 205.
157. *Мельников Г.П.* Язык как система и языковые универсалии // Языковые универсалии и лингвистическая типология / отв. ред. И.Ф. Вардуль. М.: Наука, 1969. С. 34 – 45.
158. *Мерзлякова В.Н.* Дискурс успешности в российской медиакультуре 2000-х годов: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2012. 27 с.
159. *Мечковская Н.Б.* История языка и история коммуникации: от клинописи до интернета. М.: Флинта: Наука, 2009. 582 с.
160. *Милькевич Е.С.* Словообразовательное поле отглагольных существительных в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1996. 18 с.
161. *Мишуров Э.Н.* Типология диалектного и литературного грамматического строя современного арабского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1986. 35 с.
162. *Мулляр Л.А.* Социально-философские смыслы образа-концепта "успех": автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Пятигорск, 2012. 44 с.
163. *Названова И.А., Лозовой А.Ю.* К проблеме номинации. Особенности современного эргонимии // Известия Южного федерального университета. Технические науки, Ростов–на–Дону, 2013. 147 с.
164. *Найденова Н.С.* Лингвистические детерминанты постколониального художественного дискурса тропической Африки: на материале французского и

испанского языков Новой Романии: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. М., 2014. 30 с.

165. *Некипелова И.М.* К вопросу о разграничении понятий семантическая деривация и семантическое словообразование в диахроническом аспекте // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011, №2 (14). С. 33 – 46.

166. *Нестерова Т.Г., Ремизова В.Ф., Маркова Г.А.* Содержание концепта «успех» в русской языковой картине мира // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019. Т. 10. № 1. С. 23.

167. *Никитин М.В.* Развернутые тезисы о концептах / Вопросы когнитивной лингвистики, 2004. № 1. С. 53 – 64.

168. *Ноженко Е.В.* Этнокультурная специфика стереотипов-концептов национального характера: "уверенность в себе", "патриотизм", "успешность" американской лингвокультуры: дис. ... канд. филол. наук Кемерово, 2008. 206 с.

169. *Одинцова М.П.* Вместо введения: к теории образа человека в языковой картине мира // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Ч.1. Омск, 2000. С. 8 – 11.

170. *Павловская О.Е., Пузикова Г.В.* Проблемы понимания сущности семантической деривации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. Том 4 (70). № 2. 2019. С. 217 – 231.

171. *Паршина Н.Д.* Лингвокультурологическое поле концепта «успех» в американском варианте английского языка : дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 197 с.

172. *Паршина Н.Д.* Лингвокультурологическое поле концепта УСПЕХ в американском варианте английского языка: автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2007. 25 с.

173. *Пепеляева Е.А.* Структура лексико–семантического поля «человек» в ментальном лексиконе: экспериментальное исследование: автореф. дис. канд. филол. наук. Пермь, 2011. 19 с.

174. *Петрухина Е.В.* Динамические процессы в русском словосложении: когнитивные и коммуникативные аспекты // Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследования. Москва-Тамбов-Белгород. 2017. С. 382 – 387.

175. *Пименова М.В.* Семантическая деривация и синкретизм // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 5. С. 132 – 136.

176. *Покровский М.М.* Избранные работы по языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 382 с.

177. *Покровский М.М.* Семасиологические исследования в области древних языков. М.: Унив. тип., 1895. 123 с.

178. *Попова Е.А.* Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки. 2002. № 3. С. 69 – 77.

179. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения // Культура общения и ее формирование. Вып. 8. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С. 27 – 30.

180. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. 315 с.

181. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Общее языкознание: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток - Запад, 2007. 408 с.

182. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Полевые структуры в системе языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. 198 с.

183. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.

184. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2007. 61 с.

185. *Попова С.Б., Шкапенко Т.М.* Функционирование семантической кальки токсичный в дискурсивных практиках носителей современного русского языка // Филологические науки в МГИМО. Том 6. № 4(24). 2020. С. 156 – 166.

186. *Раренко А.А.* О лексическом значении понятия «успех» (на материале толковых и отраслевых словарей русского языка) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 2020. С. 9 – 13.
187. *Ревзина О.Г.* Структура словообразовательных полей в славянских языках. М.: Изд-во МГУ, 1969. 156 с.
188. *Розенберг Н.В.* Архитектоника успеха в культуре: дис. ... канд. фило-соф. наук. Тамбов, 2001. 176 с.
189. *Романов Д.А.* Эмоции в системе языковых репрезентаций. Белгород: Белгор. гос. ун-т, 2004. 316 с.
190. *Рословец Я.И.* О второстепенных членах предложения и их синтаксических функциях // Вопросы языкознания. 1976. № 3. С. 74 – 88.
191. *Рут М.Э.* Образная номинация в русском языке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 148 с.
192. *Рябуха О.В.* Лингвистическая репрезентация концепта "Успех" в англоязычной публицистической прозе: на материале журнальных и газетных статей: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 170 с.
193. *Сайкова Н.В.* Лингвистические и экстралингвистические детерминанты кодификации норм русского языка в его естественном и юридическом функционировании // Юрислингвистика. 2004, № 5. С. 69 – 75.
194. *Сандакова М.В.* Способы семантической деривации и типы соотношений между значениями в семантической структуре прилагательного // Научный диалог. 2019. № 3. С. 117 – 131.
195. Свое vs чужое в дискурсивных практиках современного русского языка: кол. монография / Под ред. Н.Г.Бабенко, Т.М. Шкапенко. Калининград: Изд-во БФУ им. И.Канта, 2019. 345 с.
196. *Серебренников Б.А.* Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. 564 с.
197. *Серебренников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 244 с.

198. *Сержанова Ж.А.* Детерминирующие факторы речевого поведения этнических немцев в ситуации иноязычного окружения: автореф. дис...канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 21 с.

199. *Скворцова Н.С.* Антонимические отношения в английской фразеологии (на примере концептов 'success' – 'failure'): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 24 с.

200. *Сметанина А.В.* Средства и способы номинации в современном русском языке: На материале наименований одежды, появившихся в современном русском языке во второй половине XX в.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 155 с.

201. *Смирнов И.М.* Концепты в дискурсивной парадигме: интракультурная и кросскультурная корреляция // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9, Исследования молодых ученых. Волгоград, 2015. Вып. 13. С. 166 – 171.

202. *Смирнов И.М.* Кросскультурная корреляция концептов «fame»/«success» и «слава»/«успех» в дискурсивной парадигме // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9, Исследования молодых ученых. Волгоград, 2014. Вып. 12. С. 112 – 114.

203. *Смирнов И.М.* Образ успешного человека в русской и американской лингвокультурах: гендерный аспект (на материале текстов СМИ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2018. 17 с.

204. *Смирнова Л.В.* Генезис феномена "ситуация успеха" в истории отечественной педагогики: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2001. 19 с.

205. *Смирнова О.М.* К вопросу о методологии описания концептов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Филология. Искусствоведение, 2009, № 3. С. 247 – 253.

206. *Солнцев В.М.* Связь генеалогии и типологии и универсальные закономерности языков // Конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков. Тезисы докл., М. 1966. С. 74 – 77.

207. *Солнцев, В.М.* Типология и тип языка // Хрестоматия по лингвистической типологии / сост. Н. С. Шарафутдинова. Ульяновск: УлГТУ, 2004. С. 4 – 10.
208. *Соссюр Ф.* Труды по языкознанию: сборник работ / ред. А.А. Холодович. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
209. *Степанов Ю.С.* Концепт // Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40 – 75.
210. *Степанов Ю.С.* Концепт // Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. И доп. М. Академический Проект, 2004. С. 42 – 83.
211. *Степанов Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
212. *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1980. С. 3 – 13.
213. *Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. 144 с.
214. *Стернин И.А.* Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979. 157с.
215. *Стернин И.А.* Структура концепта // Избранные работы. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 172 – 184.
216. *Стернин И.А., Розенфельд М.Я.* Слово и образ: монография / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2008. 243 с.
217. *Сяосюэ Х.* Речевое воплощение концепта «успешная женщина» в текстах русских глянцевого журналов: на фоне китайского языка: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013. 225 с.
218. *Телия В.Н.* Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (виды наименований). М: Наука, 1977. 358 с.
219. *Телия В.Н.* Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 751 с.

220. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

221. *Тимошина В.Д.* Семантическое и словообразовательное развитие корня *sʏrd- в истории русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2021. 26 с.

222. *Тихонов А.Н.* Словообразовательное гнездо как единица системы словообразования и как единица изучения славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. Ред. Г.П. Нещименко. М.: Наука, 1987. С. 87 – 97.

223. *Тодорова И.Д.* Своеобразие коммуникативного ракурса русской языковой системы с позиции системной лингвистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. № 1. С. 101 – 107.

224. *Трофимова У.М.* Опыт когнитивного экспериментально-теоретического анализа тематической группы «Части человеческого тела»: (На материале русского и китайского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 22 с.

225. *Труфанова Н.О.* Проблема номинации лиц в финансово-экономической терминологии (на материале русского и английского языков): автореф. ... канд. филол. наук. М, 2006. 26 с.

226. *Убийко В.И.* Система и функционирование прилагательных, обозначающих черты характера // Исследования по семантике: сб. науч. тр. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1988. С. 122 – 127.

227. *Улуханов И.С.* Славянизмы в русском языке (глаголы с неполногласными приставками). М., ООО «Управление технологиями», 2004. 268 с.

228. *Урысон Е.В.* Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания. 1995. №3. С. 3 – 16.

229. *Урысон Е.В.* Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3 – 21.
230. *Уфимцева А.А.* Лексическая номинация (первичная нейтральная). 2–е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 88 с.
231. *Уфимцева А.А.* Лексическое значение: принцип семасиологического описания лексики. 2–е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2002. 240 с.
232. *Уфимцева А.А.* Русские глазами русских // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М.: Изд-во ИРЯ РАН, 1986. С. 242 – 249.
233. *Уфимцева А.А.* Языковая номинация: Общие вопросы / А.А. Уфимцева, Э.С. Азнаурова, Е.С. Кубрякова. М.: Наука, 1977. 359 с.
234. *Ухина Т.Ф.* Национальная специфика наименований лиц: (На материале русского и англ. языков): автореф. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1991. 17 с.
235. *Фатхутдинова В.Г.* Словообразовательное гнездо как объект сопоставительного исследования (на материале русского и испанского языков) // Język rosyjski w konfrontacji z językami Europy w aspekcie lingwokulturoznawczym. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2004. SS. 141 – 148.
236. *Федотова М.Е.* Об употреблении мотивированных и немотивированных форм при обозначении лица женского пола по профессии // Слово в динамике. Тверь, 1999. С. 131 – 145.
237. *Хомкова Л.Р.* Структурно-семантическая характеристика метафорического фрейма «Работа-успех-неудача» (на материале немецкого языка): автореф. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2002. 18 с.
238. *Хрынина Е.Н.* Анализ интерпретационного поля концепта «УСПЕХ» в русском языке // Вестник Ставропольского государственного университета. Ставрополь, 2008. № 54. С. 122 – 127.
239. *Хрынина Е.Н.* Лингвокультурная специфика концепта "успех/Erfolg": дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2009. 271 с.

240. *Цветаева Е.Н.* Диффузность и пути семантических трансформаций // Язык и ментальность в диахронии: материалы I Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых ученых (г. Владимир - г. Суздаль, 26-28 сентября 2017 г.) / отв. ред. М. В. Пименова. Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С. 453 – 458.
241. *Черныш И.В.* Поликультурный аспект социолекта молодёжи Германии // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. Материалы III Международного научного конгресса / Под редакцией Е.В. Полховской. 2018. Симферополь: «Ариал». С. 114 – 118.
242. *Чернышев А.Б.* Принципы системной типологии в отношении к категории датива // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 543 – 553.
243. *Чесноков В.П.* Слово и соответствующая ему единица мышления. М.: Просвещение, 1967. 192 с.
244. *Чуриков В.А.* Образ как основа для математического описания психики // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Психология, 2006. Выпуск 2 (53). С. 14 – 21.
245. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
246. *Шведова Н.Ю.* Детерминант // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
247. *Шведова Н.Ю.* Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопросы языкознания. № 6. М.: Наука, 1964. С. 77 – 93.
248. *Шведова Н.Ю.* К спорам о детерминантах (обстоятельственная и обстоятельственная детерминация простого предложения) // Филологические науки. НДВШ. № 5. 1973. С. 66 – 77.
249. *Шведова Н.Ю.* Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения? // Вопросы языкознания. № 2. М.: Наука, 1968. С. 39 – 50.

250. *Ширшов И.А.* Теоретические проблемы гнездования. М.: Прометей, 1999. 236 с.
251. *Шкапенко Т.М., Ваулина С.С.* Проблемы терминологизации и теоретического описания уровней языковой деривации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 6. С. 204 – 215.
252. *Шкапенко Т.М., Попова С.Б.* Конструкции с приименным генитивом качества как средство аксиологического маркирования // Научный диалог. 2019. № 6. С. 87 – 100.
253. *Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
254. *Шпет Г.Г.* Мысль и слово. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2005. 688 с.
255. *Эренбург Н.Р.* Концепт успех и его репрезентация в русском языке новейшего периода: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 234 с.
256. *Юрина Е.А.* Ассоциативно–образные характеристики человека: на материале морфологически мотивированных существительных, прилагательных и глаголов // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. Томск, 1995. Вып. 4. С. 91 – 96.
257. Языковая номинация: общие вопросы / А.А. Уфимцева [и др.]; редкол.: Б.А. Серебренников [и др.]. М.: Наука, 1977. 360 с.
258. *Якутина О.И.* Социальные практики успеха: дискурс повседневности и социально-философское понятие: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Краснодар, 2011. 47 с.
259. *Ярцева В.Н.* Типология языков и проблема универсалий // Вопросы языкознания, 1976. №2. С. 6 – 16.
260. *Abbott G.* Editorial // World Language English. 1981. Vol.1, No.1. P. 1 – 2.
261. *Haugen E.* Bilingualism, language contact, and immigrant languages in the United States: A research report, 1956—1970 // Current trends in linguistics / ed. T. Sebeok. The Hague: Mouton, 1973. Vol. 10. P. 505 – 591.

262. *Kachru B.* The Other Tongue: English across Cultures. Urbana: University of Illinois Press, 1992. 416 p.
263. *Poplack Sh.* Borrowing Loanwords in the Speech Community and in the Grammar. Oxford University Press, 2018. 237 p.
264. *Taras R.* Ideology in a Socialist State: Poland 1956-1983. Cambridge: University Press. 1984. 145 p.
265. *Bartnicka B.* Archaizmy znaczeniowe w tekstach powieści Henryka Rzewuskiego // Poradnik Językowy. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego. 1994. S. 1 – 23.
266. *Baudouin de Courtenay J.N.* Charakterystyka psychologiczna języka polskiego // Baudouin de Courtenay J.N. Dzieła wybrane. T. 5. Warszawa, 1983. S. 28 – 99.
267. *Duda H.* Jan Niecisław Baudouin de Courtenay — prekursor «lingwistyki feministycznej» // Roczniki Humanistyczne. T. 46, zeszyt 1. S. 663—673.
268. *Fatyga B.* Współcześni dzicy w kontekście kulturowym, rozdział, (w:) M. Buchowski (red.), Oblicza zmiany. Etnologia a współczesne transformacje społeczno–kulturowe, Międzychód: Wydawnictwo ECO, 1996. S. 52 – 65.
269. *Firkowska-Mankiewicz A.* Czym jest sukces życiowy dla współczesnego Polaka? // H. Domański, A. Rychard (red.), Elementy nowego ładu. Warszawa : Wyd. IFiS PAN, 1997. S. 304 – 306.
270. *Głowiński M.* Peereliada. Warszawa: PIW, 1993. 390 s.
271. *Grzegorzczkova R., Puzynina J.* Problemy ogólne słowotwórstwa // Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia, red. R. Grzegorzczkova, R. Laskowski, H. Wróbel. Warszawa, 1984. S. 307 – 331.
272. *Heinz A.* System przypadkowy języka polskiego. Kraków : Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1965. 419 s.
273. *Hildebrandt-Wypych D.* Społeczne konstrukcje sukcesu w różnych fazach kapitalizmu // Teraźniejszość – Człowiek – Edukacja : kwartalnik myśli społeczno-pedagogicznej. 2009. Nr 4 (48), S. 25 – 41.

274. *Jadacka H.* System słowotwórczy polszczyzny (1945–2000). Warszawa: PWN, 2001. 115 s.
275. *Karwatowska M., Szpyra-Kozłowska J.* Lingwistyka płci: Ona i on w języku polskim. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Volume Poznań Studies in Contemporary Linguistics, Issue 44(1), p.147–153.
276. *Klemensiewicz Z.* Zarys składni polskiej. Warszawa : PWN, 1963. 133 s.
277. *Konefał A.* Wizerunek I sekretarza Edwarda Gierka kreowany przez propagandę reżimu komunistycznego na łamach dziennika „Trybuna Ludu” // Świat Idei i Polityki. Płock: Wydział Nauk Humanistycznych i Społecznych, Mazowiecka Uczelnia Publiczna w Płocku, 2020, tom 19. S. 299 – 318.
278. *Kowalczyk I.* Ciało i władza. Warszawa: Sic!, 2002. 328 s.
279. *Kowalczyk I.* Matka-Polka kontra supermatka? // Czas Kultury: kultura, literatura, filozofia. Nr 5. Warszawa: Polska DBN, 2003. S.11 – 21.
280. *Markowski A.* Jawne i ukryte zapożyczenia leksykalne w mediach // Język w mediach masowych. Warszawa, 2000. S. 96 – 111.
281. *Markowski G.* Jak odnieść sukces i pozostać uczciwym // Między rynkiem a etatem. Społeczne negocjowanie rzeczywistości. Warszawa: Trio, 2000. 318 s.
282. *Marody M.* System realnego socjalizmu w jednostkach // Co nam zostało z tych lat... Społeczeństwo polskie u progu zmiany systemowej. Londyn: ANEKS, 1991. 208 s.
283. *Mirowicz A.* O grupach syntaktycznych z przydawką. Toruń : Nakładem Towarzystwa Naukowego w Toruniu, 1949. 128 s.
284. *Monczka-Ciechomska M.* Mit kobiety w polskiej kulturze // Walczewska S. Głos mają kobiety. Teksty feministyczne, Kraków, 1992. S. 95-101.
285. *Nowak M.* Tak zwane skupienia nierozzerwalne w dzisiejszej polszczyźnie pisanej // Acta Universitatis Nicolae Copernicis, Filologia Poska. Toruń : Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1973. Zeszyt 57. S. 117 – 157.
286. *Pałka P., Żmigrodzki P.* Z zagadnień opisu leksykograficznego przymiotników relacyjnych (na przykładzie przymiotników z sufiksem -owy) –

[Электронный ресурс] URL: <https://ijp.pan.pl/wp-content/uploads/2018/10/07palka.pdf> (дата обращения: 16.04.2021).

287. *Skowronek K.* Polski sukces sukcesu w świetle opracowań leksykograficznych i literatury popularnopsychologicznej // *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis Studia Linguistica* 12 (2017). S. 238 – 252.

288. *Stone J., Gross K.J.* *Mężczyzna Sukcesu*. Warszawa: MUZA S.A, 2005. 192 s.

289. *Witalisz A.* *Anglosemantyzmy w języku polskim — ze słownikiem [Anglosemanticisms in Polish—with the dictionary]*. Kraków: Tertium, 2007. 342 s.

290. *Wolny–Peirs M.* *Język sukcesu we współczesnej polskiej komunikacji publicznej*. Warszawa: Trio, 2005. 201 s.

291. *Ziółkowski M.* *O imitacyjnej modernizacji społeczeństwa polskiego // P. Sztompka, Imponderabilia Wielkiej Zmiany. Mentalność, wartości i więzi społeczne czasów transformacji*. Warszawa–Kraków: PWN, 1999, 253 s.

2. Словари и энциклопедические издания

Ахманова – *Ахманова О.С.* *Словарь лингвистических терминов*. 2–е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.

БАС – *Словарь современного русского языка: В 17 т.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

Даль – *Даль В.И.* *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. М.: Русский язык, 1978 – 1980.

Дмитриев – *Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева*. М.: Астрель АСТ, 2003. 1582 с.

Ефремова – *Ефремова Т.Ф.* *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. М.: Русский язык, 2000. 862 с.

КСКТ – *Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой*. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.

Кузнецов 2000 – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Латинско-русский словарь – *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь Изд. 2–е, переработ. и доп. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.

МАС – Евгеньева А.П. (ред.). Словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. 4–е изд., стер. М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. 800 с.

Ожегов, Шведова 1999 – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4–е изд. М. 1999. 944с.

Ожегов, Шведова 2006 – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2006, 944 с.

Преображенский – *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: ГИС, 1959.

ПС – Психологический словарь. М.: Владос. 2007. 506 с.

РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, ИРЯ РАН, 1998 – 2007.

РСЭ – Российская социологическая энциклопедия. Под общей редакцией академика РАН Г.В. Осипова. М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. 672 с.

СлРИ – *Кустова Г.И.* Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени. М., 2008. [Электронный ресурс] URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 12.11.2021).

СлРЯ XI –XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М.: Наука – Азбуковник, 1975–М.; СПб: Нестор-История, 2015. Вып. 1–30.

СМС – *Новиков В.* Словарь модных слов. М.: АСТ–ПРЕСС КНИГА, 2011. 256 с.

Срезн. – *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка: В 3 т. Репринтное издание. М.: Книга, 1989.

ССРЯ – Словарь синонимов русского языка / А.П. Евгеньева. М.: Наука, Ленингр. отделение, Т. 1, 1970; т. 2, 1971.

СССРЯ – Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 словар. Статей / Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: Рус.яз., 1983. 688 с.

ССТ – Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.

ССЯ IX – XII вв. – *Словарь старославянского языка*. В 4 т. Т. 4. С — V. Репр. издание. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. 1054 с.

СЦиРЯ – Востоков А.Х. (ред.) Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. 4 СПб.: Типография Императорской академии наук, 1847. 487 с.

СЭРЛЯ – *Горбачевич К.С., Хабло Е.П.* Словарь эпитетов русского литературного языка. Ред. Ф.П. Филин. Д.: Наука, 1979. 567 с.

СЭС – Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1988. 1600 с.

ТСОТ – Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. С: Лань, 1999. 524 с.

Ушаков 1935 – 1940 – Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940.

Ушаков 2000 – Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000. 848 с.

Ушаков 2008 – *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. М.: Альта-Принт, 2008. 1239 с.

Цыганенко – *Цыганенко Г.П.* Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. К.: Рад. шк., 1989. 511 с.

Шведова – *Шведова Н.Ю.* (отв. ред.) Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2011. 1175 с.

ЭС – Экономический словарь. Справочное издание. Краснодар: Атри, 2011. 464 с.

ЭСПП – *Вербицкий А.А.* Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013. [Электронный ресурс] URL: <https://>

psychology_pedagogy.academic.ru/5623/Детерминант (дата обращения: 23.02.2021).

Boryś – *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wydawnictwo Literackie. 861 s.

Brückner – *Brückner Aleksander.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1985. 805 s.

Collins – Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: www.collinsdictionary.com (дата обращения: 20.03.2021).

DSJP – Dubrowski Piotr. Dokładny słownik języka polskiego i ruskiego: część polsko–ruska [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sbc.org.pl/dlibra/publication/8736/edition/8551> (дата обращения: 02.09.2021).

ESJXPVII – XVIII – Elektroniczny słownik języka polskiego XVII i XVIII wieku, red. W. Gruszczyński [Электронный ресурс]. <http://xvii-wiek.ijp.pan.pl> (дата обращения: 05.06.2021).

ISJP – Inny słownik języka polskiego / Pod red. M. Bańko, T. 1–2. Warszawa: PWN, 2000.

Knapiusz – *Knapiusz G.* Thesaurus polono–latino–graecus seu promptuarium lingua Latinae et Graece [...], F. Caesario, Cracoviae [Kraków] 1621. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.leksykografia.uw.edu.pl/slowniki/39/thesaurus-polono-latino-graecus-krakow-1621> (дата обращения: 16.04.2021).

MSJP – Mały słownik języka polskiego / Pod red. E. Sobol. Warszawa : PWN, 1995. 1181 s.

ND – Nowy dykcjonarz, to jest Mownik polsko–niemiecko–francuski, Lipsk, 1764 Michał Abraham Trotz [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.leksykografia.uw.edu.pl/slowniki/38/nowy-dykcjonarz-to-jest-mownik-polsko-niemiecko-francuski-lipsk-1764> (дата обращения: 16.04.2021).

SFJP – *Skorupka S.* Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa : Wiedza Powszechna. T. I. 1967. 788 s.; T. II 1968. 905 s.

SJPD – Słownik języka polskiego / Pod red. W. Doroszewskiego. T. I–XI, Warszawa: PWN, 1958–1969.

SL – Linde S.B. Słownik języka polskiego. T. I–VI. Warszawa, 1807–1814.

SP XVI – Słownik polszczyzny XVI w. Instytut Badań Literackich Polskiej Akademii Nauk Toruń. Wrocław. 1949 [Электронный ресурс]. URL: <http://spxvi.edu.pl/indeks/szukaj/?tryb=0&q=sukces&typ=> (дата обращения: 16.04.2021).

SPP – Słownik poprawnej polszczyzny / Pod red. W. Doroszewskiego. – Warszawa: PWN, 1980. 1054 s.

SS – Słownik staropolski. Tom IX. Zeszyt 1 (55). Ściadły – Taczka. Wrocław, Warszawa, Gdańsk, Łódź. 1982. 81 s.

SSzym – Słownik języka polskiego, red. M. Szymczak, t. I–III, Warszawa 1978–1981.

STJ – Słownik terminologii językoznawczej / Z. Gołąb, A. Heinz, K. Polański. Warszawa: PWN, 1968. 847 s.

SW – Słownik języka polskiego, red. J. Karłowicz, A. A. Kryński, W. Niedźwiedzki, t. I–VIII, Warszawa 1900–1927.

SWIL – Słownik języka polskiego, [red.] A. Zdanowicz i in., Wilno 1861, t. I [Электронный ресурс]: URL: <https://eswil.ijp.pan.pl/> (дата обращения: 06.06.2021).

SWJP – Słownik współczesnego języka polskiego, red. A. Sikorska–Michalak, O. Wojniłko. Warszawa: Wilga, 1996.

SWJPD – Słownik współczesnego języka polskiego, red. B. Dunaj–Warszawa: Wilga, 1996. 1437 s.

SWO – Słownik wyrazów obcych / Pod red. E. Sobol. Warszawa: Wyd. naukowe PWN, 1995. 1185 s.

SWOA – *Arct M.* Słownik wyrazów obcych Warszawa: Wyd. M. Arcta, 1937. 418 s.

SWOK – Słownik wyrazów obcych i zwrotów obcojęzycznych / Pod red. W. Kopłańskiego. Warszawa: Rytm, 2007. 752 s.

USJP – Uniwersalny słownik języka polskiego / Pod red. S. Dubisz, t. 1–4
Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2003.

WSFP – Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami / Pod red. A.
Kłosińska, E. Sobol, A. Stankiewicz. Warszawa: PWN, 2005.

WSJP – Wielki słownik języka polskiego, red. P. Źmigrodzki. [Электронный
ресурс] URL <http://wsjp.pl/index.php?pwh=0> (дата обращения: 02.09.2021).

WSWO – Wielki słownik wyrazów obcych / Pod red. M. Bańko. Warszawa:
PWN, 2005. 1348 s.

3. Источники

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]
URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 12.06.2021).

Bill Gates – Bill Gates success story in 6 steps. [Электронный ресурс] URL:
<https://english.alarabiya.net/features/2021/08/31/Bill-Gates-success-story-in-6-steps/>
(дата обращения: 06.06.2021).

Businessinsider.com – 50 of the Most Successful People in the World in the
Past Year. [Электронный ресурс] URL: <https://www.businessinsider.com/> (дата об-
ращения: 12.05.2021).

Esspro.ru – Успех и успешность в чем же разница. Что такое успех и
успешность в жизни? Понятие и критерии. Что такое успешность. [Электрон-
ный ресурс]. URL: [https://www.esspro.ru/uspeh-i-uspeshnost-v-chem-zhe-raznica-
chto-takoe-uspeh-i-uspeshnost-v/](https://www.esspro.ru/uspeh-i-uspeshnost-v-chem-zhe-raznica-chto-takoe-uspeh-i-uspeshnost-v/) (дата обращения: 12.09.2021).

Finexecutive.com – Признаки успешного человека: 15 штрихов к портрету.
[Электронный ресурс] URL:
https://finexecutive.com/ru/news/priznaki_ushpeshnogo_cheloveka_15_shtrihov_k_p_ortretu/
(дата обращения: 02.04.2021).

Medium.com – The Recipe For Success Elon Musk, A Samurai, And TV Chef
Share. [Электронный ресурс] URL: <https://medium.com/mind-cafe/the-recipe-for->

success-elon-musk-a-samurai-and-tv-chef-share-fe34bbc3259c/ (дата обращения: 02.07.2021).

NFJP – Narodowy Foto Korpus Języka Polskiego. [Электронный ресурс] URL: <https://nfjp.pl/> (дата обращения: 02.09.2021).

NKJP – Narodowy Korpus Języka Polskiego. [Электронный ресурс] URL: <http://nkjp.pl/> (дата обращения: 02.08.2021).

Piter-trening – Фактор роста.15 качеств, делающих человека успешным. [Электронный ресурс] URL: <https://piter-trening.ru/15-kachestv-delayushhih-cheloveka-uspeshnym/> (дата обращения: 02.07.2021).

Psalterz Floriański, Psalm 1. [Электронный ресурс] URL: http://staropolska.pl/sredniowiecze/biblia_i_apokryfy/psalterz_florianski_01.html/ (дата обращения: 02.07.2021).

testmaster.eu – Стань мастером своей жизни. [Электронный ресурс] URL: <https://tetamaster.eu/> (дата обращения: 02.07.2021).

Tramplin.me – школа личной эффективности. Успешный человек - кто он? [Электронный ресурс] URL: <https://tramplin.me/blog/uspeshnyy-chelovek-cto-ona/> (дата обращения: 02.05.2021).

Treningclub.by – 12 качеств успешного человека. [Электронный ресурс] URL: <https://treningclub.by/k-komu-prihodit-uspeh/> (дата обращения: 02.07.2021).

Trump – Trump's formula for success. [Электронный ресурс] URL: <https://www.seattletimes.com/opinion/trumps-formula-for-success/> (дата обращения: 02.10.2021).

uspeh-woman – Постройте собственный путь к успеху – 6 важных моментов. [Электронный ресурс] / <https://uspeh-woman.com/postroyte-put-k-uspehu-6-momentov/> (дата обращения: 02.09.2021).